

ВОЛЯ РОССИИ

**ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ**

XII - I

**ПРАГА
1927**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере « ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1926 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), Е. Зноско - Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин (Н. Мельникова - Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград). Невидимцев, Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживовани Зибрди (Италия), А. Хондокарян (Армения), С. Янниос (Греция). и др.

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего двойного номера: Во всех странах Европы — 80 цент.
В Америке, Китае и Японии — 1 доллар.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelny trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

6-ой ГОД ИЗДАНИЯ

XII-I

ПРАГА

ПРАГА, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СОДЕРЖАНИЕ

Семен Юшкевич: Все в масках, кроме одной	3
Вадим Андреев: Стихи	41
М. Е. Салтыков - Щедрин: Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека (неизданное произведение)	43
Е. Недзельский: Дар скромности и созерцания	50
Вл. Лебедев: О ренессансах, сухопарых бегунах, плацдармах и народничестве	60
А. В. Пешехонов: Опыт национализации	78
Е. А. Сталинский: Ответ А. В. Пешехонову	105
В. В. Сухомлин: Политические заметки (задачи социалистического движения в России)	130
Карл Каутский: Политическое завещание Энгельса	148
С. П. Постников: Веер (Журнальное обозрение)	160
Б. Невидимцев: Московская мозаика (В тюрьме — Горшая из мук - мука близких — Следователи)	185
Д. Лутохин: Обществоведение в современной России	196
Иностранная жизнь:	
Джузеппе Модилиани: Экономика и политика итальянского фашизма	209
Р. Арсенидзе: Политические партии в Грузии	219
Среди книг и журналов:	
С. И. Рапопорт: «Хожение в народ» на английский лад	230
Н. Мельникова: - Папоушек; Театральные мемуары	235
Отзывы о книгах:	
Д. Лутохин: Маклочане. Библиотека для всех, № 257 - 258	238
Д. Г.: Франц. Юнг. История одной фабрики	239

Продолжение очерков **Марка Слонима** «Американские впечатления» будет напечатано в № 2 «Воли России», февраль 1927.

К ПОДПИСЧИКАМ

По случаю рождественских и новогодних праздников выход декабрьской книжки «Воли России» (№ XII) запоздал. В виду этого редакция журнала выпускает очередную книжку «Воли России» (декабрь — январь в двойном размере.

Администрация.

Все в масках, кроме одной*).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная. Окна на улицу. В ровную линию вдоль сцены ряд кресел. Рояль. Большая икона в углу. Марина, декольтированная, в вечернем платье, с оголенными руками, на коленях перед иконой. Молится, крестится... Слышны голоса в соседней комнате. Марина быстро поднялась, подошла к зеркалу и делает вид, что охорашивается.

Входит тетя.

- Тетя.** Покажись ка, покажись, Марина! (Осматривает ее) Чудо, как ты хороша! Повернись! (Повернулась). Пройдись (Прошлась). Всех гостей сегодня с ума сведешь! Особенно нашего князя....
- Марина.** Опять, тетя, вы о князе!
- Тетя.** Ты уже раздумала?...
- Марина.** Да ведь он стар...
- Тетя.** Ну и стар, за то любить будет... И как богат! А если богат, то уже не стар. Молодой прельстится твоей красотой, поиграет, поживет и бросит. Ты поверь мне — я жизнь знаю. А за князем ты как за каменной стеной. Живи в свое удовольствие, царствуй.
- Марина.** Но ведь он ужасен, тетя, руки у него трясутся, толст. Задыхается...
- Тетя.** А вчера что ты мне говорила?
- Марина.** Это во мне искуститель говорил... Нет, ни за что! Лучше в воду, чем за него.

*) Настоящая пьеса предполагается к постановке в одном из Московских театров.

- Тетя.** Глупая! А богатство! Княгиней будешь! Снилось тебе княгиней сделаться? Лучший дом у тебя будет. Только и слышать будешь: Ваше сиятельство, Ваше сиятельство! Я первая буду тебя называть: Ваше сиятельство! Выходи за князя. Послушай тетю...
- Марина.** Что вы с душой моей делаете?
Тетя. (шепотом). Да ведь он долго жить не будет. Терпеть не долго придется. Похоронишь его и ты богатая, знатная вдова. Весь мир перед тобой открыт.
- Марина.** Тетя, правду скажите, продали вы ему меня?..
Тетя. Я о твоём счастье забочусь, а ты: продали! Не стыдно тебе? У меня одно на уме: была бы ты счастлива!
- Марина.** (быстро). Денег видно нигде не достали?..
Тетя. И незачем тебе знать это, достала ли я, или не достала!...
- Марина.** Вот оно что...
Тетя. Марина, не сердь меня! Если любишь тетю — выходи за него, и все мы оживем.
- Марина.** Но ведь еще неизвестно, женится ли он, а вы уже все распределили... Я свое счастье знаю: в самую последнюю минуту чтонибудь и случится. Помните, два года назад что было? Тоже уговаривали, соблазняли, а чем кончилось? Срамом позором. Людям на глаза нельзя было показаться. Нет, не стану я князя соблазнять...
- Тетя.** Кто же мог знать, что тот был женат?
Марина. (Упрямо). Не буду я вашего князя соблазнять.
Тетя. (Умоляет). Ну, ради меня Марина. Ты когда танцовать будешь, сделай вид, что только для него танцуешь. Он растает... и все будет сделано. Обещай, я прошу тебя....
- Марина.** (Сурово). Не могу, тетя, не просите!
Тетя. (Угрожает). Смотри, я дяде скажу — он тебя заставит.
- Марина.** (Расхохоталась). Кто? Дядя? Меня?

- Тетя.** Да, тебя! Неблагодарная!
- Марина.** (Еще громче смеется) Дядя? Меня, заставит!
- Тетя.** Ты с ума сошла! Что это за смех! Не серди меня Марина. Я прошу, прошу, а вдруг прикажу...
- Марина.** Тетя, я всем вам обязана и готова сделать все что потребуете. Только души моей я вам отдать не могу...
- Тетя.** Кто же нас спасет, если не ты...
- Марина.** Значит, продали! Заранее, не спросив, продали!
- Тетя.** Молчи (оглядывается) не кричи, молчи....
- Марина.** Нет, тетя, я тихо.... А если это ваше воображение, если опять обман... а если князь и не думает жениться... Тетя, милая, родная, отпустите меня в монастырь! Не жить мне с людьми. Все мне неудачи, неудачи.... (Припала к ея руке).
- Марина.** (Вырвала руку). Да ты с ума сошла! В монастырь, на каторгу...
- Марина.** Я Богу своему послужу... Я думала, думала — ничего другого не остается. Я, не знаю что с собой сделаю, если не пустите. Я вашего князя убить могу.... Я сама себя боюсь...
- Тетя.** А через час другое будешь говорить. Выходи за князя...
- Марина.** К пропасти ведете? Ну хорошо! Я подумаю, может быть еще соглашусь.
- Тетя.** (В восторге). В серебро и золото он тебя будет одевать, на руках будет носить
- Марина.** Только помните, — не будет он счастлив со мной...
- Тетя.** Что предсказывать! Подойди ко мне — Я тебя поцелую и поздравлю. Только для него танцуй, помни.
- Марина.** (Подходить). Подождите еще поздравлять... Может быть ничего и не выйдет...
- Тетя.** (Целует). Выйдет, выйдет... (Входит дядя). А вот и дядя!

- Дядя.** Вот и я. Что, хорош я во фраке? Идет он ко мне?
- Тетя.** Превосходно. Смотри только, не ударь в грязь лицом перед князем. Все нынче для него...
- Дядя.** (Угрожающе). Опять я о князе слышу!
- Тетя.** (Возмущенно). Как опять о князе? Ты что, с луны свалился? Лучше уж помолчи.
- Дядя.** Помолчи! Слышали.... Ты Марину не мучь...
- Марина.** (Обрадованная). О, дядя...
- Тетя.** Да ты сегодня с ума сошел... Ей Богу, не узнаю тебя...
- Дядя.** И не узнавай... Все это романтика, чепуха: князь, женихи.... Ты, Марина, не беспокойся, все обойдется....
- Тетя.** И ничего не обойдется. Ей за князя надо идти, или нет? Ты что на меня смотришь?
- Дядя.** А смотрю потому, что сейчас гости начнут с'езжаться, а ты, глупый спор завела.... Что, хорош я во фраке? Идет он ко мне?
- Марина.** Чудно, дядя, вы в нем прелесть, молоды, свежи....
- Дядя.** (Довольный). Ну, то то же... еще повоюем, правда, старуха?
- Тетя.** Оставь меня.... Ты скажи, который час?
- Марина.** Четверть девятого, тетя...
- Дядя.** На моих ровно восемь...
- Тетя.** Как же это я не заметила? Сейчас гости начнут собираться, а я еще не одета... Совсем голову из за князя потеряла...
- Дядя.** Говорю романтика... Фантастическая ты женщина....
- Марина.** Вы тетю не обижайте....
- Дядя.** А тебе что за дело?
- Марина.** Вот вы и разсердились... Совсем напрасно, дядя...
- Тетя.** Ну, будет вам! Как у нас легко ссоры вспыхивают...

- Дядя.** Самый фантастический дом в городе — наш... И главный дикий человек въ нем ты...
- Тетя.** (Сердито). А ну спроси, хорош ли ты во фраке? Втемяшится тебе фраза в голову, — целый день будешь ее повторять...
- Дядя.** (Разсмеялся). И буду... Чем дольше повторяешь, тем смысл углубляется. Ну, где тебе понять это?
- Тетя.** (К Марине). Как он тебе нравится?
- Марина.** Нравится, тетя, нравится потому, что сразу не поймешь дядю, а подумаешь и правду вдруг увидишь....
- Тетя.** Ну стану я еще с вами разговаривать.... Пойду одеваться. И ты, Марина, ступай к себе, в зеркало поглядишь, да смотри, чтоб ты, как звезда сияла... Сегодня решительный вечер... Помни. Мы все у князя в руках. Все счастье от него... (Повернулась к дяде). А ты что будешь делать?
- Дядя.** А что мне делать? Поверчусь перед зеркалом, посмотрю, хорош ли я во фраке, идет ли ко мне? Посижу. Люблю чопорный вид гостиной, ея тишину, торжественный вид кресел и невидимых людей, сидящих на них...
- Тетя.** (Оглянулась на него). Бог знает что говоришь!... (Вздыхнула). И как это я прожила с тобой столько лет! Ну, пойду... Ступай, Марина, к себе... Помни же, что я говорила..

Обе выходят, каждая в другую дверь. Дядя, оставшись один, долго стоит закрыв лицо руками. Потом идет вдоль ряда кресел, почтительно и важно кланяется каждому. Кончив, делает жест будто на что то решил....

- Дядя.** Марина... (Ждет). Марина, поди сюда....
- Марина.** (Из комнаты). Не могу дядя.. Перечесываюсь...
- Дядя.** И неправда. Зачем выдумывать?
- Марина.** Сами знаете зачем....

- Дядя.** Не дури... Поди сюда, скажешь, хорош ли я во фраке, идет ли ко мне?
- Марина.** Все поняла, дядя... и не выйду...
- Дядя.** Разсержусь и как крикну...
- Марина.** (На пороге). Вы не кричите.... Пришла я.
- Дядя.** Подойди ближе...
- Марина.** (Трепетно). Зачем?
- Дядя.** Затем... (подходит, берет ее за руку, приводит в гостиную, она опустила голову. Ну, Марина... (подносит ее руку к губам) .
- Марина.** (Неловко пытается отнять руку). Пустите руку, дядя, нехорошо....
- Дядя.** Что нехорошего? А? Посмотри мне в глаза...
- Марина.** (Тихо). Не могу...
- Дядя.** А ты все таки посмотри... Ну, прочитала, что в глазах? Люблю. Понимаешь мою муку? Люблю. До смерти... до преступления...
- Марина.** Не надо вам мне этого говорить...
- Дядя.** А я не могу... Люблю, все слова забыл, кроме одного: люблю...
- Марина.** Мне жаль вас, дядя....
- Дядя.** И жалость принимаю.... Все приму от тебя. Я стар, ты сама юность... Фантастично, да?!
- Марина.** (Просит). Не мучьте меня, дядя... мне страшно... отпустите, я к себе пойду...
- Дядя.** (Вспыхнул). Не смей уходить. Здесь стой, подле меня... (Повернул ее к себе лицом). Дни у меня сумбурные, ночей не сплю. Все тебя вижу перед собой. Околдовала ты меня, так расколдуй... А не можешь — подчинись... Помни, страшна последняя любовь... Подчинись...
- Марина.** (С трепетом, но твердо). Не подчинюсь...
- Дядя.** Этих слов не говори, чтобы я не слышал их больше. Не любишь, притворись, что любишь. Притворишься и полюбишь... Все равно от меня не спасешься... Никому я тебя не уступлю, никому не отдам.... (Схватил ее за руку,

ослепленный страстью, она испуганно вырвала руку, отшатнулась). Боишься меня? А? (Идет к ней).

Марина. (Теряет голову. Все отступает испуганно). Не подходите... Дядя, умоляю, придите в себя, не подходите... (Он идет). Ну, ради Бога.... Я закричу...

Дядя. (Поймал ее). Будешь ты моей? (Обнял ее). Будешь, отвечай?

Марина. (Борется с ним). Стыдно вам... Пустите... Я тебе скажу... Я буду кричать... Да пустите же, вы сумасшедший... (крикнула) Тётя...

Дядя. (потерялся). Не смей кричать... Я тебе покричу... Тише... (Закрыв ей рот рукой. Пришел в себя, с тоской оглядывается).

Марина. Уйти мне надо от вас, но куда я пойду?...

Дядя. Прости меня, Марина... Если бы ты знала какой огонь у меня в груди. (Умоляюще) Марина, Марина...

Марина. Что вы просите меня, дядя. Не могу я... Уж как мне жаль вас...

Дядя. А ты притворись... от жалости... Кто тебя так любить будет, как я? Кому ты так дорога будешь, как мне? Каждый шаг твой буду благословлять, каждую минутку твою счастьем наполню... Притворись, Марина...

Марина. Я, дядя, уж пробовала.... Все представлю себе, закрою глаза, и как увижу, что вы меня целуете... смерть чувствую... Если бы могла, дядя, ни вас, ни себя бы не мучила... Дядя, надо опомниться... о тете подумать...

Дядя. Обо всем думал... Все устрою... Вот плакать перед тобой хочу, а плакать не умею... Пожалей меня...

Марина. А грех, дядя, если бы и пожелала. Как я с грехом справлюсь?

Дядя. Нет греха.... Выдумали грех...

- Марина.** (Взволнованно). Есть, дядя, есть грех. Если бы я греха не чувствовала, разве бы я мучилась? Закрыла бы глаза и будь что будет. Но не могу... Мне душа моя дорога... Разве, дядя, вы в самом деле меня любите, не красоту мою, а меня, душу мою... Нет, вы себя любите... Если бы вы меня любили, разве вы могли бы, посмели мне в этом признаться? Разве позволили бы вы себе требовать от меня любви?
- Дядя.** (Прервал). Посмел, посмел бы...
- Марина.** (Не слушает). И как вы могли предположить даже, что я соглашусь? А если подумали, поверили, то ведь заранее считали меня способной на низость... Такая ли я? За что же это мне, за что? (Всплеснула руками).
- Дядя.** (В умиленном восторге смотрит на нее). О как ты хороша теперь. (Опустился на колени). Люби меня... Согласись... Марина, снизойди, пожалей, уступи...
- Марина.** (Поражена, отступает). Опомнитесь, дядя... Что вы делаете...
- Дядя.** Ты видишь... Будь моей, будь моей...
- Марина.** Никогда, слышите, дядя, никогда я не буду вашей...
- Дядя.** (Вскочил). Нет. Ну, хорошо... Посмотрим...
- Марина.** Скорее за князя пойду...
- Дядя.** Ладно... Но, запомни, Марина, ты сама мне все разрешила... (Вдруг). А что хорош я во фраке? Идет он ко мне? (Дико разсмеялся и быстрыми шагами вышел из гостиной. Марина, пораженная, смотрит ему вслед).

Входит Подруга.

- Подруга.** (Расфранченная). Здравствуй, здравствуй, Марина... Я на минутку к тебе. По очень, очень важному делу...
- Марина.** (Пришла в себя). По какому делу?...
- Подруга.** Скажу. (Вдруг удивленно). Ты на бал идешь?

- Марина.** Нет это у нас сегодня вечер... (Устало). И князь будет...
- Подруга.** Значит, ты для князя так разоделась?
- Марина.** Тетя заставила...
- Подруга.** Налаживается у вас!.. Поздравляю... Гадость какая твой князь, развалина...
- Марина.** Ты с тетей поговори... Развалина.... Со стороны легко судить... Садись...
- Подруга.** Да ведь я на одну минутку... И такая новость, что ты вот какие глаза сделаешь? (Посмотрела на нее). Ты не плакала?
- Марина.** (Отвернулась). Нет, не плакала...
- Подруга.** Не плакала Гмм... Нет, у вас что то было тут, меня не проведешь... Угадала? Опять с тетей ссорилась?
- Марина.** И тетя и другое... Не понимаю, почему, почему все дурное ко мне прилипает! Кажется полжизни бы отдала за чтонибудь приятное, и нет его...
- Подруга.** Не говори загадками... Что тут у тебя случилось? Я любопытная.... расскажи...
- Марина.** Не стоит рассказывать...
- Подруга.** Ну вот не стоит... (Вынула портсигар, закурила). Хочешь папироску? С духами...
- Марина.** Ты уже и курить начала?
- Подруга.** Да... Хорошенькая женщина не может не курить. Ты посмотри, как это идет ко мне... (Пускает дым). Хорошо ведь, а? Ну, рассказывай, что случилось.
- Марина.** Дядя мне только что в любви объяснился...
- Подруга.** (Вскрикнула). Не может быть! Как? Дядя! Этот старик... Тихоня! (Хохочет). Что он с ума сошел? Тетя знает ли? А ты? Ты что?
- Марина.** Что? Ну, прогнала его. Вот тут стоял на коленях, умолял, угрожал... А тут тетя с князем и я от всего этого, словно с ума сошла...

- Подруга.** (Смотрит на нее). Все же, что не говори, а везет тебе... Мужчины так и льнут к тебе!... Ну, старики, развалины, а все же мужчины... А знаешь зачем я пришла к тебе? Приготовь большие глаза!
- Марина.** Ну говори же, не томи меня...
- Подруга.** Помнишь офицера с которым я тебя на балу познакомила? Такой высокий, прелестный...
- Марина.** (Оживилась. Быстро). Который со мной мажурку танцевал? Да? С голубыми глазами, блондин!
- Подруга.** Ну, да, этот самый...
- Марина.** И что же, что?
- Подруга.** Что? (Смеется). Представь себе, влюбился в тебя. Но как! Только тобой и бредит...
- Марина.** Что? В меня влюбился? Ты правду говоришь? Это не шутка? Как же это случилось? Наше знакомство было такое короткое... Нет, это невозможно... Ты смеешься надо мной...
- Подруга.** Ну вот еще, смеюсь... Это очень серьезно... У меня к тебе даже записка от него... (Ищет ее). Тетя не зайдет сюда?
- Марина.** (Поражена, в восторге). Записка? Не может быть! Дай ее, дай мне. (Протянула руку. Вдруг словно опомнилась). Как? Записка? От него? Ко мне?
- Подруга.** Я ж тебе сказала, что от него. Тетя не зайдет сюда?
- Марина.** Как же он посмел писать мне? За кого принимает?
- Подруга.** ...Просто с ума от любви сошел... И я его понимаю. Молод, горяч... Что ж тут плохого? Возьми прочти... Он каждый день приходит ко мне, все о тебе говорит... Как же я могла отказать записку передать?...
- Марина.** Все обо мне говорит? Ну, рассказывай, рассказывай.... А что он пишет? Ты читала?
- Подруга.** Конечно читала...

- Марина.** Ну дай, дай записку... Нет, не стану я читать... (Сжала голову руками). Что же вы все со мною делаете? Словно кошмар меня душит. Ну тетя, дядя, но ты, ты куда меня толкаешь?
- Подруга.** Как это я толкаю? Что за слова?
- Марина.** Разве он не мог иначе поступить, — познакомиться с дядей? Нет, спрячь записку, я читать не стану...
- Подруга.** (Таинственно). Но он тебя похитить хочет...
- Марина.** Как похитить?
- Подруга.** Как в романе... Приедет ночью с тройкой... Он очень богат.
- Марина.** (Встала. Указывает на дверь). Иди вон отсюда...
- Подруга.** (Вскочила). Что такое? Вон? Меня! Ты с ума сошла?
- Марина.** Да, тебя. Ступай и больше не ходи ко мне...
- Подруга.** Как заважничааа! Не ходи к ней... И не надо мне ходить. Оставайся с своей развалиной, князем... Глупая, глупая...
- Марина.** Я не слышу тебя. Иди, ради Бога... Мне так стыдно, что руки бы на себя наложила... Прощай...
- Подруга.** Ну помиримся, Марина... Будет, не сердись... Ведь мы подруги.
- Марина.** Ты не подруга, а хуже врага... Прощай...
- Подруга.** Ну и прощай... Подумаешь, горе какое... Княгиня! (хохочет).
- Уходит. Пробегает лакей, за ним другой.
- Лакей.** Барышня, звонят, гости с'езжаются.
- Вышли. Марина уходит к себе. Входят дядя и тетя. Он впереди, она позади. Спешат озабоченные к гостям. Вышли. Входят первые гости. Он и Она.
- Онъ.** (К ней). Какая неожиданная встреча. Вы, вы? Здесь?
- Она.** Я знала, что вы приглашены. Я ради вас пришла.

Онъ. А муж?

Она. Муж? (Смеется). Сядем.

Садятся рядом.

Онъ. После ужина я провожу вас...?

Она. Непременно...

Онъ. И вы не спрашиваете куда?

Она. Я ваша!

Онъ. Закройтесь веером, я вас поцелую...

Она. Целуйте! (Закрылась веером). Теперь нас никто не видит...

Онъ. Никто! (Целует) Какое счастье, какое блаженство...

Она. Я ваша...

Молчание. Тишина. Входит Молодой Гость под руку с генералом.

Мол. гость. (Заискивающе и льстиво, изогнувшись). Не угодно ли, Ваше превосходительство, вот здесь сесть? (Указывает на крайнее кресло с правой стороны). А я позвольте, уже постою, ваше превосходительство...

Генераль. (Басом и снисходительно). Садитесь, молодой человек...

Мол. гость. (Извивается). Разрешите, Ваше превосходительство, постоять... из уважения, ваше превосходительство. Я, ваше превосходительство, не впору родился, я человек седой старины. Люблю дела давно минувших дней. Например.. война! (С умилением). О, война! (Извивается).

Генераль. Благо, молодой человек, сущее благо...

Мол. гость. (Уничтожившись). Расскажите, ваше превосходительство, как воевали наши деды! Осчастливьте, ваше превосходительство...

Глухой шум, начинают появляться гости: Декольте, Мундиры, Фраки. Входя, кланяются неизвестно кому. Рассаживаются в кресла, принимают вид окаменевших.

- Генераль.** Как воевали в старину? А вот как, молодой человек. (Встал). Первая колонна марш, вторая колонна — марш. (Самодовольно смеется).
- Мол. гость.** (Восторженно повторяет). Первая колонна марш. Пушки — бум - бум. Тра-та-та. Восторг! О, ваше превосходительство, продолжайте....
- Генераль.** (Командует). Третья колонна — марш, четвертая колонна...
- Мол. гость.** (Со стоном). О! О! О!

Гости оглядываются на них. Оба умолкают. Тишина. Все сидят неподвижно, как деревянные. Входит Дядя под руку с Князем. Князь толст, безобразен, едва двигает ногами. Все встали.

- Фракъ.** Его сиятельство!
- Декольте.** Их сиятельство...
- Мундиръ.** Ваше сиятельство...

Князь делает знак рукой, кланяется. Все садятся. Застыли.

- Князь.** (К дяде. Говорит очень громко, точно глухому, и медленно). Девочка? Это хорошо! Особенно, если глазки синие.... (Гости почтительно и поощрительно хихикают). Серые еще лучше! Сама тоненькая, волосики спелая рожь. (Гости все больше оживают). Крошечный домик и березку посадите! Высоко, кудряво, зелено. И к тому же, девочке параллельно! (Раздельно). Па-ра-ллель-но! (Зашатался. Его поддержали. Гости в восторге. Перекликаются).
- Сюртук.** (С восторгом). Параллельно! Изумительно.
- Декольте.** Зелено...
- Фракъ.** Кудряво...

Шум восторга.

- Дядя.** А соловей, ваше сиятельство! Соловья забыли!
- Князь.** (Вспомнил). Да, соловей! Но раньше березку! Соловей потом. Соловей прилетит. В кустах где -нибудь сядет и залется. А вы в халате! В зубах трубка, березка зеленью в небо, и на

траве девочка, синеглазая, сероглазая еще лучше, полненькая, розовенькая! зашатался, его поддерживают) невиненькая...

- Дядя.** Ваше сиятельство, вы бы сели....
Князь. Сяду... (Страстно). И устами к устам! Девочка соловья слушает! И целуешь, целуешь!
Фракъ. Хи-хи-хи...
Мундиръ. Хо-хо-хо...

(Смешок гостей).

- Князь.** (Вспомнил). А племянница где?
Дядя. Придет. Садитесь, ваше сиятельство... (Усаживает его).
Князь. И танцевать будет?
Дядя. Обязательно...
Князь. (Захлебнулся от восторга). Люблю... когда девочка... (Опять захлебнулся) танцует... Ножки!... (Смотрит на всех). Ножки! А!

Замолчал. Тишина. Входят лакеи, становятся свечками у дверей. Входит Тетя и Величественная Дама. Все встали, церемонно кланяются.

- Тетя.** (Голос ея звучит громко и одиноко). Сейчас войдет моя племянница, Марина. Последний локон завивает. Представьте, Князь, сегодня она монастырем бредила...
Князь. Монастырем? (Строго). Не позволить, не позволить!
Фракъ. (Встал, возмущенно). Не позволить, не позволить... (Сел).
Сюртук. (Возмущенно). Почему монастырь?
Велич. Дама. Монастырь одобряю!
Фракъ. (С злобой). Сжечь все монастыри!

Гости точно перекликаются.

- Сюртук.** Сжечь их!
Декольте. Разрушить!
Мундиръ. Разбить все идолы!

Втор. Сюртукъ. Бога к чорту!
Велич. Дама. Не сметь Бога поносить!

Шум. Смятение.

Тетя. (Покрыла голоса). Марина будет танцовать... (Восторг). Встретим ее так, чтобы она о монастыре забыла. (Рванулась к Князю). Князь, вскружим ей голову...

Голоса. Вскружим, вскружим!

Князь. (Встал). Но где же она, где? Покажите мне ее! (Зашатался. Его почтительно усаживают).

Тетя. Сейчас придет. Вы увидите, как она танцует... Слушайте, князь, я сажусь за рояль. (Садится, начинает играть). Марина начинает медленно, медленно... Я чуть ускоряю темп. Слышите? (Ускоряет темп). Тогда Марина зажигается. Зажигаюсь и я. Сливаемся с ней в общем чувстве. (Начинает быстрее играть. Гости оживают). Невольно, князь, совершенно невольно, начинаю напевать. (Напеваает. Гости заражаются и тихонько подпевают. Князь выражает восторг). Потом, вдруг ускоряю темп. Марина несется, как птица. Гонимся друг за другом....

Мундиръ. Хорошо! Чудесно...

Фракъ. Тише...

Князь. Превосходно... Ножки! а! (Смотрит на всех). Ножки! (Сладострастно смеется).

Тетя. Князь, слушайте! Марина, я, музыка все несемся вихрем куда то все выше в небо... в глубину, в синь... (Все быстрее играет. Гости задвигались). И тут, князь, я не выдерживаю: что то словно разрывается во мне, и я прошу, молю: Марина, Марина, пой чтонибудь дикое, татарское, ги, го, гу...

Кричит в экстазе: ги, го, гу Гости увлечены. Притоптывают ногами, кричат: ги, го, гу Князь поднимается, шатается, падает в кресло. Шум, восторг, смятение...

- Князь.** Но где, где она? Я хочу с ней танцевать... Я ей цветы послал...
- Тетя.** Сядьте, князь, сядьте... Она придет. Она сейчас придет.
- Дядя.** (Стороживший у дверей). Идет, идет!
- Тетя.** Идет!

Наступает тишина. Все повернули головы к дверям. Князь поднялся. Тетя подошла к дверям. Появляется Марина. Тетя берет ее за руку. У Марины в руках большой букет цветов.

- Тетя.** (Представляет торжественно). Моя племянница, Марина. (Все встали. Церемонно кланяются).
- Мундиръ.** Как хороша!
- Фракъ.** Божественна!
- Князь.** Лилейный цветок...

Марина не глядит ни на кого. Нервно мнет цветы. цветы.

- Тетя.** Марина, Князь смотрит на тебя, подойди к нему. (Все ждут).
- Марина.** (Подняла голову. Дерзко). Князь, это вы мне букет прислали?
- Тетя.** (В ужасе). Что с тобой, Марина! Как ты с князем говоришь? (Общее внимание).
- Князь.** (Бормочет). Как... дань... красоте и молодости...
- Марина.** (Возмущенно). И записка в нем ваша?
- Тетя.** Марина, я тебе не позволю так говорить с князем.... Слышишь? Успокойся... Пойди к себе...
- Марина.** (Твердо). Никуда я не пойду. Князь, записка эта ваша?
- Дядя.** (Взволнованно бросается к ней) Что такое, что случилось?

Волнение.

- Марина.** Дядя, вы знаете, что Князь позволил себе написать мне? Читайте! (Сует ему записку. Вне себя). Все читайте, все. А вам, князь, возвращаю ваш букет... (Швыряет ему букет в лицо).

Вы совершили низость и никогда, никогда, слышите, я не пойду за вас.... (Тетя вскрикнула).

Князь. (Встал, зашатался). От пылких чувств...

Волнение, возбуждение. Тетя бросается то к Марине, то к Князю...

Тетя. Марина умоляю тебя.. Князь, не сердитесь..... простите ее.

Марина. (Возбужденно). Тетя, если в князе сохранилась еще капля чести, он сейчас же уйдет отсюда... Ну, князь.... (Указывает ему на дверь).

Фракъ. Какова девушка! Восторг!

Декольте.

Мундиръ.

Фракъ.

} Скандал.

Все встают, жестикулируют. Шум.

Тетя. (Истерично). Князь, не уходите! Пусть все сядут. Умоляю! (бросается к гостям). Прошу, прошу... Князь, ах, князь! (К Дяде). Да проси, же проси... Никогда, никогда, Марина, не проси тебе позора.

Марина. (Гордо). Не надо мне вашего прощения... Князь, вы все еще здесь? (Тетя хочет к ней броситься). Не подходите, не подходите, иначе я сейчас же убью себя.... на ваших глазах... (Вне себя). Пусть он уйдет... Все пусть уйдут...

Тетя. (Всплеснула руками). С ума сошла...

Марина стоит в гордой позе с протянутой рукой... Смятение. Возмущение, злорадство. Князь, пошатываясь и поддерживаемый кем то выходит. Тетя бросается за ним. Гости постепенно начинают уходить... Марина гордо и вызывающе смотрит на Дядю.

Дядя. (Подбегает к Марине. С восторгом). Ты была великолепна, Марина.. О как ты была хороша!

Марина. Уйдите от меня....

Дядя. Куда я уйду от тебя! (Как в бреду). Марина, или ты или смерть! Спаси себя, спаси меня. (Вдруг обнял ее, страстно шепчет). Сегодня

- ночью я приду к тебе. (Марина борется). Дверь закроешь, дверь сломаю... (целует ее).
- Марина.** (Вывалась). Вы сумасшедший... Уйдите, вы пьяны...
- Дядя.** Пьян, пьян, пьян, тобой пьян... Сегодня ночью...
- Марина.** (В ужасе и гневe). Сейчас же, сейчас убегу отсюда... На улицу пойду, первому на шею брошусь, а вам не покорюсь. Погибну — пусть, но отомстится вам за меня... (Бежит к дверям).
- Дядя.** (Поймал ее за руку). Марина, опомнись, не пусти тебя!
- Марина.** Вы не пустите? Ну, дядя, прочь руки. (Вывалась, выбежала).
- Дядя.** (Бросился за ней). Марина, вернись. Я пошутил, я только грозил! (Сталкивается в дверях с тетей.).
- Тетя.** (Ломает руки). Погибли, мы погибли!...
- Дядя.** Погибли? О чем горюешь? Ведь Марина убежала, дом бросила!
- Тетя.** (Окаменела). Что? Марина дом бросила? Когда? Вернуть, сейчас же вернуть ее! Князь, Боже мой! Зови людей. (Кричит). Эй, люди!....

Появляются лакеи. Стревожены.

- Дядя.** Сейчас подать пальто, шляпу... (Лакей бежит).
- Тетя.** И я иду... Князь! Я иду! Он не простит! Ах, Марина, Марина!
- Дядя.** (Надевает пальто). Ах, Марина, Марина!
- Тетя.** (Надевает пальто). На улице умру, а без нее не вернусь...
- Дядя.** (Вдруг подошел к иконе). Господи, помоги! (Крестится).
- Тетя.** Оставь Бога... Идем, идем... (Увлекает его).

Лакеи следуют за ними.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Улица. Синяя ночь. Ночные ритмы, ночные в золоте света, краски и линии. Таинственная, манящая музыка ночи, замирающая в шуме и оживающая в паузах. Пестрая тающая стена Прохожих, — Ночных гуляк, Бездомных женщин. Двое Юношей. Свежие, молодые голоса.

1-й Юноша. (С радостным порывом). Вот она... Поспешим..

2-й Юноша. Нет, нет, мы ее испугаем.. Здесь слишком светло.

1-й Юноша. Правда слишком светло... Но какая красавица!.. Кто она? О, только бы не потерять ее...

2-й Юноша. В темной улице она будет нашей. Поспешим... Ты еще видишь ее?

1-й Юноша. (Смотрит). Кажется, вот та — она! Боже мой, нет! Не та ли? Поспешим, поспешим!

2-й Юноша. (С восторгом). Вижу ее! Скорей, скорей....

Взял первого под руку и быстро с ним удаляется. Музыка ночи. Появляется князь, поддерживаемый Двумя Гостями.

Князь. Скандал, скандал... Не опомнюсь! Но что за девушка? Восторг!...

Перв. Гость. Восторг, ваше сиятельство... Если бы не записка... Осмелюсь спросить, что вы в ней писали?

Князь. И не я писал. Секретарю поручил...

Перв. Гость. (Усердно). Хо-хо-хо!

Втор. Гость. Ха-ха-ха!

Князь. На весь город осрамила... Но — ничего. Тетя у меня в руках. Я своего добьюсь...

Перв. Гость. Добьетесь, ваше сиятельство...

Князь. Не то их со света сживу.... (Сладострастно). Но девочка, а? Огонь!

Втор. Гость. Огонь, ваше сиятельство....

Князь. Всего меня перевернула. Завтра к ним с визитом поеду. Прихвачу векселя. Позеленеют. Девочку с'ем! (Показывает). С'ем!...

Перв. Гость. Хи-хи-хи, ваше сиятельство,..

Втор. Гость. Хо-хо-хо, с'едите, ваше сиятельство... с маслом...

Князь. (Ворочает глазами). С маслом! (зашатался).

Перв. Не упадите, ваше сиятельство....

Втор. Гость. На меня обопритесь, ваше сиятельство...

Поддерживают его. Скрываются. Музыка. Появляется Тетя, Дядя, два лакея позади их. Дядя озабоченно ищет глазами в толпе...

Дядя. Не найти нам ее! (К лакеям). Эй, вы чего зазевались?

Тетя. (Вынырнула из толпы, где искала). Нет ее! (К лакеям). Вы ищите там, а мы прямо пойдём.

Лакеи. Слушаю. (Оба уходят).

Тетя. Я домой не вернусь, пока не найду ее... Что я князю скажу?

Дядя. К чорту князя...

Тетя. (Сердито). Теперь к чорту? А кто к Князю меня посылал? Ищи, ищи... И как ты отпустил ее? Я бы на пороге легла.... Ведь Князь никогда не простит...

Дядя. (Сердито). К чорту твоего Князя... Девочки жалко... Где то она теперь? Пропадет, пропадет....

Тетя. И пускай! Только бы найти ее. Князю представить и с плеч долой...

Дядя. Представить? Представишь теперь! Пойдем. Что стоять? Все равно не дождемся...

Тетя. Пойдем, пойдем...

Идут. Он впереди, она позади. Скрылись. Музыка. Появляется Марина. Вздволнована, оглушена улицей. Прохожие оборачиваются на нее. Она не замечает. То решается подойти к кому нибудь, то пугается. Вдруг решилась и с порывом бросилась к Первому встречному.

Марина. (Не смело). Господин, Господин! (Тот не слышит). Послушайте! Умоляю! Ну, обернитесь!

1-й Встрѣч. (Оглянулся на нее, сердито). Что надо? Ты кто?

Марина. (Умоляюще). Не сердитесь, ради Бога.. Выслушайте меня...

1-й Встрѣч. (С нетерпением). Некогда мне тебя слушать? Ступай, ступай.

Марина. (Робко). Только одно слово...

1-й Встрѣч. Ни одного. Некогда, некогда... Спешу друга предать...

Марина. (Вскрикнула). Что вы сказали? (Отступила). Друга предать!...

1-й Встрѣч. Что удивилась? Ну да, друга предать! Не задерживай...

Марина. (Закрывает лицо руками). О, какой ужас!..

Предатель быстро уходит. Марина растерянно оглядывается. Бросается ко второму Встречному.

Марина. (Идет за ним). Послушайте... На одну минуту...

2-й Встрѣч. (Грубо). Убирайся! Некогда, некогда!...

Марина. (Умоляет). Возьмите меня... Я девушка...

2-й Встрѣч. (Посмотрел на нее удивленно). Девушка? (Всматривается в нее. Она пугается его глаз) Жаль, что некогда.. Взял бы тебя. Но не успею... (Таинственно). Я палач! Надо к разсвету успеть все для казни приготовить...

Марина. (Отступает в ужасе). Палач? О, Боже мой!

2-й Встрѣч. Чего испугалась?

Марина. Уйдите от меня...

2-й Встрѣч. Приходи завтра сюда. Уж я возьму тебя...

Марина от ужаса бросается бежать и сталкивается с Третьим Встречным. Палач уходит.

Марина. (Схватила его руку). О спасите меня, спасите!.. Он (указывает на уходящего палача) он... (Не может досказать).

3-й Встрѣч. Что останавливаешь? Не узнала кто я?

Марина. (С трепетом). Кто вы?

3-й Встрѣч. Убийца я! Иду убивать! Вот он — нож! (Показывает). Ну, не задерживай. Некогда, некогда!

Марина. (Вплеснула руками). Убийца? Господи, что же это я делаю? Не опомнюсь я! (Убегает).

3-й Встрѣч. Испугалась! Хо-хо!...

Уходит. Музыка. Вбегают первые Юноши.

- Первый.** (Ищет). И здесь нет ее.
- Второй.** (С отчаянием). Нет, не найдем ее.. Толпа разделила нас и мы потеряли ее... Как хороша она была, когда отвернувшись стыдливо слушала нас.
- Первый.** Теперь она с другим...
- Второй.** Невозможно, невозможно... Как прост и мил был ее разговор... Как она умоляла нас... Будем искать ее, искать... Спасем ее. (Вдруг). Вот она! (Смотрит на проходящую). Нет, это не она... Может быть вот та — она? (Бежит, возвращается печальный). Нет, не она...
- Первый.** Она с другим, она с другим...
- Второй.** Нет, нет, она может быть ищет нас, тоскует, как мы! Я буду искать ее, искать, и здесь, на улице, меня встретит завтрашняя заря... (Вдруг). Кажется она, там, в глубине?... Пойдем, пойдем....
- Уходят. В толпе офицер. Марина идет за ним...
- Марина.** (Тихо). Офицер, офицер!
- Офицеръ.** (Обернулся. Строго). Убирайся...
- Скрылся в толпе.
- Марина.** (К встречной девушке). Как жестоки люди на улице!
- Дѣвушка.** (Смерила Марину глазами). Вы ко мне говорите?
- Марина.** Не знаю, к вам ли, с собой ли говорю! Как страшно на улице! Где же люди, люди! И за чем я бьюсь здесь?
- Дѣвушка.** (С участием). Не понимаю... О чем Вы?
- Марина.** (Откровенно). Вот вы девушка и я девушка. Хоть вы поймите меня... Вы видели, офицер прогнал меня...
- Дѣвушка.** Видела, Чтож, это здесь часто случается. Люди жестоки...
- Марина.** Почему же, почему? Что я ему сделала? Дома я думала: выйду на улицу и все упадут к моим

- ногам... И так мне стыдно теперь... Ничем я не искуплю своего стыда... Что же, что мне делать? Ведь домой мне вернуться нельзя. Да? Вы девушка. Скажите, посоветуйте... научите...
- Дѣвушка.** Что с Вами? Вы бредите... Идите домой...
- Марина.** (С тоской). Нет у меня дома... Я потерялась... Спасите меня... Ведь дома меня ждет родной дядя, чтобы погубить... Он старый, страшный, неумолимый... Тетя еще хуже... Она продала меня Князю... Понимаете, отчего я на улице?... И что мне делать, куда пойти, — не знаю...
- Дѣвушка.** А ножом полоснуть дядю не могли?...
- Марина.** Ножом? А Бог?
- Дѣвушка.** (Вдруг злобно). Бог! Да что вы ко мне пристали? Мне то какое дело... (Марина отступает). Ночь идет, мне заработать нужно. Пристала! Бог! скажите, пожалуйста, Бог! Ножом бы и твоего Бога полоснуть...
- Марина.** (Поражена). За что же вы так?...
- Дѣвушка.** (Злится). Дядя, Тетя, Бог. Знаем мы эти сказки... (К мужчине). Эй, пойдешь со мной...
- Подхватила Мужчину и с веселым смехом уходит с ним. Показывает пальцами на Марину. Марина в страхе отступает. На нее налетает Прохожий.
- Марина.** (Хватает его за руку). Ну, вы хоть, вы пожалейте меня!
- Прохожий.** (Поражен). Что такое? Пустите руку. Что вам надо?
- Марина.** (Не отпускает его). Ничего уж не надо...
- Прохожий.** Может быть денег? (Роется в кармане).
- Марина.** Нет, нет, не денег... (Ищет слов). Хотите спасти человека?...
- Прохожий.** Какого человека? От чего спасти? Пустите мою руку и говорите скорей... я спешу... (Таинственно). Меня ждет смерть!
- Марина.** (Отступила). Смерть!
- Прохожий.** (Говорит словно другу). Да тут недалеко. Да, смерть. Что есть человек? Вы когданибудь ду-

мали об этом? Человек есть вечность в вечности! Нравится вам моя формула? Да, она сложна, доказывать долго, да вы и не поймете. Примите на веру. И вот спешу на свидание со смертью. Пофилософствуем с ней. Ведь вечность всегда перед нами, с нами и в нас. Да? Поняли? Согласны? Отлично! Теперь говорите в чем дело...

Марина.

Мне страшно с вами....

Прохожий.

(Сердится). Зачем же вы остановили меня? Человек спешит на свидание, не мешайте ему... В последний раз спрашиваю, что вам нужно от меня?

Марина.

Спасите меня... О, спасите, укройте, спрячьте... Я девушка... (бормочет), возьмите меня. ..

Прохожий.

Куда я вас возьму? (Вдохновенно). Если вы несчастны — я помогу вам. Я открою вам тайну. О, если бы люди узнали то, что и я теперь знаю! Думали ли вы когда нибудь об обмане Природы... Думали ли вы о том, как подло, как низко Природа ограбила человека. Как искусно она соблазнила носорога, гиппопотама, овцу, льва, стрекозу и человека! Я, я вырвал жало у нее! (С торжеством). Я разгадал Природу! Человечество, вперед, за мной....

Марина.

(Испуганно бросается к нему). Кто это там?

Прохожий.

Где, где?

Марина.

(Прижалась к нему). Смотрите — там! (Показывает). Снимите шляпу...

Слышен далекий перезвон колоколов. Тишина. Все на улице обернулись. Сняли шляпы.

Прохожий.

Ничего не вижу...

Марина.

Как звонят колокола. (Крестится).

Прохожий.

Не слышу... Лучше взгляните вверх... Какая ночь, какое небо! Чувствуете ли вы радость не мыслить, не рассуждать, не нарушать своим дыханием, взглядом своих очей вечное, спокойное и слиться с ним в воздухе, в звезде, в луне! С вихрем атомов лететь в надвечный дом

свой! (К Марине). Как последнего друга на земле умоляю — летим вдвоем. (Схватил ее руку).

Марина. (Испуганно). О Боже мой! Пустите меня!

Прохожий. (Не отпускает). Летим, летим...

Марина. Пустите! Вы сумасшедший... (Схватила проходившего мужчину за руку). Уведите меня... он.. (указывает) он... (не может кончить. Склонилась на плечо мужчины).

Прохожий. Я сумасшедший? О, обманутые! Вверх, к солнцу... (Размахивает руками, словно крыльями). Прощай... Прощай...

Делает движение, будто улетает.

Мужчина. Истинно сумасшедший! Голубка... что с тобой? Дай взглянуть на тебя...

Марина. (Осторожно поднимает голову. Отдернула руку. Оглядывается, не понимает, что с ней). Зачем смотрите на меня? Вы кто?

Мужчина. (Приятно удивленный). О, какая красавица! Я кто? Гуляка я! Идем гулять....

Марина. Гулять? Да, да! И сейчас же, да, сию минуту! (Машет руками, тихо смеется). А вы не князь?

Мужчина. Какой князь?

Марина. Ну, князь, толстый такой, развалина. Нет?... А может быть князь? Вы знаете что он написал мне? Никому бы не сказала, я вам скажу. Он написал: целую ваши голые ножки, и я его прогнала. (Вдруг). Вы князь? (Мужчина взял ее руку). Пустите руку. (Смотрит на него). Да кто вы? Что вам нужно от меня?

Мужчина. Сказал ведь... Гуляка я! Поет песнь гуляки).

Марина. (Слушает). Да, да гулять! Забыться, расстаться с собой, сказать мечтам: прощайте мечты! Дорогой, как горит душа... Спойте еще раз... (Гуляка поет. Марина слушает). Ах, если бы сейчас умереть. (Склонилась на его плечо).

Мужчина. (Обнял ее). Ну, идем, голубка.. Не плачь. (Целует ее).

- Марина.** (Опомнилась). Как вы смеете? О, как вы подлы... Уйдите, сейчас уходите, — я закричу....
- Мужчина.** (Крепко держит ее за руку). Попробуй, закричи... Ну, нечего недотрогу разыгрывать. Идем.... (Тянет ее).
- Марина.** (Умоляет, испуганно). Пустите, умоляю вас будьте добрым... хороший мой, я боюсь... пустите, мне страшно... (вдруг вырвалась и кинулась к Бездомному). Спасите, спасите меня от него. (Мужчина испуган, делает вид, что он тут не при чем и трусливо озираясь, вмешивается в толпу).
- Марина.** (Дрожит, все шепчет). Спасите, спасите меня... Я сама не своя... Кажется, я с ума схожу.... Спасите..
- Бездомный.** (Оглядывает ее. Хмуро). Вас спасти? (Злобно). Если кого действительно нужно спасти, то это меня.... Посмотрите — голый я.. (Распахивает пальто).
- Марина.** (Не понимает). Голый... голый...
- Бездомный.** И так голоден, что готов камни есть! Из дому ушел, чтобы страданий своих детей не видеть... А вы — спасите!..
- Марина.** И вы из дома ушли? Если бы вы знали, зачем я на улице! (С тоской). Но кто мне поверит, кто!....
- Бездомный.** (Взволнованно). Я поверю, я! (Со злобой). Взорвать все нужно... вот вам ответ... Чтобы от этих людей и следа не осталось. Посмотрите на них. (Показывает). Люди ли это? Ни одного сердца, ни одной души! Еще не родился человек!
- Марина.** (Схватила его руку). Правда, дорогой, правда! Ни благодетельства, ни любви.... ни Бога....
- Бездомный.** Спросите, почему должны быть голодные? Ну, почему? Мало ли хлеба на свете, или добра? Но нет, все, все захватили. Им все: и радость, и сытость, и слава, а нам что? Ничего.... А де-

ти? Вы слышали, как дети от голода плачут? Вы видели как дети от горя ручки ломают? Я видел! Но почему детям, детям голодать! Почему крошкам в подвалах жить, а — им в хоромах! Ну — с хорошо, если так, то мы считаемся... за все. (Грозно). Кровью они заплатят!

Марина. (Схватила его руку). Дорогой мой, и я спрашиваю — где же справедливость? Вот я на улице. Я, я... девушка! Но ведь заставили... За князя ли было пойти, или дяде подчиниться!...

Бездомный. Не спрашивайте! Нет другого ответа на их преступления, как взорвать! Они безжалостные, равнодушные и мы станем такими же. Из дома в дом пойдем! Выходите сытые, счастливые из хором на казнь!... Ведь тут перед каждой дверью вы хоть умрите, и никто вам куска хлеба не вынесет. Никто! Вспомним им это! Мы заговорим! Весь мир нас услышит!

Марина. Да, да, закричите, и за меня тоже! Только сейчас же, только не медлите. Мне каждая минутка дорога... О, дорогой, о друг мой, верьте, каждая минута... (Вдруг бросилась к нему и крикнула от испуга. Всплеснула руками). Что это там?

Все встречные Юноши, Палац, Предатель, Убийца, Бездомный, Сумасшедший, Девушка, Князь, Дядя, все в фантастическом танце кружатся: Появляется Свет; передвигается крестообразно. Бездомный обернулся.

Бездомный. Но там никого нет....

Марина. (Смотрит потрясенная). Как же нет? И вы тоже с ними. Вы! Посмотрите на себя... Вы страшнее всех... (Отступает от Бездомного).

Голось. (Сверху). Иди за мной!

Марина. (Восторженно. Крестится). Слышите, слышите?

Бездомный. (Пораженный). Ничего не слышу.

Перезвон колоколов.

- Марина.** (Тревожно). Колокола, колокола! (Ломает руки). Значит мне смерть?
- Голось.** (В первом углу улицы торжественно). Смерть!
- Голось.** (Во втором углу улицы протяжно). Смерть!
- Голось.** (В третьем углу улицы грозно). Смерть!

Марина смиренно опускает голову. Крестится. Идет за Светом, который медленно удаляется. Колокола звонят.. Танцующие призраки исчезают. Бездомный пораженный смотрит вслед Марине, пока та не скрылась. Тишина. Бездомный медленно уходит. Появляется второй Юноша. Зовет.

- 2-й Юноша.** (Из глубины сердца). Девушка, девушка, где ты?...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Обстановка первого действия, но все теперь в увеличенном размере, зал, рояль, кресла, икона. Рояль как бы полез на стену, икона протянулась к потолку, у кресел очень высокие ножки и т. д. Освещение призрачное, безкрасочное и потому зал как бы окутан легким туманом. При открытом занавесе долгая пауза. Входят гуськом Дядя, Тетя, три лакея. У всех в руках зажженные свечи...

- Дядя.** (Поднял свечу, за ним и остальные поднимают свечи. Все осматривают зал. Кивают головами. Дядя тревожным голосом). Ее нет, ее нет... (Идет печально).
- Тетя.** Нет Марины! (Идет).
- Лакеи.** (Повторяют последнее слово). Нет, нет... (Идут).
- Дядя.** В реку бросилась...
- Тетя.** (Идет сзади). Помилуй Господи (крестится).
- Дядя.** Не иначе как в реку... Никогда мы ее больше не увидим...
- Лакеи.** (Тихо, в один голос). Никогда....
- Тетя.** (В отчаянии). Мы погибли... О, Марина, зачем ты это сделала?
- Дядя.** Молчи, не спрашивай, не говори...

Медленно, в молчании выходят гуськом из гостиной. Пауза. Веселый шум за дверьми. Двери широко раскрываются. В глубине показывается Марина, позади нея толпа нарядных Масок и Князь.

- Марина.** (Весело вбегает, остановилась, как бы с недоумением осматривается, проводит руками по лицу, и расхохотавшись бежит к дверям). Князь, да войдите же. Что вы на пороге стали? Ну... Какой вы смешной...
- Князь.** (На пороге). Я не смею, Марина, я не один...
- Марина.** (Безпечно). Ну чтож что не один, войдите все. Я всем буду рада. (Опять остановилась, проводит рукой по лицу). Кажется, я сказала «Князь»? Где же вы Князь? Что со мной? Боже мой, где я? (Опять потерялась). Ах, вот вы где, Князь. Почему же в уголке и лицом к стене? Повернитесь ко мне....
- Князь.** (Не поворачиваясь). Не могу.
- Марина.** (Расхохоталась). Почему не можете?... Ну, Князь, милый, не упрямитесь... (Подошла к нему и повернула к себе его голову). У, какой вы страшный... (грозит ему пальцем).
- Князь.** Я обожаю вас... (Расхохотался).
- Марина.** (Серьезно). И ничего смешного нет...
- Князь.** Я поцелую вас...
- Марина.** (Кокетничает). Нет, нет, нет... Ну, пойдете...
- Князь.** Но со мной друзья... (указывает на масок, стоявших полукругом в дверях).
- Марина.** Пусть войдут... (Делает жест Маскам).
- Князь.** Слушаю... (К Маскам). Войдите, друзья. Марина разрешила. Только не шумите...
- Маски входят.
- Маски.** Тсс... тише...
- Марина.** (К Маскам). Садитесь. (Маски разсаживаются как в первом действии).
- Князь.** (Берет Марину за руку). Теперь, Марина...
- Марина.** Нет, нет, князь, раньше признайтесь за сколько тетя меня вам продала. Только правду скажите, не лгите. (Посмотрела на него). Нет,

- ведь вы не скажете. (Вдруг с удивлением).
Князь, обернитесь, посмотрите, кто идет!
- Князь.** (Обернулся с восклицанием). Ваша тетя....
- Марина.** Я и не заметила, как она вошла. Тетя, идите к нам. (Та идет). Скажите, за сколько вы меня Князю продали?
- Маски деревянно повернулись, ждут ее ответа.
- Тетя.** Что же вы молчите, князь!
- Князь.** Говорите вы...
- Тетя.** За сто тысяч, Марина...
- Марина.** (Всплеснула руками). Какая низость, Князь... (Стоит задумавшись, и закрыв лицо руками. Вдруг решительно). Ну все равно, Бог с вами, прощаю... Теперь я хочу веселиться и... (смеется) целоваться. Князь, я хочу целоваться.... Тетя ушла и не увидит... Подойдите ко мне и станьте на колени... (Князь поспешно подходит к ней).
- Маска.** (Выдвинулась). Позвольте мне раньше страстно поцеловать вас.
- Марина.** (Лукаво). А князь не будет ревновать?
- Князь.** (Ревниво к Маске). Убью...
- Марина.** (Капризно). А я хочу, вы слышите, князь? Маска, целуйте меня. (Весело смеется). Да, не бойтесь его, целуйте. (Маска наклоняется к ней. Марина протянула губы. Вдруг с испугом) А почему вы в маске? Кто вы?
- Маска.** Разве вы не помните? А на улице!
- Марина.** Да, да.. но почему вы в маске?
- Маска.** Как почему? Разве вы не знали, что все носят маску? Только вы одна без маски...
- Марина.** (Трогает свое лицо). Да, да... я не в маске...
- Маски.** (В креслах друг к другу). Она не знала, что все носят маску. Какая наивная...
- Марина.** Не шепчитесь, я все равно слышу... (К Князю). Князь, я жду, станьте же на колени... (Князь стал на колени. Марина оглядывается, забыла о нем). Как, странно мне знаком этот зал!

(Сжимает голову, старается придти в себя). Вот рояль... Или мне все это кажется? (Со страхом крикнула. Схватила Князя за плечо). Князь, это вы? В самом деле, вы?

Князь. Ну конечно, я... Вот я беру вашу руку... Разве вы не чувствуете, как страстно я ее пожимаю?

Марина. Да, да, чувствую... И все же боюсь чего то... Я вся дрожу... О, Князь, милый, берегите меня, любите меня... Но вы со мной? Да? Убедите меня... Я боюсь, что вас нет...

Князь. Но я с вами... дорогая Марина, ну посмотрите, разве я не стою на коленях перед вами, разве вы не чувствуете нежности в моем голосе, моей любви к вам?

Марина. (В упоении). Любви, любви!... Как хороша, как прекрасна, как упоительна любовь... Любите, любите меня...

Князь. Я люблю вас, Марина, клянусь, я жизнь посвящу вам...

Марина. Говорите, говорите еще, прекрасный офицер... Вы помните, вечер на балу? Я вся трепетала, когда вы подошли ко мне и покорно наклонили голову. Мне было страшно и безумно весело... Я встала, голова кружилась от счастья, я положила руку на ваше плечо, вы обняли меня и унесли в другой мир. Прекрасный офицер, я в ту ночь не спала и промечтала до утра...

Князь. Когда вы ушли с бала и для меня померк весь мир.

Марина. В ту ночь я полюбила вас...

Князь. О, нежная девушка (сел подле нея) я люблю вас...

Марина. (Положила голову к нему на грудь). С вами мне больше не страшно...

Князь. Я безумно люблю вас... (Обнялись, замерли в поцелуе)..

Сильный стук в дверь. Марина вздрагивает, оглядывается. Снова стук, в зал вбегает Дядя во фраке. Остановился на пороге. Злобно смотрит на Марину. Марина крикнула.

- Князь.** Что с вами?
- Марина.** Боже мой, Дядя... Мы пропали.
- Князь.** Но я сейчас буду просить вашей руки у него.
- Марина.** Нет, нет, не отдаст он меня за вас. Он сам меня любит. Он — ах вы не знаете, какой он страшный... Дорогой мой, спрячьтесь... бегите от него... Посмотрите, как он сердито машет головой. Сюда, идет... Боже мой, куда мне вас спрятать... (Заметалась от страха).
- Князь.** (Гордо). Мне прятаться? Я офицер. Никогда...
- Марина.** (В ужасе). Но вы его не знаете. Он убьет вас. Ради Бога, бегите. Умоляю вас, ради меня. Если хоть немного любите меня, спасайтесь... (Обняла его, целует, гладит). Скорей, скорей, я вас в эту дверь выпущу... Есть еще время... О, если любите меня, идемте, идемте....
- Князь.** Я? Офицер! Никогда... Не бойтесь, доверьтесь мне... (Обнял ее).
- Дядя.** (Подходит. Угрожающе). Это что такое, Марина! Ты в объятиях офицера!...
- Князь.** Она моя жена...
- Дядя.** (Громовым голосом). Негодяй...
- (Маски переговариваются, встали, подходят).
- Князь.** Это оскорбление вам даром не пройдет...
- Марина.** (Бросилась между ними). Ради Бога, дядя, я, во всем виновата... На меня сердитесь... Он благородный, он добрый, он любит меня...
- Князь.** Я никому не уступлю ее...
- Дядя.** Не уступите! (Подходит ближе). Не уступите!
- Князь.** Нет...
- Дядя.** Так вот вам за это... (быстро поднимает руку и ударяет Князя по щеке. Марина вскрикнула).
- Марина.** О, дядя, что вы сделали!

Князь. Дуэль, дуэль, сейчас - же, немедленно, до смерти одного из нас... Эй, ктонибудь, шпагу. (Маски засуетились).

Дядя. (Кричит). Шпагу.

Маска несет две шпаги. Князь и Дядя берут.

Марина. (Обезумев). Вы будете драться! Я не допущу. (Бросается то к одному, то к другому). Дядя, умоляю вас, пощадите... Дядя, ради моего счастья. (Стала перед ним на колени). Пожалейте меня... (Плачет).

Дядя. Он должен погибнуть. Офицер, я жду вас...

Князь. Я готов...

Скрестили шпаги. Маски окружили их. Марина с криком бросается к дерущимся. Маски ее не пускают. Дуэль. Торжествующий крик дяди. Князь падает. Марина закрыла лицо руками... Группа отодвигается вглубь. В дверь с испуганным лицом заглядывает старушка...

Старушка. Что это ты кричала, Марина! Как ты меня испугала...

Марина. (Изумленная). Мама, ты! (Бежит к ней). Откуда ты? Подожди, что же это со мной. (Старается опомниться). Мамочка, мама, что тут такое было? Было тут чтонибудь? (Падает в ее объятия, смеется и плачет от счастья).

Мать. Ничего не было... Я сидела в садике и вдруг услышала твой крик...

Марина. Говори еще, говори... (С восторгом). Какое счастье, мама, что это был только сон. Сядь, сядь подле меня. Возьми мои руки в свои. Обними меня. Поцелуй меня. Мне приснилось будто... (Вдруг крикнула и недоверчиво смотрит на нее). Мама, ты со мной! Ты в самом деле здесь? (Ощупывает ее). Да, да, ты здесь... здесь...

Мать. Ну конечно я здесь... Бог с тобой! (Крестит ее). Посмотри в окно, кто идет!

Марина. (Смотрит) Мама, Дядя и Тетя идут к нам... И гости с ними. Сколько гостей... И Девушка с

- ними... Помнишь, мама, на улице? (Откинулась с испугом). И Палац с ними и Убийца! Боже мой, все... Куда мне от них спрятаться!
- Мать.** Что же ты их боишься? Гости, как гости... Надо их хорошо принять. Развеселись. Да и Дядю не надо сердить. Не угодишь ему и он начнет свое... Пойдем встретим их...
- Марина.** Что же вы так просите меня, мама! Чего я для вас не сделаю! Я и развеселюсь, я и танцовать буду, вы только не оставляйте меня. Ведь мне приснилось будто вы умерли и я была так несчастна. Никогда, никогда не умирайте больше...
- Мать.** Девочка моя, не плачь, я никогда не умру. Ну пойдем к ним...
- Марина.** Пойдем, пойдем... Вот я и развеселилась...
- Идут. Входят Дядя, Тетя, все встречные на улице. Шумно. Мать и Марина стоят в стороне и кланяются. Сзади музыканты с инструментами. Играют.
- Тетя.** (К гостям). Теперь Марина будет танцовать...
Шопот одобрения.
- Мать.** Ты правда, Марина, танцуй. Смотри, Тетя нам знаки делает. Только танцуй для одного Князя... Он с тебя глаз не сводит...
- Марина.** Мама, и вы за Князя! Ну, Бог с вами, буду танцовать... Скажите всем.
- Мать.** Марина сейчас будет танцовать.
- Князь.** Люблю когда девочка... Ножки, а! (Смотрит на всех).
Гости смешались с масками, шум любопытства...
- Марина.** Мама, нарвите мне роз в садике. (Мать подает ей букет). Спасибо, мама... Как розы пахнут... (Спрятала лицо в букет).
- Гости.** Что же она не танцует?
- Дядя.** (Подходит). Марина, гости ждут...
- Марина.** (Подняла голову, смотрит на него долго, начинает со страхом отступать). Вы опять пришли!

- Бездомный.** (Подошел). Нет, это я пришел... Пойдемте, я вас гостям представлю... Их всех взорвать нужно...
- Марина.** (Доверчиво и радостно). С вами я пойду. Дайте мне вашу руку...
- Бездомный.** Музыканты, по местам... (Идет с ней, представляет) Марина, одинокая девушка... (Марина кланяется, все ей отвечают).
- Маска.** Как она хороша...
- Вторая.** Как прелестна...
- Дядя.** Божественна...
- Князь.** Лилейный цветок...
- Марина счастливая, кланяется.
- Тетя.** Марина, мы начинаем...
- Музыканты играют...Марина начинает танцевать. Маски медленно оживают. Встречные кружатся по углам в пляске.
- Маски.** (В восторге). Как она воздушна, как легка...
- Входя Дядя, Тетя, лакеи, с зажженными свечами в руках. Поднимают свечи, оглядывают зал.
- Дядя.** (Со свечей). Уж полночь, а Марины все нет...
- Тетя.** (Со свечей идет). А может быть она у подружки заночевала?
- Дядя.** (Со свечей). У подруги! Что ж ты сразу не догадалась? (Вдруг). Тише, кажется позвонили! Не она ли! (Все прислушиваются).
- Тетя.** (Игравшая на рояли). Теперь быстрее, Марина, я ускоряю темп...
- Маски.** (Встали). Быстрее, быстрее...
- Дядя.** (Сидевший возле Князя). Князь, она божественна...
- Князь.** (Вскочил, шатается). Я хочу с ней танцевать. (Тяжело танцует).
- Тетя.** (Со свечей. Схватила Дядю за руку). Слушай, кажется кто то стонет. Мне страшно...
- Дядя.** (Со свечей). Стонет! (Прислушивается со всеми. Поднимает свечу, проходит возле Ма-

рины, останавливается возле Дяди, восторженно глядевшего на Марию, освещает его). Но здесь нет никого. Не стонут. Тебе показалось.

Тетя. (Со свечей). Нет, нет, боюсь. (Крестится). Опять стонут...

Дядя. (Со свечей. С досадой). Да показалось...

Тетя. (Со свечей). Мне страшно... Идем, идем...

Все быстро выходят...

Марина. (В упоении). Теперь, Тетя, летим...

Маски. Летим...

Далекий шум. Нарастает. Все ближе. Танец становится медленнее. Прекратился.

Марина. (Со страхом). Что за шум Мама, слышишь?

Широко раскрываются двери. Видна толпа: нищие, калеки, падшие. Марина потрясена. Бежит к дверям. Плач в толпе растет. Марина подняла руку. Плач стих.

Марина. Кто вы такие? Что плачете?

Нищий. Отца небесного хороним...

Марина. (С криком отчаяния). Разве Отец наш умер?

Падшая. (Горестно) Умер...

Толпа. (Плачет). Умер, умер...

Марина. (С ужасом). Умер наш Отец... О, горе мне, горе... (Крестится. Начинает отчетливо и проникновенно). Отче наш, иже еси на небесах...

Толпа торжественно говорит с ней молитву...

Калѣка. (Кричит). Расступитесь, несут...

Толпа. (Шопотом). Несут, несут...

Благоговейно расступились, Марина становится на колени. Вносят Отца. Все становится на колени.

Марина. (Бьет поклоны). Господи Боже мой. Спаситель и Утешитель, как мне жить без Тебя? Молю, Господи, встань, встань, яви чудо... Дай мне за Тебя умереть...

Толпа. Дай нам умереть за Тебя, Господи...

Нищий. Тише, сейчас будут отпевать...

Стихло. Начинается отпевание. Могучий скорбный хор. Посреди, поднимают Отца и с пением выносят. Толпа выходит. Пение замирает...

Марина. (Поднялась. С последним отчаянием). Нет больше Отца на земле... Снимите маски! (Маски закрывают лица руками).

Перезвон колоколов.

Голось. (Сверху). Марина, иди за мной...

Появляется Свет, передвигается. Марина испуганно заметалась. Бежит к Дяде.

Марина. Слышите, меня зовут... Дядя, Тетя, родные, я не хочу...

Дядя. (Благостно). Не бойся, Марина... Вот, возьми золотой молоток.... Когда преставишься, постучи им в Врата...

Марина. (Не берет. С мольбой). Дядя, я жить хочу...

Тетя. Радуйся, Дева. Господь Бог ждет тебя. (Крестит ее).

Марина. (Наклонилась, целует ей руки). Тетя, но я жить хочу. (Умоляет). Еще хоть один день... Ну, только солнце увидеть... Тетя, пожалейте меня... Мама, Мама, еще один день. Спасите меня... Что же вы молчите. Обнимите меня, защитите.. (Плачет).

Мать. (Обняла ее). Ничего я не могу... Не велено...

Марина. (В отчаянии). Ну ктонибудь, ну протяните руку...

Все в ответ начинают отступать...

Голось. Тебе говорю: иди за мной...

Марина. (Бросается к отступающим к выходу). Не уходите. Умоляю. Не уходите. Я боюсь... Ради Бога. (Протягивает им вслед руки). Не бросайте меня. Мне страшно, мне страшно... (Перезвон колоколов).

Марина остановилась. Благоговейно прислушивается... Все вышли. Марина одна. Оглядывается, решается, бежит к окну, раскрывает его настеж, вскакивает на подоконник).

- Дядя.** (Вбегает со свечей в руках. Сзади Тетя и лакей). Это Марина кричала. Слава Богу, вернулась. Где ты, Марина? (Поднял свечу и увидел ее в окне. Кричит в ужасе). Что ты делаешь, Марина?
- Тетя.** (Бежит к окну) Марина, остановись...
- Марина.** (В экстазе крестится). Иду к Тебе, Господи...
- Бросается из окна. Общий крик.
- Дядя.** (Падает). Марина, о, Марина...

Семен Юшкевич.

I.

В упор глядел закат. Раскосых туч
Не передать пустого выраженья,
Я опустил глаза и желтый луч
Невольно повторил мое движенье.

Увы, природа! Страшен праздник твой!
Должно быть это — на смерть поединок.
И видел я, как за моей спиной
Вскрывалась ночь, рвала покой личинок.

И запах трав, и желтый ствол сосны
Последним взглядом вырванный из мрака, —
Постой, постой, ты слышишь, как тесны,
Пусты об'яття затхлости и мрака.

Звезда! Ах, если ты ведешь дневник,
Ты на просторной занесешь странице
Число и месяц, год и этот миг,
Что я провел у жизни на границе.

II.

В И Н О

Отстаиваясь, годы, годы,
В плену стекла и сургуча
Живут наследники свободы,
Два черных солнечных луча.

Страшась блаженства и покоя,
Стекло́нным пленом тяготясь,
Набухнув нежностью слепую,
С подвальной мглою распротысь,

Густой струей на край бокала,
Как бархат опершись слегка,
Пожаром влажного коралла
Течет бессмертная река.

Так мы храним вдали от взоров
Земную молодость, но вот,
Преодолев покой затворов,
Она расплавившись течет.

Вадим Андреев.

Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека.

(Неизданное произведение М. Е. Салтыкова - Щедрина).

Настоящий очерк представляет собою дневник помещика перед отменой крепостного права. Перепечатаем его из журнала «Звезда», сопровождающего очерк следующими примечаниями:

«Повидимому, Салтыков не предполагал печатать этой вещи. По крайней мере, краткие выдержки из нее были им включены в очерк «Наши глуповские дела» (дневник Ржанищева). Дата напечатания этого очерка в «Современнике» — ноябрь 1861 г. Значит, «Предчувствия» не могли быть написаны позже ноября 1861 г. С другой стороны, вторая половина «Предчувствий» написана на бланке рязанского вице - губернатора. Значит, они не могли быть написаны ранее 1858 года.

Первая половина очерка была опубликована А. А. Измайловым в «Ниве» 1914 г. № 17. Более тщательное обследование архива Салтыкова (хранящегося ныне в Пушкинском Доме при Академии Наук СССР) позволило установить полный текст».

1-е ноября. — Встал нынче утром необыкновенно рано. Целую почти ночь не спал. Третий раз сряду снится, будто ворон вцепился в меня когтями и клюет мне желудок. Справлялся с «Сонником», ответ вышел короткий: «Злодей не дремлет». Желал проникнуть в сокровенный смысл этих слов, но как ни вникал, а разгадать не мог, по той причине, что тайна будущего от нас, по милости божией, непроницаемой завесой скрыта. Однакоже, разду-

мавшись об этом, пренебрег и хозяйственными заботами. Давно - бы вот надо фореятора выбрать на место Андрюшки.

2-е ноября. — Опять во сне видел птицу: вырвала кусок моего мяса и, поднявши нос, смакует. Словом сказать, хоть не ложись спать. Приезжал с соседней фабрики управляющий, спрашивал, не соглашусь ли отпустить в работы девок. Настасья Петровна настаивала, чтоб отпустить, потому что цену дают сходную. Однако, по причине расстройства душевного, не мог ничего сообразить, а потому и разговор до времени отклонил. Потом приходил Андрюшка и опять приставал, чтоб его сменить. Оно и точно что безобразно: и борода седая, да и вырос как то неестественно. Чорт их знает в ихнем звании и законы природы как будто власти никакой не имеют. Вот ему давно бы пора перестать расти, а он ничего, растет как ни в чем не бывало. А говорят еще, что мало кормим... Однако, за душевную смуту, и этого не мог сообразить.

8-е ноября. — День был пасмурный; снегу навалило столько, что в течение какого нибудь часа стал зимник. Хотя видения меня и оставили, однакоже хозяйственных распоряжений никаких делать не мог. Поэтому целый день из халата не выходил и размышлял о том, кто мы.

9-е ноября. — Кто мы? Если вопрос разобрать теоретически, то, конечно, нельзя не согласиться, что все мы люди, все человеки. Если же разбирать этот вопрос практически, т. е. как все в природе происходит, то выйдет, что всякому человеку на свете не только свое место определено, но и всякий человек из своего собственного сферовращения переступить не может. Есть люди малайцы, есть люди индийцы; есть люди черные, люди коричневые и люди белые. Каждый из них в своем кругу. Поэтому есть люди, так сказать, подначальные, у которых тоже свой круг и свое обращение. Можно ли и должно ли границы его преступать? На это ответ простой. Известно, что все земные бедствия, как то: голод, град, холера, эпизоотия и пр. — все от греха первородного. Можем ли мы все сие отвратить? Не можем, всеконечно. Но если

сих, так сказать, прирожденных роду человеческому бедствий предотвратить не можем, то следственно не можем и черного человека сделать белым и наоборот. *Dixi et anipam levavi* как пишут нынче господа газетчики, что значит: сказал и душу тем себе упразднил.

10-е ноября. — Нет, не упразднил. Мужик, целый день предающийся прирожденной лени и праздности, или человек, денно и ночью не только о самом себе, но и о целой государственной системе помышляющий; мужик, ищущий отдохновения в вине и в непристойной пляске, или человек, отдыхающий от забот в умственных упражнениях, в философических разысканиях и в тайной беседе с отсутствующими! Граница проведена ясно.

Отчего темный человек рассуждает о двуперстии, о нестрижении бороды и других нелепостях, а дворянин о том не рассуждает? Оттого, что дворянскому званию сие неприлично. Отчего темный человек обращается с навозом и другими низкого свойства предметами, а дворянин пребывает лишь в сферах благоухающих? Оттого, что сие званию дворянскому пристойно. (Отчего темный младенец до совершенного возраста, как былые прозябает, а младенец дворянин не иначе как при помощи француза воспитывается? Отчего темные люди и мужеский и женский пол, все, как бессловесные, не стыдятся друг друга, в одной избе пребывают и отдыхают, а дворянин руководствуется в сем случае врожденным ему чувством стыдливости?) Вопросов сего рода можно бы множество предложить, а предложившим убедиться, что здесь все чувства природы; как то: обоняние, вкус, зрение, осязание и слух — словом, все разненствует. Итак, не будем же удивляться, что в природе существует и белый, и зеленый, и красный цвета, что зеленому, а не красному цвету прилично одевать дерева и злаки, что стол, на котором я начертываю сии заметки; красный, а бумага белая. Все сие выше скудного нашего рассуждения, и не от нас непременно устроено (а следовательно не рассуждать об этом, а покоряться надлежит).

11-е ноября. — Поводом же к таковым рассуждениям

послужил заседатель от дворян, Снежков, привезший известие, будто бы... но нет. Скорее отечество ваше превратится в бесплодную степь Сагару, нежели рука моя начертает слово гибели и злорадства.

15-е ноября. — Вновь мучили душу предчувствия. За обедом Прохор докладывал, что тараканы ползут из дому; вечером столп огненный показался на небе. От всех сих предзнаменований такое точно происходило ощущение, как бы половину достояния отнимали. А Настасья Петровна между тем все продолжает приставать с Андрюшкой... женщина. **Замечательное:** во время послеобеденного сна весьма мучился; казалось, что Андрюшка налег на меня всею своею тяжестью и давит. Сновидение сие можно назвать гастрическим.

19-е ноября. — Опять приходил с фабрики управляющий и от философических упражнений обратил к действительности. (Условия, действительно, предлагал отменные: за каждую девку по 24 р. в год, а за десять девок 240 рублей. Оказывается, что в природе вообще ничего бесполезного нет, а в настоящем случае девка оказалась— даже — полезнее мужика, ибо какой мужик может собственною персоной двадцать четыре рубля доходу принести? Но, кроме сего, у меня были при этом другие соображения. Проводя дома время в праздности, девки ничего иного, кроме пороков и развития страстей, в будущем для себя не приобретают. Не наученные опытом и нуждою, девки до конца жизни остаются беспечными и во всех действиях не оказывают и тени самостоятельности. Конечно, все эти соображения в расчеты фабриканта входить не могут, ибо он ищет для себя лишь силу, которая могла машину его в действие приводить, но с моей стороны было бы не простительно об этом не подумать). Решили выбрать до десяти наилучших девок. Настасья Петровна, которая заметно на меня в продолжение последних двух недель сердилась, после этого повеселела и за ужином даже заявила надежду, что у нее будет новая шляпа. Володин француз поздравил меня с выгодною сделкой (*une bonne spéculation*) на что я ему ответил, что это совсем не сделка, а ско-

рее доброе дело, ибо девки, проводя время в праздности, ничего, кроме пороков и развития страстей, в будущем для себя не приобретают, но француз, не будучи достаточно знаком с особенностью национального духа (каждая нация имеет свой национальный дух — это верно), пожал лишь плечами. Конечно, я его и не разуверял. Володя тоже расшалился и почти каждую минуту повторял: на фабрику! на фабрику! Одним словом, в семействе нашем поселилось то душевное спокойствие, которое совершенно вознаграждает меня за несколько дней, проведенных в тревоге и без сна.

20-е ноября. — Снежков сказал правду.

21-е ноября. — Впечатление, которое произвела сия ужасная весть, вряд ли кто в силах будет описать. В темных людях скакание, игранье в гармонику и срамословие; в людях происхождения патрицианского — уныние и воздыхания! После обеда приезжал Иван Федорыч Синодеров и оба долгое время пребывали неутешны. Настасья Петровна наотрез объявила, что знать ничего не хочет, но идея сия, сколько верна теоретически, столь же неприменима практически. Ибо сего еще от провидения нам не дано. Кажется, что мысль о замене Андрюшки новым форрейтором придется отложить на неопределенное время.

22-е ноября. — Был на гумне... совсем не так молотят. Однако решил переносить с кротостью.

30-е ноября. — Читал книгу, называемую «Русский Вестник», от которой как уверяет Иван Федорыч, все произошло. Не знаю. Напротив того, мне показалось, что издатели, люди благонамеренные, мыслят о сем благонаравно и совершенно так, как бы я мыслил. Большое участие в составлении книги принимал Василий Александрович Кокорев, нашего уезда откупщик. Подписка принимается в Москве, в Армянском переулке.

5-е декабря. — Все прежние предположения приходится оставить. Стыдно сказать, что даже форрейтора личного в наш просвещенный век русскому дворянину иметь нельзя. Едва лишь собрал сего дня дворовых подrostков, чтобы сделать из них выбор, как я уже увидал,

что дело сие надо бросить. На что уже храбра и самонаде-янна Настасья Петровна, но и она, взглянув на сие сборище, воскликнула: «друг мой, если ты хочешь, чтоб я была покойна, не вверяй мою жизнь этим разбойникам». Итак, еще с одной любимой мечтой пришлось расстаться.

6-е декабря. — Сего числа Настасья Петровна, после непродолжительных страданий, благополучно разрешилась от бремени дочерью Аннетою. По сему случаю неволь-но призадумался. Умножение семейное, прежде сего служившее источником радости, ныне великое представляет в будущем преткновение. Наипаче же дочь, ибо женщины ни в какой стране мира ни по военной, ни по гражданской части хода не имеют. Сказывают об амазонках, не должно думать, что рассказы подобного рода суть не что иное, как баснословие. Посему отыскивали кой какую рубашоночку худенькую, в которую и одели ее, мою бедную, как дитя, которого родители не знают, как и о себе то промыслить. Господи, спаси рабу твою Аннету.

Страдания не помешали, однако, Настасье Петровне пред'явить мне горькие упреки на счет моей медлительности. По словам ее, не будь я столь непростительно медлен, то и форрейтор был бы найден, и девки давно работали бы на фабрике. Горько мне было. В другое время приказал бы я высечь за это негодяя Андрюшку, как первую причину семейного несогласия нашего, но ныне от такого намерения воздержался.

12-е декабря. — Крестили Аннету. Бедный ребенок, как бы в предвидении будущего, плакал все время неутешно, что едва могли грудью унять.

25-е декабря. — Ездили в храм божий в возке всем семейством, но не шестериком, как прежде, а четвернею. Вообще решились сокращать все расходы и приучиться к тому образу жизни, который, как кажется, всем нам отныне в удел будет дан. После обедни думали провести праздник в одиночестве, однакож люди пришли поздравлять по обыкновению. Настасья Петровна заметила при этом в лицах иронию, я же хотя и не мог не сказать им «ну что, братцы, скоро что ли господами будете?» однакож для празд-

ника все сие им простил. За обедом, по заведенному обычаю, подавали буженину, натертую чесноком. Так как в сей день каждый истинно русский помещик непременно ест буженину, то я полагаю, в обычае сем есть нечто массонское, или, лучше сказать, это есть условный знак, по которому помещики друг друга без ошибки узнавать могут. На сей раз буженина была отменная, и я по сей причине имел после обеда гастрическое сновидение.

1-е января. — Дом наш в отношении тишины уподобился горе Афонской. Никакихъ мыслей, кроме **тех претивных**, в голову не приходит, но и сих не можем свободно друг другу сообщать, ибо беспрестанно люди по комнатам шныряют, а выгнать их не достает духа. Оттого вынуждаемся больше молчать, а между тем вследствие сего принуждения Настасья Петровна большое пристрастие к Володину французу приобретает, что не мало также меня беспокоит. Вот каково **это дело**, что не только отечество в пустыню превратить обещает, но и в недрах семейств уже раздор поселяет.

2-е января. — Был Станислав Мечиславич Мощинский. Рассуждали с ним об деле. Он радовался и говорил, что пора. «Что пора - то?» спросил я его. Весь день я был смущен, потому что во время наших споров Настасья Петровна постоянно с французом шепталась. Отходя ко сну, внушал ей, что француз этот, быть может, в отечестве своем служительную должность отправлял, но она лишь смеялась и в досаду мне повторила, что зубы у него отменно белые.

3-е января. — Француз, доселе обходившийся без лакея, вдруг потребовал для себя особенного служителя. «Время ли теперь, сударыня, такие реформы делать?» — заметил я по этому поводу Прасковье (Настасье) Петровне, однакож она отвечала, что знать ничего не хочет. Вынужден был уступить, но зато, отходя ко сну, не мало - таки стыдил ее.

4-е января. — Видел во сне, якобы ничего **этого** не будет.

М. Е. Салтыков - Щедрин.

Дар созерцания и скромности

(О творчестве Б. К. Зайцева).

Ноябрь - декабрь тысяча девятьсот двадцать шестого года для Бориса Константиновича Зайцева — юбилейная дата. Двадцать пять лет литературно - художественной деятельности, казалось-бы, время достаточное, чтобы узреть и понять писателя; двенадцать книг — достаточный материал, чтобы установить полную его характеристику.

Б. К. Зайцеву в отношении критики не повезло. Не потому, что о нем писали мало или мало хвалили, нет: и писали, и хвалили, да все однобоко, а иногда и прямо не по существу. Некий «маститый», некогда критикуя *одну* из воплощенных тем писателя, сказал, что у Зайцева манера матовой акварельности, полутона, прозрачность, наджизненность и пр. и пр. Может быть для одной этой темы и был прав «маститый», но злополучная традиция, выросшая из этого мнения и упорно докатившаяся до юбилейного дня, — слишком настойчива в своей однобокости по отношению к отдельным вещам писателя, а в отношении к учету всего творчества Зайцева — просто утла. Эта однобокость и утлость критики творчества *скромного* писателя дело не случайное — по *роковому*.

В конце 900-х годов наша литература начала усиленно забиться о своей внешности. У талантов это вылилось в изощренность, утонченность тропов, как средства для передачи более точно и тонко своих ассоциаций во имя большего, во имя темы; у посредственностей — приняло форму внешнего охорашивания, как цели, вылилось в тропический экзотизм румян и белли. Борьба за душу в литературе у нас у всех на памяти и, может быть, она и виновата в том, что учитывая палитру художника, — у каждого художника *своя* палитра, — мы и начали ограничиваться внешним зрением: отсюда и пошло, что у Зайцева, автора «Греха», «Актёрское счастье», «Гостя», «Полковника Розова», по аналогии с «Пу-

никами», и «Голубой звездой» — типическими чертами являются полутона, «легкость», «наджизненность, если не безжизненность», акварельность и пр.

Вот последние из приговоров критики. Антон Крайний («Посл. Новости»), критикуя 29-ю книгу «Современных Записок», в частности «Странное Путешествие» Б. К. Зайцева, находит, что убийство — не сфера писателя и что *вообще* все его творчество проходит вне жизни, а «иногда и мимо жизни». Ближайший единомышленник А. Крайнего — кн. Д. Святополк - Мирский отмечает у Зайцева «расплывчатую газообразность», «воздушную пухлость», «воздушный пирог и такой же розовый»; рядом с этим он находит возможность Зайцева, вместе с Буниным и Алдановым, отнести еще к «до-символистскому» культурному возрасту. Конечно, оба критика в доказательство своего мнения ничего не приводят, а таких вещей, как «Грех», «Новый день», «Улица Св. Николая», видимо, не припоминают, иначе их догматический апломб потребует исключений. Б. Зайцева никак нельзя определить палитрой белил и румян, у Зайцева каждая тема имеет *свою* палитру, как средство, а общее, определяющее писателя, действительно, взято из внешности и отнесено туда — «где мы утонем с нашими театрами, репертуарами, славой».

«Жизнь и смерть — это все равно. *Не это важно*».

А что же важно? Разве можно посвящать на это важное одним словом? Ю. Айхенвальд совершенно правильно поступает, определяя только характер этого важного: как бы реальна и трагична не была тема Зайцева, у нее всегда есть просвет, она всегда — «скользящая». Доступна для зрения, но влечет к прозрению.

«Мать, когда раскроется твоя правда?»

II.

Эпитет у Зайцева обилен и ему принадлежит значительная роль в остроте экспрессии. Однако, что за двойственность в выборе эпитета! С одной стороны — сочность и решительность: зимний воздух — «вкусный, острый», «крепко-зеленые одежды восходов». «медная заря», публика — «поддевочно - ногаечная», «смирный день» и т. д. С другой — жажда точности, которая ведет не только к сложности, но и к целому культу оттенков: Марсел («Золотой Узор») «имел вид удрученно-путанный», «Москва приближалась золотисто-голубоватым заревом»; оттенок золота определяется своей словесной морфологией: золотой, золотистый, златистый, златный.... Однако, сказать, что Зайцев оперирует смягченными цветами, полутонами — это значит не понять смысла его красочной фактуры: оттенок — не есть матово-акварельный полутон, оттенок необходим там, где цвет умирает в своей привычности

традициональности. Таким образом следует говорить уже не о двойственности эпитета, но о степени его приближенности, завершенности. «Смирный день» — это нечто воплощенное до конца, а удрученно-путанный Маркел — посредственное приближение, сложение настроения из оттенков.

Этот смысл композиции следует в полной мере отнести и на все лики героев Зайцева: они тоже на первый взгляд двойственны: одни — весь свой характер определяют одной фразой, одним жестом, из рассказа сразу переходят в музей российских типов; другие интеллигентно-бесцветные, говорят, действуют, сами не знают, как жить, что делать, и в результате кажут свое лицо с оттенком только из взаимоотношений, взаимопереживаний. Такое посредственное выявление у Зайцева имеет даже специальный термин: Наталья, героиня «Золотого Узора» переходит *из полосы в полосу*, то она в полосе Маркела, то Александра Андреевича, то мечтательно-фантазмагоричного Джильдо, то революции... Каждая «полоса» имеет свои оттенки, а все — обрисовывают героиню: не добродетельную, не дурную, а вот такую, как она есть.

Личности типические у Зайцева очерчены изумительно остро и конкретно; в вещах, где герои типичны — язык писателя скуп, конкретен, «вкусен», осязателен. Таковы — «Тихие зори», «Студент Бенедиктов», «Актерское счастье», «Улица Св. Николая» и во многом — «Золотой Узор». Наоборот, там, где героями являются лица индивидуально-значимые, но еще не замкнутые в рамки типичности, еще раскрывающиеся в своей значимости — там писатель умышленно ослабляет языковую конкретность, чтобы ему не предопределять развитие и свободное осуществление новых, может быть вовсе не ярких, но бытующих, а во многом и претендующих на современность, характеров. Таковы — «Путники», «Голубая звезда», «Актриса», «Сны» и др. Если просмотреть творчество Зайцева хронологически, то окажется, что писатель начал с типических личностей, затем решительно перешел к анализу характеров интеллигентской современности, бледной по цвету, но богатой оттенками и, наконец, приняв революцию, какой она была, и индивидуальную значимость постиг в ее конкретных возможностях — «Новый день», «Странное путешествие», «Золотой Узор».

III.

Галерея законченных, до конца определившихся типов у Зайцева богата. Есть рассказы, в которых, в сущности, и темой и сюжетом являются типы. Живет священник Кронид с матушкой и сыновьями. Изо дня на день, из года на год — вся жизнь прешла в каруселях будней: ни приключений, ни событий. Но семей-

ка так крепко сбита, так выросла могуче — в могучий быт, что ни в каких сюжетах не нуждается: она сама по себе является стилистическим событием, образом богатырской современности. В «Деревне» — весь внешний сюжет заключается в том, что некий Крымов приехал в гости к деду и бабушке, а дальше герой, со всею своей испитостью светом и городом, оказывается уничтоженным, стертým законом деревенских будней; он без рефлексии, изумленно, следит за днями деда и бабушки, людей хозяйственных и несущих свои заботы со священной важностью... «в деревне, где *скучал* Онегин». Припоминаю, какое восхищение вызвал в свое время «Полковник Розов». Военная карьера этого добрейшего человека кончена, он возвратился к своим пенатам и — отдался с восхищением и вдохновением своим хуторским будням. Старый холостяк, он растит свои редиски с любовью материнской, он обожает деревенскую детвору и не может ей отказывать: пускать змея? ну, что-же, пусть гость приехал, пусть и гость принимает участие в этом чрезвычайном событии сердца. Гость, увидав спящего на диване полковника, захотел его поцеловать. Не знаю, кто из читателей не таит в себе подобного желания, познакомившись с этим рыцарем благороднейшего, щедрого и наивного сердца.

Другой способ выявлять типические характеры — жизнеописание, краткое житие несчастных и страждущих, роковых неудачников. Жила-была девушка Аграфена, ей открылась любовь. Панич ее поцеловал — и уехал и забыл. А задетое сердце простушки все трепетало, все жаждало! Она приняла, в томительных поисках чувства, звериное обладание дон-жуана с сеновала, понесла младенца, родила и отправила его в деревню к матери: чтобы не лишиться места в городе. Это любовь? И снова немолчимые поиски: Аграфена находит мужчину в угрюмом гимназисте, терпит крах, сама едет в деревню и чувство неудавшейся любви побеждается материнским. Сдавшаяся на сужденное, с тихостью, она доходит свой путь, ведомая в своей безутешности восневыми словами святых. Грешница? — Святая простушка Аграфена. Иного рода — «Актерское счастье» За тридцать лет актриса «бывшая временно замужем за антрепренером Попелло Козельским», чей род предполагался из княжеской Литвы, прижила сына Игоря с «пламенным первым любовником» Трухановым. Кочевая жизнь исключала «хвост» и мамаша «во имя старой дружбы» — «оставила» сына у актрисы Иваницкой. Поплакал Игорь в подоле комической старухи и решил: пойти в актеры, стать знаменитостью и славой своей найти и упрекнуть мать. И вот, в поисках ролей Макбета и Гамлета — будущая знаменитость кочует с выходных ролей драмы на выходные оперетки, стареет, грезит своим великим будущим и кончает домом умалишенных: «но для него светило солнце»; «нежные и светлые видения являлись ему». Судьба — потомка князей Попелло-Козельских, лучшего Макбета мира».

Лучшим образцом такой современной житийной литературы является «Елисейские поля».

Наконец, типические характеры, персонажи у Зайцева выступают на вторых ролях в произведениях иного задания. Таков Петр Захарыч, портной, высокая мудрость трактира и наставник-утешитель дворника Никандра в «Снах»; старый профессор в «Голубой звезде»; он ничем не знаменит, кроме того, что беседовал с М. М. Ковалевским и завтракал у Габриэля Тард: «был лорд Кроссель, Брандес и я»; доктор Яшин в «Спокойствии», желающий свое докторское достоинство сохранить и с безнадежно-больным сыном. Любопытно в отношении типичности персонажей первое крупное пореволюционное произведение Зайцева — «Золотой Узор». То, что перед революцией было туманно-обещающим, блуждающе-взыскующим — определилось в требовательные дни революции; маски — долой, представляется последнее лицо. Что же, то, что было «газообразно» — либо проявилось по новому: в ледяной твердости, в жидкости, легко принимающей форму сосуда, в пламени борьбы. Типичен Ланин, но еще типичнее Николай Петрович, тоже «усадебник», нервно и безгрешно исыхающий; Маркел, Георгиевский, Куков, Александр Андреевич — все проходят через перелом и из неясной статичности призываются к жестокой динамике, от туманов индивидуализма к новой типичности нового уклада. Способ представляют наши эпоху в виде рычага, который ожидаемо переваливается и открывает субтильную сантиментальность ожиданий — не нов, однако, Зайцеву принадлежит заслуга, что он проследил этот перевал не в общих идеологически-описательных тирадах, но в среде своих персонажей. Один из первых он ввел на литературную арену типы нового режима: тут и Степан Захарыч, докладывающий «без особых соображений экстренности», что мужик — сволочь; и Блюм, то берущий, сидя за ресторанным столиком, две крепости, то провидящий конец большевикам «из достоверного источника», то вещающий «по сведениям из первоисточника», что «их положение блестяще»; и умный Саша Гликсман, стоя на тротуаре, смело берущий арсенал, но предлагающий войну «оставить до мирного времени»... Ужель все это миможизненно? Газообразно?

IV.

Если Зайцев обладает зоркостью к современности, если у него в самом начале творческого пути, — в тихих зорях — обнаружился дар типической стилизации, казалось бы и в отношении к нам, интеллигентно-индивидуальным, взыскующе-путающимся, паряще-прозябающим, деловито-бездельничающим — он воспользуется тем же методом. В самом деле! Вторая половина XIX века

нашупала в нашей русской среде свое, собственное, русское детище, нашла и специальные термины для него: «лишний человек», «неудачник», «страдающий интеллигент». Это не байронический, разочарованный — негодующий и презирающий, способный на ненависть, а значит и на любовь, — это рядовой экземпляр с развитою скулой, догматик без веры (каменной)!, посредственность. в розовых условиях зазнавшаяся в гения: революционер при царском режиме. Он «властно» хотел «горящих зданий», веря под сурдинку в достоинства пожарной команды, — «крячущих слов», но ритмически-рифмованных, хотел «того, чего нет на свете», полагая, что это безопасно, ибо — неосуществимо: гениально. Жесток российский революционный шквал 1917-1920 годов — слава ему! Что случилось с полуживой, газообразной мечтательностью? с «без вины» виноватыми? с филонствующими усадьбниками?

Зайцев обратился к тепленькой интеллигенции задолго до революции и обратился по своему. И Чехов, и Куприн, и Бунин многое сделали в обрисовке нашей среды, но все они или избирали героев или попутно решали проблему общественно-философскую, причем сюжет, конечно, играл значительную роль. Иначе отнесся к интеллигентной среде бездельников Зайцев. Тема этой среды у него совпала с сюжетом: он занялся не случаем из ее жизни, но вообще ее жизнью, каруселями будней, не интегрировал черты в тип, но остановился на взаимоотношении стереотипов, не сгущая красок. В этом и заключается дар *скромности* писателя. Типизировать — это уже значит обобщать; это художественно выгоднее, но это не удовлетворяет писателя, который, вопреки традиции, не посягнул на избранную для описания среду именно этой традицией, но решил принять ее для восприятия — без поправок. Но, скажут, разве же у Гончарова, у Чехова можно заподозрить жизненную правду? Для своего времени — они были правдивы, но ведь каждая современность, и по праву, претендует на свою правду: каждое десятилетие имеет свой климат, колорит, и все это, конечно, отражается и на облике и на идеалах одного и того-же, по существу, сословного или культурного класса. Зайцев по природе своей склонен к оттенкам (не полутонам, как результату смягчения!) и в изображении нашей недавней «лишней» современности он и остановился на ее оттенках специфически-современных. Сравните зайцевских «Священника Кронида» и «Голубую звезду» — какой перелом в самой манере писания! Первая вещь — скудна сюжетом, в ней нет событий, «приключений», но она поражает своей ядренностью, крепостью, сочностью, живучестью; вторая... — в ней и сюжет богаче: любви, азарт игрока, маскарады, дуэли, но все это не борьба страстей, а скулежье, скучный исход безысходности: стиль — словно тускнеет, он кажется засиженным мухами, тараканом, повесившимся на аркане серой пау-

тины... Творческий упадок? Пожалуй, это можно было предполагать до «Улицы Св. Николая» и «Жития Сергея Радонежского», теперь — вопрос решен: тема потребовала иной палитры!

Живут все эти Машуры, Христофоровы, Антоны, Ретизановы, Никодимовы, Казмины, Ахмаковы, живут не бедно по условиям, да вот у них собственный душевный сюжетец бедноват! Все они участвуют в «туманном круговороте человеческого бытия», а «что делать, как быть» — этого и не знают. Разнообразят безцельно свою жизнь, а в результате — «что-же: вот и мы, какие мы есть, и так прожили свою жизнь. А как за нее ответим — это неизвестно» (Осенний свет). «Бог дал нам страдания для неизвестных целей. Не нам их понять. Мы можем лишь любить» (Вечерний час). Но если проанализировать форму страданий и любовей безысходных героев, то окажется, что они не необходимы. Жизнь — сюжет застыла и не требует; живущие — могут страдать, могут не страдать, это зависит от их личной высоты и склонности, от их выскучающего сердца, но не от бессердечного ультиматума бессердечной жизни. Типичным рассказом этой полосы зайцевского творчества являются «Путники». Три лица влачат свое материально обеспеченное существование; особой цели и даже оптимистического оправдания этого влачения у них нет: инстинктивно путешествуют в поисках случая. Когда этот случай представляется (умирающий Ахмаков), является призрак, хотя-бы временной взаимопользности. Случай исчерпан и путники-влачители снова измышляют цели и возможности — с искренней болью и надрывом, но без веры, с порывом, но без исхода. «Я пойду к Тихону Задонскому, — говорит Елена-путница, — полями теми, что вчера мы видели с обрыва. Далекими полями. Буду с бабами идти. Там помолюсь за себя, за вас, за Алексея Кириллыча и всех христиан *Может быть*, помолюсь и поплачу — и больше пойму, что мне делать, как жить». Поистине, все это газообразно и миможизненно, но писатель-то здесь не при чем. Если бы все эти путники-влачители были только исключениями, пожалуй, их можно было бы типизировать для примера, не вникая в оттенки, но, увы, история и исход революции показали наглядно, что влаительство и газообразность интеллигентско-усадебных идеалов — были явлениями массовыми. Бытописатель предреволюционной эпохи внимательно и с интересом будет изучать целый период в творчестве Зайцева. Я не хочу сказать, что Зайцев был бытописателем нашей скулящей интеллигенции, это было бы чрезмерно; он был ее душеведом и сердцеописателем. Нам-же, хотя бы помня революционный опыт, — не следует пенять на зеркало.

V.

Теперь мы считаем необходимым при оценке наших творческих современников устанавливать их отношение к революции. Во всей нашей эмигрантской художественной литературе, относительно богатой, замечается две тенденции: 1) вообще не говорить о революции и 2) говорить с какой-то точки зрения политической. В художественной литературе эмиграции психологическая проблема революции скудна; подавляющее большинство бытописует эпоху предреволюционную и еще не догадывающуюся о страшном возмездии (Бунин, Минцлов, Шмелев), либо уходит в историческую давность (Мережковский, Алданов, Шмелев). Одни не решаются ставить проблему революции, и в этом их индивидуальное право, другие — заявляют, что эта проблема вообще не заслуживает интереса, и в этом их фактическая узорность. Поэты продолжают свою рифмованную астрологию, не касаясь трагической темы. Впрочем, во всем этом нет ничего нового. Достаточно припомнить аналогичное явление в польской пораздельной литературе, правда, не поэзии. Несмотря на резкий и чувствительный перелом в политической, сословной и бытовой сфере жизни, пораздельная эпоха все еще не может отказаться от старого, в значительной степени перешедшего в легкий графарет, романтизма, от старого бытового воспоминания (И. Крашевский, С. Качковский, Ф. Фаленский и др.); уход от современности возрождает исторический роман и не только национальный (И. Шуйский, Г. Сепкевич, И. Крашевский). Современность же проникает в литературу, не просачиваясь, но в связи с переходом от тем национально-бытовых к темам социально-человеческим. К. Юноша признается ликвидатором изжитых псевдо национальных шляхетских тем, Александр Свентоховский своими критическими статьями и «Трагикомедией правды» указывает новые, социально-психологические темы. Но ведь почти пол-столетия пораздельная правда в польской художественной беллетристике отсутствовала! Я далек от полной аналогии двух эпох, но частный психологический элемент несомненно общего происхождения; революция свернула скулу нашего розовенького влачительства, но о боли свернутой скулы мы говорим не беллетристически: политическая распря застит правду человеческого подвижничества, человеческого маразма.

Б. К. Зайцев отеликнулся на революцию 1905 года. («Черные ветры», «Завтра»). «Ты, великий дух, ты месить, квасишь, бурлишь и взрываешь, ты потрясаешь землю и рушишь города, рушишь власти, гнет, боль — я молюсь тебе! Что-бы ни было завтра — я приветствую тебя завтра!».

Роковые, ответственные слова. В ту пору мы еще не сняли розовых стекол и провидели революционное завтра не как катастрофу концов и болевое рождение начал, но как освободительный

праздник. Многие из нас и поныне склонны полагать, что не их вина в развернувшейся трагедии, но что подвели «темные силы», подвел «народ»; он оказался не таким, каким мы его полагали в своем, газообразном оптимизме. Зайцев прекрасно знал еще в 1905 году всю трагедию Завтра, знал вавилонское крушение старой «лишней» жизни и... *молился* этому Завтра: оно неизбежно.

«Золотой Узор» — это не бытописание, это душеписание. В первой части автор суммирует оттенки той интеллигенции, которая по своему почину шла жизнью; во второй — жизнь начала диктаторски направлять: наступил час возмездия, который так настойчиво владел Блоком, но лишь символически воплотился в его неоконченной поэме. Зайцев молился трагедии Завтра, не презирая и не кляня своих «лишних» героев; *он знал их* и, в неизбежности, повел на Голгофу. Дар скромности писателя удержал его от ригоризма оценок, от посягательства на катастрофу этикой мирного, газообразного времени. Гибель усадеб совершенно чужда мифической «стихийности», психологические исходы усадебников не теряются в мишуре внешних эффектов. Народ рисуется на распутье и не делится на волков и овец, страницы романа не заливаются кровью, не дышат проклятьем и презрением. Трагизм сосредоточен вне политики, но в перевоплощении «лишних» людей: они все начинают приспособляться к жизни новой и не дающей права статичности. Не даром в те годы так ходок был термин «приспособиться»! Все вынуждены были проявить себя в жизни перерождением, маскировкой, продажей: открытое, последнее, липо было безжизненно в дне и обречено вечности, как лик Юпитера Отриколийского. Зайцев не прельстился «массовыми» сценами, не пользуется «массовой» психологией, легкой по своей безответственности; даже третьи лица, вроде Хряка, Колгушина, Мушкина, Муни — даны психологически-индивидуально; в этом и заключается трагическая ценность его романа. То, что мы привыкли считать жизнью массы, в «Золотом Узоре» является сплетением индивидуальных коллизий.

Что же, период приспособления мишуры, началась *Vita nuova*. Когда ее начинают описывать — обычно проявляется щегольство новыми словечками: зав., совдеп., наробраз., и т. п. Писательство совжизни обязательно связывается с чисто внешним, схематическим описанием всего того, что оказалось не только бывшим, но и получило новое клеймо. Это заигрывание типично для многих пролетписателей и не чуждо попутчикам. Но разве в этом новая жизнь? Новая жизнь рождается из новых условий, традиция веков вычеркивается только в декрете, но не в жизни. Органичность жизненного процесса требует новых поколений. Есть у Зайцева два рассказа из советской жизни, — «Душа» и «Новый день». В них — новые условия жизни, приспособления, но не декретные превращения; в новых условиях — продолжается трагедия тех лю-

дей, кто не в силах вычеркнуть из памяти старый уклад, но кто обречен внешне жить по новому. Эту трагедию переживают не только люди, но и улицы: они тоже приспосаблиются. Абсолютно же новое возникает не во внешности, а в психологии. «Грохот и ветер, пыль рушащегося. Кровь, голод и сытый жар. Речи, собрания. Шум разговоров. Вдруг человек остановится, прочитает стихи. Лишь сонет прочтет. Задумается. И захочет на минуту быть один». И не тогда-ли оказывается, что мудрость-уже не так огромна? Вот новые заповеди: помни о печке, ешь, спи, иначе не выдержишь. Вот новые «малые основы жизни»: пайком не брезгай (не гордись), почитай примус, затыкай все щели. Вот оно поистине новое! Оно старо как мир, но мы позабыли его роковую необходимость, его мудрое счастье, выше Сенеки, Филона — жизнь *ежедневная!*

Наш банальнейший вопрос: приемлет или не приемлет Зайцев революцию?

Вопрос для Зайцева — нелеп. Революция — факт, но революция не борьба за старую и новую орфографию, поистине и газообразная и миможизненная.

Революция — «борьба за душу человеческую», в ней — «святые должны появляться. а не «усладители», «Орфей», «пленители»...

«...есть Судьба. Тебе (жизнь) и мне. Хочешь не хочешь, ее примешь. Я — уж принял. Я живу в ней иду. Прохожу сквозь тебя, жизнь, и посматриваю. Печаль, веселье и трагедия, цена на молоко, очередь в булочной, новый декрет, смех, смерть, пирожные и муки голода — все вижу и, пожалуй, знаю».

Кто-то принимает, кто-то отвергает. Здесь — дар созерцания и скромности. Факт — есть факт.

Евгений Недзельский.

О ренессансах, сухопарых бегунах, плацдармах и народничестве.

Среди попыток разнообразных эмигрантских авторов, в революционным партиям не принадлежащих, понять русскую революцию и осмыслить все ныне происходящее, заслуживает внимания попытка П. П. Сувчинского. Его статья «Два Ренессанса»*), нарочито парадоксальная, избыточная в корне неверными обобщениями, искажающими историческую картину революционного движения, тем не менее, ценна напряженностью стремления определить характер «нового русского ренессанса».

К сожалению автор этого определения в своей статье сделать не сумел.

Но уже одна постановка подобного вопроса выделяет статью из бесчисленного количества эмигрантских писаний. Эмигрантская пресса страдает односторонним обличительством большевиков. Это обличительство безобразий большевистской диктатуры *необходимо*. Мало того, оно должно являться *одной из главных функций свободной печати*. Но только *одной* из главных. Ибо, если оно превращается в ее *единственную* функцию, то с неумолимой неизбежностью происходит трагический отрыв от действительности, утрачивается перспектива и на первом (и что еще важнее на *единственном*) плане остается и действует, заслоняя собою лик родной страны, одно лишь большевистское правительство. Народ, сорокамиллионное население, как-то ступшевывается, отходит куда-то на невидимые для читателя задворки и крепка должна быть читательская вера в творческие силы России, чтобы окончательно не отчаяться и не махнуть рукой на такую пропадающую страну, в кото-

*) «Версты», книжка первая.

рой в течении девяти лет, протекших со времени величайшего в истории революционного сдвига, ничего кроме всевозможных безобразий зарегистрировать нельзя.

Те, кто читали в «Возрождении» описание воистину комических переживаний В. Шульгина, с'ездившего нелегально в Россию, уже должны были убедиться в справедливости этого положения. Русский общественный деятель, приходящий *в восторг* от того, что в Киеве *русские* дети говорят *по русски*, что на кладбищах стоят прежние *памятники*, что на базаре продаются *прежние* вафли, что по ночам город *освещен*, что из музеев не выброшена *старина*, что ходят поезда и в них *прежние* вагоны и т. д. и т. д., — явление высоко комическое и возможное только в той эмигрантской среде, которая живет в созданной г. г. Буниными и Струве моральной атмосфере и которая в своей все заслоняющей ненависти к революционной стихии русского народа (а не к большевизму) утратила не только чувство самой примитивной веры в Россию, (а одновременно и чувство смешного), но и какое бы то ни было ощущение действительности. От этой *однобокости*, конечно, не в столь резких и комических формах, не свободна и остальная несоциалистическая эмигрантская печать.

Поэтому-то, несмотря на свою парадоксальность и игнорирование истории, статья «Два Ренессанса» выделяется на фоне эмигрантской литературы. Краеугольная мысль этой статьи правильна. Она утверждает, что в результате огромного революционного сдвига неминуемо русское Возрождение, русский Ренессанс. Автор правильно также отмечает один из основных результатов революции, который и обуславливает грядущий ренессанс:

«раскрылся огромный плацдарм, на котором по новому сталкиваются, наступают и отступают такие социальные силы, которые давно не участвовали в реальной жизни русской государственности».

Но если правильно утверждение того, что революция несет России ренессанс, то неверна и извращена картина революционного движения, непонята роль народничества в судьбах России и пристрастно - восторженна оценка роли большевиков.

На статье П. П. Сувчинского стоит остановиться, ибо она, кроме того, сконцентрировала в себе ряд избитых (часто пошлых) представлений о русской революционной стихии, прочно, повидимому, угнездившихся не только в представлениях «эстетствовавших» «обывателей» (а может быть и эстетствующих) и людей откровенно правого лагеря, но и вошедших составной частью в

миросозерцание людей типа П. П. Сувчинского, то-есть типа культурного эстета.

П. П. Сувчинский относится ко всему революционному движению русского народа, происходившему до октября 1917 г., довольно пренебрежительно. В этом своем отношении к революции он является достаточно верным (не устарелым-ли?) отражением чудаковатых — теперь на расстоянии просто смешных — «эстетов», брезгливо поджимавших губы при словах: — революция, «хождение в народ», политика, м-а-с-ы. . ., гражданский, — какое-то там народничество, какие-то «революционная интеллигенция» и «революционная демократия», какие-то «программы», и не замечавших, забывшись во все петербургские тепличные оранжереи, напряженно страстной жизни, мощного народного революционного движения и его необычайной красоты и поэзии.

В ураганном движении России они нашли неподвижный затон и не замечали, что все мертво и неподвижно было только в их затоне.

Теперь, когда «революционный (выражаясь языком П. П. Сувчинского) срыв», когда все то, что не замечалось ими, или к чему они относились полупрезрительно и с кондачка, взорвало и навсегда уничтожило режим, под сенью которого, по словам П. П. Сувчинского, создавалась для этих, скажем чудаков:—«временная возможность интересоваться Штейнером, Далькрозом и издавать «Золотое Руно», «Апшолон», «Старые Годы»,—они очутились в «разсеянии». Жить по-прежнему в эстетическо - философическом тумане нельзя. Революционная русская стихия оказалась *фактом*, и притом больно ударившим по всем, кто до поры до времени проходили «мимо» него. Надо выбирать себе место в каких-то политических лагерях, надо приткнуться к какой-то *гражданственности*, надо усвоить какую то *программу*, или же выдумать свою *собственную*. А выдумавши программу, необходимо предпослать ей историческое обоснование или, как говорит наш автор, найти «систему размышлений о русской революции», возвышающуюся «до подлинного историософского понимания».

Посмотрим же как «историософски» понимает П. П. Сувчинский развитие русской революции.

Оглядывая прошлое он (и не только он один) не может не видеть, что революционное движение и, в частности, «социальная встревоженность, транс обличительства и фанатическая подвижность (а в некоторых случаях и подвижничество) русской интеллигенции» были значительным явлением в истории России.

Делаемая им при этом оценка одного из самых интересных моментов революционного движения в прошлом, а именно «хождение в народ», грешит непростительным *отсутствием* вкуса. «Хождение в народ», — пишет П. П. Сувчинский, — при всем

безвкусию и идейным убожеством было со своей точки зрения праведным и страстным *бегством* в (на) святую землю, стихийным влечением к предмету своего лже-обожения. Люди, ужаленные всем виденным и надуманным, снимались с мест, становились «бегунами», псступленно рьяными и сухопарыми. Это было страшное, преступное порою, но все же жизненное дело живых людей».

Безвкусие, идейное убожество, сухопарые бегуны... П. П. Сувчинский, очевидно, и не подозревает в эстетической простоте своей, что «хождение в народ» около трех тысяч человек восторженной, интеллигентной молодежи было не только одним из самых героических и глубоко поэтических моментов русского общественного движения тех времен, но что в идейную сокровищницу освободительной борьбы оно внесло неопенимый вклад. Не к предмету своего «лже-обожения», но к народу, не выдуманному в петербургских салонах, а к подлинному, русскому народу пошла *впервые* русская интеллигенция. Она вложила персты свои в раны его, она нащупала биение его пульса, узнала его нужды, его надежды, его мечты... Первый мост от интеллигенции к народу был переброшен этими «сухопарыми бегунами», романтическое обаяние которых заворожило последующие поколения русских революционеров. Их опыт дал русскому народничеству непреложную заповедь — раскрепостить *познанный* народ и дать ему возможность проявить все свои силы, которые предопределяют *гениальное будущее России**), в которое с такой неистребимой силой верит так называемая «слякоть» в России, словом тот самый русский ренессанс, которого ждет и П. П. Сувчинский.

Я не говорю уже о том, что кроме *полного безвкусиа* в оценке П. П. Сувчинского имеются определения, уместные не в статье человека, приемяющего, в конечном счете, Революцию и выводящего из нее предпосылку для Ренессанса, а в речи какого нибудь Шегловитова или в статье Нового Времени. О революционерах - террористах 80 годов он пишет в таком стиле: «Они в *слепой копвульсии*, своими *безумными* делами (курсив мой. Вл. Леб.) свидетельствовали об уродстве и злокачественности совершавшихся в са-

*) «Слякоть», то - есть — интеллигенция, к большевикам не пошедшая, по партиямъ не распределившаяся, но делающая свое культурное дело. Г. Невидимцевъ в № 10 «Воли России» так говорит: «Отмечу мимоходом, что эта вера в *особые* пути развития России и ее гениальное будущее, поможет в свое время «слякоти» с доброжелательством притти на помощь народническим элементам которые, рано или поздно, вновь займут свое место на политической авансцене России. Ибо самым, быть может, ярким отличием народников от прочих русских политических течений и является вера в *особые пути России*». Считаю нужным отметить для тех, кто знакомился со статьей г. Невидимцева по перепечатке, сделанной «Днями», что в этой перепечатке, очевидно, по техническому упущению вышеприведенная цитата отсутствует.

мой сердцевине русской жизни процессов» и т. д., и т. д. О «хождении в народ», он, как мы видели выше, пишет, что «это было страшное, преступное порою дело». Чем преступное? Жандармы *преступность* видели в подрывании «основ». В чем ее видит приемлющий в 1926 году революцию (да, еще большевистскую!) П. П. Сувчинский? Или это тоже отрывка эстетического — философического — религиозного словоупотребления? . . .

Народовольцы, в его представлении, «конечно, были во многом обывателями, с спутанными и запаздывающими мыслями».

Тем не менее не «запаздывающий мыслями» автор, не может не признать, что некоторые качества народовольцев «делали их все же пионерами и героями». Делали их *«все же»*, конечно, «по сравнению с оседлой общественностью». Какие же это качества? «Подвижность, риск и иступленное притяжение к идее и к мечте» . . .

Вообще в революционном *кочевничестве* П. П. Сувчинский видит едва ли не главное достоинство русских революционеров, не задаваясь при этом праздным вопросом *во имя чего* совершалось это кочевничество, или, как он выразился, «страшное, преступное порою дело».

Но вот прошли 70-80 годы, повествует автор, и «воля к социальному действию в значительной мере подточена», «армейские заговорщики 70-80 годов становятся героями «Поединка», «революционное бродяжничество, как широкое общественное движение подавлено». «Мелкая и средняя интеллигенция, подорванная реакцией, оседает и начинает пускать корни, но не в землю, а в гущу чеховской обывательщины и начинает предаваться в жуткомцепении разговорам о прогрессе, «изящной» жизни и о том, что будет через тысячу лет».

Затем . . . затем П. П. Сувчинский не видит на фоне русской жизни никого, кроме русской интеллигенции, разделенной им на две части, из которых первая пошла в сторону романтического идеализма и тотчас обезсилела в Соловьевском «эпигонстве» и, оставаясь политически прогрессивной и даже революционной (?), потеряла «всякое представление о реальной действительности», в то время, как вторая «стабилизировалась на интересах легальной и полулегальной общественности различных оттенков». «Это привело, заключает автор, к Гос. Думе, к октябристам, кадетам, националистам и т. п.».

Не поздоровится истории от *такого «историософского»* подхода . . . Не кроваво подавленная революция 1905 г. привела к Государственной Думе — победа увенчалась бы Учредительным Собранием, — а . . . «стабилизация» части интеллигенции.

Вот эта интеллигенция с одной стороны, а правительство с другой занимают и передний план и фон рисуемой П. П. Сувчинским «исторической» картины.

Больше нет ничего и никого!

Совершенно неизвестно почему, совершенно неизвестно кем произведен был «революционный срыв», который упразднил и начинавшийся «русский культурный ренессанс» (—Кастальский, З. Гиппиус, Флоренский, С. Н. Трубецкой, Розанов, «неославянофильство», «Мир искусства», А. Бенуа и пр. и пр., — определившийся по П. П. Сувчинскому прежде всего «исцелением интеллигенции от нигилистического безумия 60-80 г. г.»!), и триста лет властвовавшую династию, и вообще весь тип бытия России вместе даже с «социально - политической структурой России»...

Так некогда непостижимо неожиданны были для древних извержения вулканов...

Произошел «срыв», а «между тем, — пишет П. П. Сувчинский, — после кустарной и провинциальной идеологии русских народников, блестящая «всеразрешающая» и в Европе сформированная система марксизма оказывалась соблазнительной».

«Но проводниками марксизма стали уже не прежние идейные интеллигенты, не прежние бегуны и ошалевшие кликуши, а революционеры спецы, для которых революция стала предприятием рассчитанным и размеренным».

Стиль-то, стиль каков!

«Те люди, что в свое время «ходили» и «бегали» в народ отяжелели и осели. Новая интеллигенция частью благопристроилась в кадетской и октябристской партиях, частью эстетствовала, частью же сошла на нет, подготавливая «соглашательство» 18-го г. и инородческое засилье».

Вот в этих условиях и произошло по П. П. Сувчинскому пришествие большевизма. «Будучи выпущенной из рук упадочным самодержавием и осевшей или потерявшей инициативу социального дела интеллигенцией, — русская стихия оказалась схваченной марксистскими профессионалами».

Став у кормила правления, большевики, по признанию питающего «отвращение к коммунистической власти» автора, сотворили ряд чудес.

Во-первых, как мы видели выше, они сделали нечто, подобное схватыванию раскаленного железа голой рукой на предмет доведения его температуры до температуры собственного тела, — «схватили русскую стихию»...

Во-вторых «большевицкая революция в корне изменила» «социально-политическую структуру России».

Таких магических качеств за своей революцией не признают и большевики. Политическую структуру, но не «былой» России, а *революционной* России 1917 года (политическая структура «былой» России была изменена в марте 1917 г.) большевики действительно изменили, что же касается социальной структуры России,

то в *корне* изменить ее не смогли, хотя и мечтали проделать подобное изменение при помощи декретов. Эта социальная структура России причинила большевикам не мало хлопот и, в конце концов, предопределила и «спуск на тормозах» и частичное перекрашивающие большевизма в «защитный» народнический цвет.

Именно социальная структура России переводит в «инобытие» «марксистов-профессионалов», и мы являемся свидетелями безжалостного перемалывания русской действительностью теории и практики компартии и даже самой компартии.

Но большевицкая революция, по мнению автора, не ограничилась этими двумя чудесами. Она сделала большее. Она не только в *корне* изменила социально-политическую структуру былой России, нет, «прервав общественно - идейный канон 900 г. г., она устанавливает обстановку для выработки нового культурного типа и для развития нового культурного темперамента». И это было бы еще не таким чудом. Но, очевидно, по П. П. Сувчинскому обстановка *уже* установилась и *уже* успела этот тип выработать и этот *темперамент* развить. Ибо, как иначе понять заключительное утверждение: «в каких-то новых большевицких людях тяга к социальному делу и жизненной подвижности проснулась с необычайной силой, и, конечно, только на этих началах и будет основываться — и уже основывается — новый русский ренессанс 920-х годов»?

П. П. Сувчинский перепевает в данном случае Е. Д. Кускову, три года тому назад объявившую о рождении новой *биологической* породы людей в России. При чем эта народившаяся новая *биологическая* порода людей... уже действовала. Не допуская мысли о том, чтобы почтенные авторы в серьез думали, что за такой короткий срок могли на манер цыплят в инкубаторе, народиться и устанавливаться новые биологические породы, новые культурные типы, развиваться и уже все собою предопределять новые *культурные* темпераменты, приходится констатировать, что здесь происходит недоразумение. П. П. Сувчинский в свое время просто проглядел культурный тип и культурный темперамент уже существовавшие, выработанные предшествовавшим столетием и только теперь *после революции*, получившие каждый в своей сфере большую возможность действия. При чем, как раз, «большевицкий» фазис революции пытался и еще теперь пытается с'узить поле деятельности этого *культурного* типа, и поскольку возможно смягчить его *темперамент*, — а если возможно, то и просто обезличить его.

Этот культурный тип, как раз и есть: революционер, идейный интеллигент 90-900 годов, «третий элемент», — в *большинстве* своем *народнической окраски*. Зачем говорить о «каких-то новых большевицких людях», когда достаточно внимательно взглянуть на

тех, кто воистину «подвижнически» заняты *повседневной созидательной работой* в безчисленных российских учреждениях и вне их, — чтобы убедиться в справедливости этого положения. Социалист-революционер, социал-демократ, народный социалист, иногда даже кадет, бывший земский статистик, кооператор, доктор, учитель — вот кто, не говоря уже о большевистской старой рабочей интеллигенции, выносит на себе тяжесть ежедневной работы *на население*, вот кто пока поддерживает культурно-государственный остов России.

Люди *этого* культурного типа, не только наполняют тюрьмы, нет, они (иногда в зависимости от нюансировки их *темперамента*, как и в царские времена), являются *главной культурной силой* современной России. Конечно, в условиях большевистского строя этот культурный тип не смог целиком развернуть всей своей созидательной мощи, конечно, революция в своем *большевистском фазисе* не смогла вызвать к действию всего культурного слоя, *уже создавшегося* до революции (в процессе революционной и, главным образом, народнической работы) в рабочей и крестьянской средах, но все же, несмотря на большевизм, пусть иногда односторонне эти силы теперь выявляются. Это не «какие то новые большевистские люди» — «создавшиеся» на скорую руку в два-три года — это подлинно культурные силы, *сложившиеся* до революции и *наличием* которых только и может быть объяснена *самая возможность революции*. Ибо революция не какой-то, как представляется П. П. Сувчинскому «революционный срыв 1917-1918 г.», прервавший ренессанс и «культурный подъем 90-900 г. г.», не Афина Паллада, во всеоружии неожиданно вышедшая из головы Зевеса, а *одно из звеньев непрерывного культурного и революционного под'ема*, подготовляющего русское Возрождение.

Только перейдя из категории той интеллигенции, которой Столыпин и его последователи позволяли, по словам П. П. Сувчинского, «интересоваться Штейнером, Далькрозом, издавать «Золотое Руно», «Аполлон», «Старые Годы», в категорию, *из-за границы* определяющую новые процессы развития России, новые культурные типы и темпераменты, можно фактически упразднить всю интеллигенцию и объявить *непомятыми родства* те созидательные силы, которые работают в России. Зачем это понадобилось П. П. Сувчинскому — неизвестно.

В этом отношении не один эмигрантский «идеолог» «новых течений», «сметающий» на бумаге пером *сущее* и *à la fourchette* на той же бумаге создающий «какие-то» новые силы, уподобляется рабфаковцу, открывающему «новый» роман «нового» автора, Пушкина, «Евгений Онегин», или наивному иностранцу, посетителю Москвы, готовому поверить, что даже Василий Блаженный, не говоря уже о Третьяковской галерее, — создание большевистского строя.

Впрочем, часть таких публицистов к ним я отношу П. П. Сувчинского, можно извинить. Они просто в свое время *не* знали, *не* видели, *не* сталкивались с тем, что поражает теперь их внимание. Это люди не того типа, к которым принадлежит раскультирившийся П. Струве, не могущий не знать, но опустившийся до уровня своей аудитории.

Конечно, прав П. П. Сувчинский, когда говорит, что «между идеологией (Столыпина, Государственных Дум, националистов, октябристов, кадетов) и реальностью была пропасть». «Башня» Вяч. Иванова и земский начальник, проводящий столыпинскую реформу — это абракадабра». Но дело в том, что не «Башня» и земский начальник были противоположными полюсами русской жизни, а вся народная русская стихия и царский строй с его упадочной трехчленной формулой: «народность, православие и самодержавие», из которой фактически выветрились ко времени революции все три члена.

Между «Башней» и земским начальником находился тот слон, которого не заметил П. П. Сувчинский и о котором пытаются позабыть, уничтожая его на бумаге, всевозможные подражатели большевиков из правого лагеря, мечтающие тоже «схватить русскую стихию».

Этим слонем была, есть и долго будет та *революционная демократия*, имени которой не могут без пены на устах произнести ее враги справа. П. П. Сувчинский, как и многие, просмотрел самый характер русского культурного подъема 90-900 годов. Этот подъем характеризуется вовсе не именами г-жи З. Гишпиус и г. г. Кастанльских, Флоренских и Розаповых, как бы талантливы они ни были и как бы П. П. Сувчинский не помещал их в соседство с Блоком, а громадным культурным подъемом России, *связанным с политическим пробуждением широких народных масс*. Для того, чтобы понять этот сказочный культурный подъем — предвестник русского ренессанса — необходимо правильно понять характер революционного движения России.

П. П. Сувчинский (и не он один) не понял характера русского революционного движения и, главным образом, народничества, — а ведь народничество и было душой этого движения. Он не понял и того, что народничество было *единственным* русским, массовым, *общенародным*, а следовательно, и *глубоко национальным* (конечно, не в смысле националистический) *движением* последнего столетия, вплоть до наших дней.

В самом деле, какое *движение*, какая *партия* могут быть сравнены с ним? Не ничтожные же по численности кучки просве-

щенных либералов, не жалкие по программе, тактике и размерам *партийки* кадетов, националистов и октябристов, образовавшиеся на фоне революционного движения 1904-7 года и попытавшиеся с разрешения начальства использовать разгром этого движения в свою пользу, не торговопромышленный же «Союз российских Кит Китычей, не правительственный же «Союз Русского Народа», сформированный из подонков? А до пресловутой «весны» князя Святополка - Мирского ведь даже и этих партиек не было!..

Народничество является широким движением, созданным революционной русской стихией. Оно одно сумело вобрать в себя различные элементы населения России и запечатлело себя как силу *общенародную*.

В России не только социализм, как учение, как революционное движение предшествовал — в противоположность тому, как это было на Западе — настоящему водворению капитализма*), «в России *инициатива политического действия, политического движения* — и не однобокого, а всегда неразрывно связанного с культурным социальным движением — *была взята в руки социалистами - народниками раньше образования социал-демократических течений и партий и задолго до оформления либеральных и правительственных партиек*.

От Пестеля и до наших дней, — через Герцена, Чернышевского, землевольцев, народовольцев, Лаврова, Михайловского и партию социалистов - революционеров, — идет непрерывная линия этого русского своеобразного движения.

И что замечательно: на протяжении *всей* русской истории народничество было *единственным политическим, культурным, социальным и революционным* движением, которое обращалось ко *всему* народу, объединяло в своих рядах интеллигенцию, рабочих и крестьян, и, прокладывая особые пути к социализму, создавало вместе с тем, *общенациональное* сознание. Будущие историки несомненно учтут то обстоятельство, что на фоне разложения упадочного самовластия (— с его варварской формулой: самодержавие, народность, православие, раскалывавшей многоликую, многословную, разноязычную, разнoverующую Россию) — только одно народничество, обращаясь с призывом о совместной работе по созданию нового политического и социального строя, *отвечающего особым условиям развития России*, к интеллигенции, рабочим и крестьянам, вызывало взаимопроникновение этих основных сил и выковывало сознание единства нации.

Мертвой петербургской формуле оно противопоставило не только гениальное прозрение путей России, но и живое, зажигающее энтузиазмом дело, требовавшее при этом действительно напряжения *всех* движущих сил революции, — *а следовательно и Рос-*

*) Е. Сталинский. Какимъ путемъ? «Воля России» № VIII-IX.

сии, — ибо революция была для России единственным выходом из того тупика, в который ее завело самодержавие. Осуществляя со стихийной последовательностью дело вовлечения в борьбу против самодержавия *всех* трех сил революции, оно создавало подлинную соединительную ткань страны.

Уже «хождение в народ» слило в общем — *политическом, культурном и социальном* — стремлении отделенных настоящими сословными пропастями представителей различных сословий. В землевольчестве и в народовольчестве мы видим идущими рука об руку столбовых дворян, разночинцев, мещан, детей министров, рабочих, сельских учителей, блестящих гвардейцев, армейских офицеров, представителей аристократии и недавних крепостных.

А не является ли уничтожение каст и сословий первым шагом на пути зарождения *подлинного* национально - народного осамосознания?

На фоне тусклой мещанской жизни, протекавшей в тисках реакции — тисках не только политических и социальных, но и моральных — ярким огнем героизма горели энтузиазм и самопожертвование народнических сначала групп, а потом и партий, шедших в Сибирь на каторгу и на смерть «во имя блага народа». Это не было борьбой за количество избирательных голосов и за число «мандатов», это было страшным боем за *раскрепощение всех творческих способностей* великой нации, это было борьбой за раскрытие того самого «плацдарма», о котором говорит П. П. Сувчинский. Но *только* они, *народники*, обращались ко *всему* трудовому народу, то-есть, ко всей нации, только они говорили ему, втягивая его в общую борьбу, о том, что он, русский народ, во всех своих трех проявлениях: интеллигенции, рабочих и крестьянстве — великая сила, только они вселяли в него веру в его гениальные творческие способности, только они звали его к самоорганизации. Эти их речи, эти их призывы, так часто раздававшиеся в *предсмертном* слове со скамьи подсудимых, не могли не производить потрясающего действия.

«Хождение в народ» и народовольчество провели глубокие борозды в русской народной толпе. Брошенные в эти борозды семена должны были дать и дали богатые всходы. Что могло противопоставить этой пропаганде словом и делом правительство? Туже завинтить тиски? Но чем туже они завинчивались, тем яростнее выросло противодействие. Правительство могло *временно* разбить *организацию* народнического движения, его гвардию, но самого движения оно разбить было не в состоянии уже по одному тому, что движение было продиктовано жизнью и являлось *единственным* общенародным движением.

Правда, после разгрома «Народной Воли» у «победителей» на час, у верноподданных мещан и у вскоре появившихся в лице

социал-демократов «конкурентов», могли зародиться иллюзии относительно *недолговечности* народничества. Но иллюзиям этим не суждено было удержаться долго.

Яркая и самоотверженная работа народников по вовлечению *всего* народа в политическую и культурную жизнь страны, по созданию новых ценностей *всем* миром, не могла не отвечать *горовому* началу русской стихии.

Социал-демократы, делавшие не малое дело, но адресовавшиеся только к *рабочему* классу, также точно не могли занять места народников, как позднее не могли его занять всевозможные либеральные партийки, строившие свои расчеты, главным образом, на интеллигенции. На смену народникам могли явиться *только* народники. И никто другой. Это было тем неизбежнее и тем легче, что народничество всегда являлось *движением*, — оно всегда было гораздо шире той или иной представлявшей его *организации*. До сегодняшнего дня ни одна народническая *организация* не смогла в сколько нибудь значительной — сравнительно — степени вообрать в себя народнические силы страны. А, следовательно, и разгром *организации*, каким-бы решительным он ни казался, не мог явиться роковым для движения.

Он и не явился таковым ни в девяностых, ни в девятьсот-дешятих, ни в 1917 и последующих годах.

Общезвестно, как через несколько лет после разгрома Народной Воли в ряде городов возникли группы «социально - революционной партии», — в 1888 году они разом возникли в 17 городах, — как в голодные 1891-92 годы фактически произошло второе «хождение в народ»; как с этого времени — точно дождем — брызнуло по всей России народническими кружками и группами; как к 1900-01 годам уже оформилась наследница Народной Воли — партия социалистов-революционеров; как к 1904 году она пустила глубокие корни повсюду — на фабриках, в университетах, в земствах, в кооперации, в деревне, в столицах, во всех слоях народа, во всех концах России.

Несомненно, для многих и многих поверхностных наблюдателей гром взрывов бомб, бросавшихся боевой организацией партии, заглушал ее пропаганду, а геройские фигуры исполнителей, заслоняли собой всю остальную, не боевую, работу эс-эров. Но 1905-07 года показали эту работу во весь рост.

П. П. Сувчинский (и не он один) *умудрился* не заметить ни этой работы, ни этого периода, ни этого проникновения партии в народ, вернее слияния ее с народом. А между тем именно в эту *просмотренную* им эпоху стихийно и страстно выпли в первый раз на политическую арену России, и в невиданном до того размахе, вызванные *народничеством* к политической жизни, народные массы. В этом боевом крещении они получили *народнический* за-

кал. Ведь снова в рядах представлявшей народничество организации — партии социалистов - революционеров — еще полнее, чем в народовольчестве, слились все составные, все творческие элементы русской революционной стихии.

Нельзя умолчать и о социал-демократической работе этого периода, но она по своему влиянию на *широкие народные массы* никак не может идти в сравнение с влиянием эс-эровской работы. Достаточно сказать, что две трети России были охвачены аграрным движением, — а ведь к крестьянству адресовались исключительно социалсты-революционеры.

Народ *массово* выдвинул в ряды социалистов-революционеров самоотверженных людей. Передо мною клише и портреты, хранящиеся в партийном архиве, героев казненных в 1905-07 годах. Их сотни, и сотни, и сотни... Все классы, все сословия, все профессии, все возрасты представлены на них. Девушки и юнцы, гимназисты и студенты, пожилые и старики, курсистки, учителя, учительницы, офицеры, инженеры, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы...

И тысячи, и тысячи ушли в Сибирь, в тюрьмы, на каторгу.

Когда П. П. Сувчинский говорит о какой-то *«неблагополучной оседлости»*, он просто забывает не только период, предшествовавший 1905 году, но и *эпоху* 1905-8 годов, когда *тысячи* революционеров всех сословий и профессий передвигались по России, когда крестьянские, рабочие и учащиеся *«работники»* неслись по деревням, городам и гарнизонам... Он забывает, как стихийно революционное движение охватило университеты, заводы, армию, флот, города и села; как студенческие демонстрации сливались воедино с рабочими; как забастовки останавливали целые промышленные районы; как из гарнизона в гарнизон перекачивались восстания; как за краем подымался край! И в этом мощном, исполинском движении главная роль принадлежала народнической организации — партии социалистов-революционеров... Самодержавию пришлось тогда наперекъ всю свою волеполицейскую мощь и, заключив в своем роде позорный Портсмутский мир, бросить все, что оставалось верного в армии на внутреннего «врага», воздвигнуть по всей России виселицы, залить кровью всю страну....

Слов нет, не *все*, шедшие когда-то за народовольцами, остались до конца своих дней революционерами. Но дело не в этом, а в том, что движение, расширяясь, захватывало все большие и большие круги населения и как раз *суживало* «чеховскую обывательщину». Конечно, не все, «армейские заговорщики» оставались до могилы «заговорщиками». Целый ряд их ушел на плаху, другие в подпольное движение, третьи остались добросовестными офицерами, были, само собой разумеется и слабодушные, но

все же, в конце концов, «армейские заговорщики 70-80 гг.» не только не «становятся героями «Поедипка», но прочно укореняют свободолобивую традицию в рядах лучшей части офицерства. В 1905-7 годах, несмотря на бегство из армии либерального офицерства, почти каждый гарнизон выдвигает людей из офицерской среды, целиком уходящих в революцию, возглавляющих военные восстания. В подавляющем большинстве эти офицеры становились под знамена партии социалистов-революционеров. В ней они видели партию героическую, рыцарскую, овеянную духом романтизма, и вместе с тем партию *народную*, за которой шли широкие народные массы, в том числе и *солдатские*.

Тогда же наряду с «Крестьянским Союзом» под эгидой партии социалистов-революционеров образовались «Военно-Революционный Офицерский Союз» и «Всероссийский Союз Солдат и Матросов».

Разбив революционное движение 1905-07 годов, попытавшись с'узить «плацдарм», на котором уже *тогда начали* маневрировать народные массы, конституцией 1905 г. (и преобразованными в говорильни 3-й и 4-й Государственными Думами) правительство с жестокостью принялось за «окончательное» уничтожение партии социалистов-революционеров, в которой оно по справедливости видело главную силу революционного движения. Оно не понимало и не могло понять, что партия, с'умевшая вызвать к революционной атаке крестьянство, рабочих и интеллигенцию, была только организованным выражением народнического движения, только его авангардом. Оно не понимало того, что, если бы даже возможно было уничтожить этот авангард, массы не замедлили-бы рывнуть вперед новые *народнические* же отряды. Но ему не по силам оказалось уничтожение и авангарда. И хотя вновь поверхностные наблюдатели и конкуренты, (к социал-демократам на этот раз прибавились кадеты) начали хором хоронить и народничество и партию социалистов-революционеров, однако более проницательные люди видели, что никакого *окончательного* уничтожения не произошло.

Охранник А. И. Спиридович в своем руководстве для охранных отделений и жандармерии, изданном в 1916 году*), писал:

«К началу 1914 года партийных организаций в России, в строгом смысле слова не было. Были лишь разбросанные по разным городам социалисты-революционеры, мечтавшие о таких организациях и о партийной работе. За границей же оставалась эмиграция, разделенная на фракции, существовал Центральный Комитет с его комиссиями и литературные органы. Была программа партии, устав и руководящие резолюции».

*) А. И. Спиридович. Революционное движение в России. Выпуск 2-ой. Партия социалистов - революционеров и ее предшественники. 1916 г.

«Иными словами — сохранились партийные кадры, готовые начать, когда понадобится, революционную деятельность по выработанному плану».

Но Спиридович не заметил, радуясь простодушно *разделению эмиграции на фракции*, что сохранились не только кадры, устав и резолюции. Он не сообразил какой огромной силой являются те люди, которые шли за партией в революционный период, и которые, когда партия, как *организация*, была разбита, заняли в культурной и государственной жизни страны свое прежнее или новое место. Он не сообразил, что народническая *молодежь* выросла и вошла во все области жизни России. Он забыл, что социалисты-революционеры *рабочие* остались в большом числе на заводах; что социалисты-революционеры *крестьяне* выдвинулись в первые ряды земских, кооперативных и культурных работников в деревнях, что *ссылка, тюрьмы* и даже самая *каторга* являлись собой гигантские резервуары эс-эровских борцов, организаторов и пропагандистов; что *кооперация* уже тогда «химически выделяла эс-эров»; что уже вырос новый слой *партийной интеллигенции*; и что к моменту опубликования его книги в рядах описываемой им партии появились и ученый кооператор, и агроном, и статистик, и экономист, и журналист, и писатель, и технолог, и представитель других интеллигентских профессий, бывшие в 1905 году *крестьянскими* подростками.

Все это было куда серьезнее чем факт разделения эсэровской эмиграции на фракции, чем даже факты разгромов партийных организаций.

За эти годы народнические элементы ушли не только в тюрьмы, подпольную работу и в эмиграцию. Нет, они глубоко и широко вошли в открытую культурную жизнь страны. В земствах, в рабочем движении — даже в его изуродованной правительством форме —, в кооперации, в печати, народник «всюду пер массой».

И когда по Северной Двине пошли кооперативные пароходы, и крестьяне, любясь ими, говорили:

— Наши, мужицкие, пароходы!

И когда во главе строившихся по селам гимназий и прогимназий, становились народники, и крестьяне говорили:

— Наши, мужицкие, гимназии!

И когда на Алтае под влиянием стихийно развивающейся и народниками руководимой кооперации в деревенских избах зажигалось электричество, и крестьяне говорили:

— Наши, мужицкие, кооперативы!

И когда в Лондоне открыли для себя рынок, несмотря на отчаянное сопротивление покровительствуемых правительством скупщиков, смолокуренные и маслодельные крестьянские кооперации, и крестьяне говорили:

— У нас на рынке, в Лондоне!

тогда ясно стало, что народничество *гигантская, национальная сила*, и что путь, пройденный им от землевольчества и до Революции 1917 года, — путь стихийного политического и культурного развития России, — путь, ведущий к настоящему русскому Возрождению, к русскому ренессансу.

Вот почему, когда разразилась Революция 1917 года и вся Россия на короткий миг превратилась в огромный «плацдарм», на котором не только «по новому», но и *свободно* начали двигаться народные массы, они отдали народничеству в лице партии социалистов-революционеров не только свои симпатии, но и *подавляющее большинство* голосов. В земствах, в городских самоуправлениях, в Учредительном Собрании, в до-октябрьских советах — всюду эс-эры были в большинстве. Партия просто не справилась, быть может и не могла, даже при наличии всех своих кадров, справиться с этим чисто стихийным выявлением народных симпатий к народничеству.

*
**

Большевики, конечно, несравненно умнее и эластичнее г.г. Спиридовичей и их начальства. Они очень недолго после своей трагической победы обольщались иллюзиями на тему о том, что эс-эры и народничество «отработанный пар истории». Перешагнув через Брест-Литовск, большевики, как и самодержавие после Портсмута, немалую часть своих усилий направили на «окончательное» уничтожение этого «отработанного пара». Но им скоро, очень скоро пришлось убедиться в том, что наиболее важным обстоятельством является не заполнение эс-эрами тюрем, ссылки и концлагерей, не «разделение на фракции» нескольких *случайно* попавших за границу, более или менее видных, членов партии, а то, что «кооперация химически выделяет эс-эров», что крестьянская стихия «пронизана» эс-эровством», что жизнь — высший и, в конце концов, единственный диктатор — выдвигает на первый план народнические положения.

Коммунистическая партия, попытавшаяся с'узить открытый Революцией «плацдарм», загнавшая крестьянство в большевизские курии, а интеллигенцию в спецы, очень быстро почувствовала, что фанатическая верность «всеразрешающей», по П. П. Сувчинскому, формуле кончится катастрофой. И начались — отчасти комедия, отчасти отступление, отчасти компромисс. Большевики стали поворачиваться лицом во все стороны — к кооперации, к крестьянству, к интеллигенции, к казачеству и т. д. и т. д.

Большевицкий марксизм, перемолотый сначала в ленинизм, очень быстро начал принимать в ряде случаев защитный цвет. Большевики стали краситься под *народников*. Эта тактика пере-

крашивали умнее военного коммунизма. Но все несчастье большевиков в том, что это частичное перекрашивание не ведет к цели. Диктатура Рыкапы покоится не столько на маневрировании, спору нет подчас весьма искусном, сколько на насильственном подавлении инакомыслящих, на противоестественном сужении русского политического «плацдарма».

Конечно, за эти годы большевики с'умели привлечь в свои ряды большие количества людей и превратиться во вторую по величине партию, зарегистрированную в истории России. Но этот рост совершался в обстановке террора против всех других партий. Только вхождение в коммунистическую партию обеспечивало и обеспечивает ряд прав, которых лишено остальное население России, только членский билет сулил и сулит привилегии его владельцам. В обстановке свободной политической жизни русская коммунистическая партия осуждена на такое же сокращение своих кадров, какое постигло уже почти все «заграничные» фракции Коминтерна.

Народничество переживает и этот шквал. Как и после 1907 года, те, кто шли за эс-эрами, заняли новые места; на заводах и фабриках рабочие эс-эры, проводившие революционный сдвиг 1905-7 годов и Революцию 1917 года в рядах партии; в деревне крестьяне эс-эры, участвовавшие не только в ночных смотрах крестьянской милиции в 1907 году, но и в вооруженном сопротивлении диктатурам слева и справа в 1918-19-20 г. г.; в бесчисленных советских и, главным образом, культурных учреждениях немало эс-эровской и эс-эртвовавшей интеллигенции. Вся эта огромная рать, организованному выражению которой — *партийной организации* — нанесен временно тяжелый удар, является составной и культурнейшей частью народного организма. Она на ежедневном опыте убеждается в правильности народнических положений, так блестяще подтверждаемой постепенным перекрашиванием большевиков. Цикловое движение народнических партий продолжается. И народничество с'умеет в новой обстановке выдвинуть по новому свои организованные силы. Не вечно же над страной свистеть большевицкому кнуту. А когда откроется снова *весь* «плацдарм», когда растворятся тяжелые ворота всех советских узилищ, когда опустеют ссылки, когда смогут проявиться свободно *все* силы страны, только тогда с еще большим, чем в 1917 году размахом, выявят себя на этом плацдарме, в страстной, стихийно - созидательной работе *окончательно раскрепощенные* народные массы, вызванные к политической жизни народничеством, и только тогда наступит эпоха русского ренессанса.

Вот, мне кажется, тот естественный ход рассуждений, который диктуется подлинным «исторнософским подходом», и который приводит к единственно правильной «системе размышлений о русской революции».

Еще несколько слов. Автор «Двух Ренессансов» впал в преувеличенно-восхищенную оценку мощи большевизма. Быть может в этом играет роль подсознательное чувство желания выставить силу, разбившую привычный уклад жизни, чем то очень значительным. Ведь всегда приятнее и почетнее быть разбитым смелым, умным и сильным противником, чем глупым и трусливым врагом. Наши правые круги этого не понимают и расписываются в своем собственном ничтожестве. Но, может быть, имеются и другие причины преувеличенно-восхищенной оценки большевистской мощи. Быть может, молодой идеолог евразийства хотел продемонстрировать эту большевистскую мощь на ущербе лишь для того, чтобы убедительнее показать, что большевизм мог уничтожить и уничтожил *все* «старые» политические течения и, сходя в гроб, очищает место совершенно «новым» политическим «силам», а в том числе и евразийству. И этот подход, далеко, само собою разумеется, не «исторический», тоже по человечеству понятен.

Но зачем ради него нужно было Осу на Пелион громоздить?

Вл. Лебедев

Опыт национализации.

VI.

Что советское государственное хозяйство убыточно для страны, это, обычно, аргументируется чрезвычайною дороговизною создаваемых в нем материальных благ и оказываемых им хозяйственных услуг. Эта дороговизна — факт несомненный и бесспорный. Прежде, однако, чем взвешивать силу этого аргумента, присмотримся все-таки, как фактически обстоит дело с ценами в современной России.

Начну с общего их уровня. В середине нынешнего года (июль 1926 г.) русские оптовые цены были выше до-военных (по индексу Госплана) на 82%. В тоже время мировые*) оптовые цены, в переводе на золото, были выше цен 1913 г. на 44%. Таким образом в самом факте, что теперешние русские цены выше до-военных, нет чего либо исключительного. Это — мировое явление. Не лишне будет прибавить, что рост цен на мировом рынке начался еще задолго до войны, а именно со середины 90-х годов минувшего столетия. В частности, в России с 1896 по 1913 год общий уровень цен поднялся на 53%. Возможно, что в данном случае мы имеем дело все с тем же, давно уже длящимся, «вековым» явлением.

Война, конечно внесла в движение цен резкие пертурбации. В настоящее время уровень их, по сравнению с до-военным, далеко не одинаков в различных странах. Так, в июле 1926 г. цены были выше до-военных:

во Франции.....	на 11%
„ Германии и Италии	„ 27 „
„ Англии	„ 48 „
„ Соединен, Штатах	„ 51 „
„ Норвегии	„ 60 „
„ Японии	„ 69 „

*) В среднем по 14 странам. См. «Экономический Бюллетень Кон'юнктурного Института», 1926 г. № 9.

Сравнительно низкий уровень цен во Франции в это время объяснялся исключительными обстоятельствами. Это был период быстрого обесценения бумажного франка. Цены на товары тоже быстро росли — в бумажной валюте они были в июле 1926 г. выше до-военных цен на 754%; — но рост их не поспевал все-таки за падением валюты. В результате, Франция была в это время одной из самых «дешевых» стран. Известно, как минувшим летом устремлялись в нее туристы и другие иностранцы, желавшие воспользоваться этой дешевкой. Но если мы даже откинем Францию, то разница между другими странами в уровне цен, сравнительно с до-военным останется все-таки очень большой. Это заставляет думать, что послевоенные цены на мировом рынке вообще нельзя еще считать установившимися.

Россия в настоящее время занимает самый крайний фланг, выдаваясь наиболее высоким уровнем цен. Но разница между нею и Японией или Норвегией, например, все-таки меньше, чем между этими странами и Германией или Италией, не говоря уже о Франции. Таким образом отклонение России в данном отношении от других стран нельзя считать исключительно большим, равносильно отрыву. С другой стороны, теперешний уровень цен в России нельзя считать небывалым в других странах. Большинство их пережило еще более высокий уровень. Так в 1920 г. цены были выше до-военных:

в Норвегии.....	на 108%
„ Франции.....	„ 112 „
„ Англии.....	„ 112 „
„ Соедин. Штатах.....	„ 126 „
„ Японии.....	„ 165 „

Лишь Германия не знала этого резкого под'ема: в годы усиленной инфляции (1921-1923) цены, в переводе по золоту, падали в ней даже ниже до-военного уровня.

Я не буду останавливаться на вопросе, какие цены — высокие или низкие — при данных условиях выгоднее. Отмечу лишь, что высокие цены сами по себе, очевидно, нельзя считать каким-то несчастьем, а низкие — счастьем. Соединенные Штаты при относительно высоком уровне цен чувствуют себя, как известно, очень недурно. А Германия при очень низких ценах в 1921 - 1923 г. г. чувствовала себя совершенно несчастной. Не очень была довольна своей недавней «дешевкой» и Франция.

Но как бы ни относиться к высоким и низким ценам, из сказанного, мне кажется, следует, что высокий уровень цен в России и расхождение его со средним мировым уровнем нельзя ставить в связь с национализацией. То же самое, притом в еще большей степени, имело место и в других странах при безраздельном почти господстве частного хозяйства в них. Тоже самое, хотя в меньшей степени, имеет место и теперь, — притом в стра-

нах с различной народно - хозяйственной структурой. Очевидно, причины под'ема цен, резких колебаний в них и отклонений их от средних мировых нужно искать не в хозяйственной структуре, а в другом месте. Заняться этим сейчас я не имею, конечно, возможности.

Да и в интересующем нас вопросе несравненно большее значение, чем общий уровень цен, имеет соотношение цен на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, и изделия промышленности, с другой. На это соотношение, главным образом, и нападают противники национализации, доказывая убыточность советского государственного хозяйства.

Но это соотношение менялось. В годы «военного коммунизма» и в первый год «нэпа» цены на сельскохозяйственные продукты, по сравнению с довоенными, были значительно выше, чем на промышленные изделия. Тогда нередко можно было слышать нарекания, что деревня, пользуясь тем, что в ее руках сосредоточены продовольственные ресурсы, эксплуатирует голодающее городское население. Вслед затем роли переменялись.

В августе 1922 года сельскохозяйственные цены опустились и сравнивались с промышленными, но не удержались на этом уровне и упали еще ниже, опустившись к концу 1922 г. ниже даже довоенного своего уровня. Промышленные цены оказались уже значительно выше сельскохозяйственных, хотя они не росли еще, а тоже, только более медленно, опускались. Таким образом, раскрылись пресловутые «ножницы». С конца 1922 г. начался сначала медленный, а потом все более быстрый под'ем промышленных цен, тогда как сельскохозяйственные продолжали колебаться около довоенного своего уровня. Раствор «ножниц» все увеличивался и к осени 1923 года это расхождение цен достигло прямо чудовищных размеров и вместе с тем своего максимума. На 1 октября этого года сельскохозяйственные цены были на 12% ниже довоенных, а промышленные на 176% выше. Таким образом разница в уровне тех и других цен составляла в это время чуть не 200%. В результате, разразился известный «кризис сбыта»: промышленная продукция при таком соотношении цен оказалась недоступной для деревни и в значительных количествах осталась на складах у промышленных предприятий и торговых организаций.

Советская власть предприняла тогда систематическое снижение цен на промышленные изделия и достигла в этом отношении заметных результатов. Постепенно промышленные цены были снижены более, чем на 30%. А так как сельско - хозяйственные, хотя и при значительных колебаниях постепенно повышались, то разница в уровне тех и других цен уменьшалась. Весной 1925 г. «ножницы» закрылись. К лету этого года уровень сельско - хозяйственных цен оказался даже несколько выше, чем промышлен-

ных: на 1 мая первые были выше довоенных на 99%, а последние — на 90 %.

Но к осени того же года сельскохозяйственные цены вновь упали и «ножницы» опять раскрылись. На 1 октября 1925 года сельскохозяйственные цены были выше довоенных на 56%, а несколько поднявшиеся промышленные — на 95%; разница в уровне тех и других цен достигла таким образом 39%. Но затем сельскохозяйственные цены начали быстро подниматься, обгоняя в своем росте промышленные, и весной «ножницы» почти закрылись: разница в уровне тех и других цен на 1 апреля 1926 г. составляла лишь 11% (сельскохозяйственные цены были выше довоенных на 91%, а промышленные на 102%). Но к осени раствор «ножниц» опять увеличился и на 1 сентября нынешнего года (последние данные, которые дошли до меня) разница в уровне тех и других цен достигла 45% (сельскохозяйственные выше довоенных на 59%, а промышленные на 104%). Возможно и даже вероятно, что к весне раствор «ножниц» опять уменьшится, уровни цен сблизятся....

Но как бы то ни было, теперешнее соотношение цен — если даже взять соотношение средних цен за год, — явно, убыточно для сельского хозяйства; во всяком случае менее выгодно, чем это было перед войной, в 1913 году. Теперь уже «город» систематически эксплуатирует «деревню». А так как в городе преобладает государственное хозяйство, а в деревне царит частное, то это дает основание говорить, что первое существует за счет последнего. Если государственная промышленность держится и даже дает прибыли, то только благодаря высоким ценам, которые она берет за свои изделия. При помощи этих цен — не раз упоминавшимися «ножницами» — она стрижет частное хозяйство и этим кормится. Отсюда уже само собою следует вывод, что если бы государственной, «казенной» промышленности не было, то не было бы и убыточного соотношения цен для частного, народного хозяйства. Итак, долой «казенную» промышленность, долой «казенное» хозяйство! Да здравствует «народное», частное хозяйство!

Вот этот то вывод и подлежит нашей проверке... Прежде всего: действительно ли наличие описанных, «ножниц» в русской экономической жизни и больший или меньший «раствор» их зависит от государственного хозяйства? Я изложил историю «ножниц» и читатели, вероятно, уже обратили внимание, что эти «ножницы» впервые раскрылись в результате быстрого падения цен на сельско - хозяйственные продукты в конце лета 1922 г. (после очень хорошего урожая) и в дальнейшем больший или меньший раствор их зависел, главным образом, от резких колебаний в сельскохозяйственных ценах. Исключением в данном

случае был 1923 год, в котором чудовищный, как я его назвал, растрор «ножниц» был обусловлен быстрым подъемом цен на промышленные изделия и таким образом зависел от государственного хозяйства. Но к этому эпизоду я сейчас вернусь. После же 1923 года движение промышленных и сельскохозяйственных цен имело существенно различный характер. Если бы я мог дать диаграмму движения тех и других цен, то для читателей эта разница была бы совершенно наглядна: кривая промышленных цен имеет на ней очень плавный, а сельско - хозяйственных --- чрезвычайно зигзагообразный видъ. До известной степени эту диаграмму может заменить следующая табличка, в которой указаны, начиная с осени 1923 года, наибольшие отклонения тех и других цен от средних годовых:

Отклонения средних месячных цен от средних годовых в % %:

Сельскохозяйственных. Промышленных.

	Вверх.	Вниз.	Итого (размах колебаний).	Вверх.	Вниз.	Итого (размах колебаний).
В 1923/24 году.....	22	35	57	17	8	25
„ 1924/25 „	24	19	40	3	1	4
„ 1925/26 (3/4 года) ..	11	9	20	2	2	4

Размах колебаний сельско - хозяйственных цен все это время был гораздо больше, чем промышленных. Последние уже два года колеблются в пределах лишь 4%, т.-е. в пределах, совершенно допустимых и в нормальное время. Государственная власть, напуганная «кризисом сбыта», к которому привела свободная игра интересов на рынке, занялась регулированием промышленных цен и достигла в этом отношении того, что движение их получило достаточно плавный, а не скачкообразный характер, что очень, конечно, важно для ровного и спокойного течения всей экономической жизни. В совершенно ином состоянии продолжают оставаться сельско - хозяйственные цены. Правда, и в этой сфере наблюдается постепенное успокоение: размах колебаний в ценах из года в год становится меньше. Возможно, что в этом успокоении сельско - хозяйственного рынка сыграли свою роль и меры, предпринимаемые государственною властью. Но достигнутые здесь результаты гораздо менее значительны, чем в сфере государственной промышленности. Колебания сельско - хозяйственных цен (особенно, если принять во внимание порайонные колебания, которые я не в состоянии ввести в свое изложение) настолько еще значительны, что говорить о нормальном ходе новых отношений пока не приходится.

Из сказанного следует, что возмущающие хозяйственную жизнь колебания цен идут из сферы частного — точнее, сельского — а не государственного хозяйства. А этими колебаниями и обусловлен ведь более или менее значительный растрво «ножниц».

Я знаю, конечно,, как эмигрантские экономисты и публицисты объясняют колебания сельско - хозяйственных цен. Когда цены падают, то они видят в этом результат ухищрений советской власти, при чем последняя изображается чрезвычайно изобретательной и чуть ли не всемогущей. Когда же цены поднимаются, то это значит, что крестьянство берет вверх над советской властью, которая представляется уже совершенно неумелой и бессильной. Так из года в год и идет. Всемогущей сов. власть становится, но большей частью, к осени, а бессильной — весной..

Не трудно ведь было заметить, что колебания сельско - хозяйственных цен имеют, хотя и не вполне строгую, периодичность. Наиболее высокие цены в 1923/24 г. были в феврале, а в 1924/25 и 1925/26 г. г. — в апреле: наиболее же низкие цены во все эти годы были в октябре. И не трудно было, конечно, понять, что в этих колебаниях сказываются не столько действия советской власти, сколько обычное расхождение осенних цен с весенними. Как известно, в России это расхождение всегда было особенно значительно, что было обусловлено, главным образом, недостатком оборотных средств в крестьянских хозяйствах, которые в массе своей вынуждены были сбывать продукты вслед за сбором урожая). Этим расхождением цен — этими осенне - весенними «ножницами» — город, скупая сельско - хозяйственные продукты, пользовался и раньше, когда никакой национализации не было, когда безраздельно царил частное хозяйство.

Возможно, и даже вероятно, что теперь недостаток в оборотных средствах крестьянскими хозяйствами ощущается еще острее. По этой причине и по целому ряду других (в числе их видную роль должны играть острый недостаток оборотных средств вообще в стране и проистекающая отсюда дороговизна капиталов) расхождение между осенними и весенними ценами, как можно думать, теперь больше, чем это бывало в до-военное время (установить это с достаточною точностью я не имею возможно-

*) Сравнивая теперешние месячные цены со средним за весь 1913 годъ, — а таким именно путем и были установлены те уровни цен, которые указаны были мною выше, — составители индексов по отношению к сельскохозяйственным ценам, несомненно, допускают ошибку. Чтобы установить уровень этих цен, по сравнению с до-военным, нужно, конечно, сравнивать с осенним и т. д., а не со средними годовыми. Если бы сделать такое сопоставление, то, несомненно, разница между осенними и весенними уровнями цен, а стало быть, и растрвами ножниц оказалась бы далеко не столь значительной.

сти). Но кто же решится утверждать, что капиталистическая промышленность, если бы таковая существовала на месте теперешней государственной, не воспользовалась бы этим расхождением? Где же и когда же это видано, чтобы капиталистическое хозяйство не воспользовалось бы «благоприятной конъюнктурой»? И, конечно, оно не стало бы понижать цены на промышленные изделия только потому, что падают цены на сельско - хозяйственные продукты. Напротив, оно воспользовалось бы возможностью еще выше поднять промышленные цены, — а в России, как увидим дальше, оптовые цены, по которым промышленность сбывает свою продукцию, можно было бы, поднять, даже без риска вызвать кризис сбыта. Да и этот риск не остановил бы капиталистов. Разве не бывает, что они «зарываются»?

Кризис сбыта, пережитый в 1923 году, в этом отношении очень поучителен. Да, он вызван был государственным хозяйством (точнее, его органами), но почему? Да потому, что оно попыталось действовать частно-капиталистическими методами. Провозгласив в 1922 году лозунг «социалистического накопления», советская власть предоставила установление цен всецело свободной игре интересов, — интересов отдельных трестов, синдикатов, кооперативов и т. д. Те и поспешили воспользоваться благоприятной для промышленных изделий конъюнктурой. В расчете на эту конъюнктуру, которая к осени, к моменту реализации урожая должна была, по их расчетам, еще улучшиться, все начали скупать промышленные товары и нередко тут же, пользуясь быстрым повышением цен, перепродавать их, в расчете закупить новые партии и тоже с выгодой перепродать их. В этих торговых оборотах, почти не выходявших за пределы производственных и торговых организаций, цены на промышленные изделия быстро, росли, пока не достигли чудовищных и непосильных для потребителей размеров. Многие, быть может, видели, по крайней мере, чувствовали, что такая торговля плохо кончится, но каждый, как это обыкновенно бывает в таких случаях, вероятно, рассчитывал, что он-то успеет выкрутиться, успеет сбывать товары, пока еще продолжается рост цен. Но все успеть, конечно, не могли. Разразился кризис. Это был типичный кризис частно - капиталистического необъединенного хозяйства. И если бы течение дел было предоставлено самому себе, то кризис тоже достиг бы чудовищных размеров и привел бы к длительной депрессии. Кроме краха громадного числа торгующих организаций, он распространился бы, конечно, и на производство, привел бы к приостановке фабрик и заводов. Припомните, с каким злорадством противники советского государственного хозяйства уже предвкушали тогда его крушение. Если этого не произошло, то только потому, что советская власть отказалась от капиталистических методов, вновь объединила раздробленное было хозяйство под одним руководством и взяла в свои

руки регулирование промышленных цен. Кризис таким образом был сравнительно скоро и сравнительно легко ликвидирован. Если страна была избавлена от еще более губительных и длительных потрясений, то благодаря государственным, а не частно - капиталистическим методам хозяйствования.

Да, но при государственном хозяйстве — скажут мне — соотношение сельско - хозяйственных и промышленных цен остается и после того гораздо менее благоприятным для сельского хозяйства, чем было перед войной, в 1913 году, когда в промышленности господствовало капиталистическое хозяйство. Возвращаясь к этому бесспорному и несомненному, как я признал, факту? Я подчеркнул сейчас слова «в 1913 году», так как считаю не лишним остановиться на одном обстоятельстве, на которое, обыкновенно, не обращают внимания. Если сравнивать теперешние цены с ценами 1913 года (а так и поступают все теперешние индексы) то, действительно, уровень промышленных цен окажется значительно выше уровня сельско - хозяйственных и «ножницы» представляется достаточно широко раскрытыми. Существенно иные, однако, получатся результаты, если мы станем сравнивать теперешние цены с ценами не одного только 1913 года, а с довоенными ценами за более длительный период времени и тем более с ценами за какой либо более ранний год. Дело в следующем. Выше я упомянул, что, начиная с половины 90-х годов, на мировом рынке наблюдался рост цен, при чем в частности в России с 1896 по 1913 год они увеличились на 53%. Но в тогдашнем повышательном движении сельско - хозяйственные цены почти все время шли впереди промышленных и с 1896 по 1913 год они повысились на 64%, тогда как промышленные цены увеличились только на 42%. Таким образом, к 1913 году сельско - хозяйственные цены были гораздо более повышены, чем промышленные. Если бы мы теперешние цены сравнили с ценами не 1913, а 1896 года, то оказалось, что уровень тех и других, приблизительно, одинаков и никаких «ножниц» нет. Так, сравнив средние за 1924/25 год цены с ценами 1896 года, мы найдем, что в 1924/25 году были выше:

Сельско - хозяйственные цены	на 175%
Промышленные	« « 173%

Таким образом между теми и другими ценами теперь приблизительно такое же соотношение, какое было в середине 90-х годов прошлого столетия. Отмечая это обстоятельство, я вовсе не хочу, конечно, сказать, что соотношение 1896 года следует считать идеальным или нормальным. Читатели сейчас увидят, что я не считаю таковым даже соотношение 1913 года, гораздо более благоприятное для сельского хозяйства. Я хотел лишь напомнить, что такое же соотношение цен, как теперь, т.е. очень невыгодное для сельского хозяйства, бывало (довольно долго) и раньше, при част-

но - капиталистической промышленности. Почему же теперь это соотношение цен хотят поставить целиком на счет национализации? Только потому, что их видят рядом? Но это — плохая логика...

При каком соотношении цен могла бы теперь безубыточно работать капиталистическая промышленность? Я уже говорил (я мне незачем к этому возвращаться), что при том состоянии народного хозяйства и промышленного оборудования, в каком они вышли из «военного коммунизма», промышленность, в чьих бы руках она ни находилась, неизбежно в первое время давала бы убытки. Никакие цены не помогли бы ей сводить концы с концами, когда размеры платежеспособного спроса на промышленные изделия в стране были так незначительны. Теперь, когда народнохозяйственное колесо уже завертелось и идет почти до-военным ходом, частно - капиталистическая промышленность, вероятно, уже могла бы (хотя и не во всех отраслях) работать безубыточно, но, конечно, не при том соотношении цен, какое было в 1913 году. Для этого хозяйственная жизнь не настолько еще налажена, да и промышленное оборудование далеко еще не обновлено, не доведено до того состояния, в каком оно находилось перед войной. Интересен, однако другой вопрос: при каком соотношении цен частно - капиталистическая промышленность стала бы теперь работать? Работа без убытка ее ведь не удовлетворяла бы, ее задача — работать с возможно большей прибылью. Так, при каком же соотношении цен она стала бы работать теперь, когда платежеспособный спрос на промышленные изделия в стране уже превышает возможное предложение? Выше я сказал и теперь повторю: снижать цены, когда есть возможность поднять их, частно - капиталистическая промышленность не стала бы. Она, конечно, еще подняла бы их в меру возможности. Допустим даже, что издержки производства у нее были бы меньше, чем у гос. промышленности, но ведь аппетит на счет прибыли у частного капитала ничем не ограничен. «Ножницами» он воспользовался бы и еще постарался бы раскрыть их возможно шире, чтобы захватить у деревни возможно больше.

Напомню, что русская капиталистическая промышленность всегда орудовала такими же ножницами», предупредительно приготовленными для нее старой властью. Я сказал, что даже соотношение цен 1913 года, наиболее благоприятное для деревни, я не могу считать нормальным, — и именно потому, что даже в этом году «ножницы», которыми промышленность пополняла свои прибыли за счет доходов сельского хозяйства, были широко раскрыты. Судите сами. Если мы сравним русские оптовые цены 1913 года с иностранными, — ну, хотя бы с английскими ¹⁾, — то окажется, что:

¹⁾ См. «Экономический Бюллетень Кон'юнктурного Института», 1926 г. № 5.

Сель. - хоз. цены у нас были ниже на 30%
Промышлен. « « « « « выше « 56%

Так велика была разница в уровне тех и других цен в России по сравнению с мировыми. Что цены на сельско - хозяйственные продукты у нас были ниже, чем в Англии, это понятно: сбываемая сельско - хозяйственные продукты на мировом рынке, мы должны были доставлять их туда и, стало быть, оплачивать фрахт и услуги посредников. Но за промышленные изделия мы должны были платить более, чем полуторные цены и в тех случаях, когда они изготовлялись в России. Таковы были результаты таможенного покровительства, оказывавшегося промышленности. Таможенные пошлины и позволяли ей держать такие высокие, не только безубыточные, но и прибыльные, цены на свои изделия. Легко себе представить, какие громадные суммы в ее пользу переплачивали таким образом потребители, — в конечном счете, главным образом, сельское хозяйство.

Если русская промышленность в период даже наивысшего своего расцвета существовала и росла в значительной мере за счет доходов сельского хозяйства, то как же можно было ожидать, что после войны, революции и «военного коммунизма», почти разрушенная и совершенно дезорганизованная, она без этой поддержки сразу же встанет на собственные ноги? Только сельское хозяйство, менее разрушенное, как я и указал в самом начале, могло послужить базой для ее восстановления.

Конечно, теперь государственная промышленность могла бы еще снизить цены на свои изделия. Но тогда у нее не было бы прибылей и, стало быть, не было бы возможности роста и развиваться. Чтобы обеспечить ей эту возможность советская власть, несомненно, старается поддержать такое соотношение цен, которое обеспечивало бы промышленности достаточные прибыли и которое для сельского хозяйства, как мы видели, оказывается менее благоприятным, чем соотношение цен в 1913 году.

Можно находить, что прибыли, получаемые промышленностью, чрезмерны, что советская власть недостаточно снизила промышленные цены или слишком сейчас давит на сельско - хозяйственные, что она черезчур форсирует развитие промышленности и задерживает развитие сельского хозяйства... Можно находить наоборот, что следует еще шире раскрыть ножницы, повысив промышленные цены или усилив давление на сельско - хозяйственные, что необходимо еще больше средств перекачивать из сельского хозяйства в промышленность и таким путем еще больше форсировать индустриализацию страны... Можно по этим вопросам спорить, вести борьбу, — и эта борьба там, в России, идет, идет даже внутри коммунистической партии,

Легко, однако, понять, что эти вопросы и эта борьба никакого отношения к национализации промышленности не имеют. Те же самые вопросы встали бы и перед всякой другой властью, которая оказалась бы на месте советской. Та же борьба шла бы и в том случае, если бы на месте государственной промышленности была капиталистическая. Ведь шла же при старом режиме борьба из-за таможенных пошлин, из-за железнодорожных тарифов и т. д., — борьба между сельским хозяйством и промышленностью, борьба между представлявшими их в то время классами.

Утверждать же, что только государственная промышленность посягает на доходы от сельского хозяйства, а что капиталистическая промышленность на ее месте росла бы как то из себя могут только эмигрантские экономисты из числа неофитов буржуазной идеологии. Это — фантазия, которая заслуживала бы даже менее благозвучного названия. Русская промышленность за долгие годы своего существования под руководством капиталистов не доросла до того, чтобы стоять на собственных ногах, без поддержки сельского хозяйства. Может быть, она скорее дорстет до этого теперь, под руководством государственной власти.

VII.

В предыдущей главе я пользовался оптовыми ценами, имея в виду, что по этим именно ценам государственная промышленность сбывает в громадной части свои изделия и приобретает нужное ей сельско - хозяйственное сырье. Но деревня сбывает свои продукты не по оптовым ценам, а по более низким, «продажным» («базарным», «прасольским» или «заготовительным») ценам. С другой стороны, промышленные изделия она покупает тоже не по оптовым, а по более высоким, «розничным» ценам. Эта разница между «продажными» и «оптовыми» ценами, с одной стороны, между «оптовыми» и «розничными» — с другой, теперь, несомненно, больше, чем была до войны.

Сравнительных данных, чтобы судить, насколько теперешняя разница между «продажными» и «оптовыми» ценами больше, до-военной, в нашем распоряжении нет. Но разница между «оптовыми» и «розничными» ценами при помощи индексов может быть установлена с достаточною наглядностью.

На 1-ое сентября 1926 года оптовые цены в России были выше таких же до-военных на 80 проц., а розничные (по общесоюзному индексу Конъюнктурного Института) были выше до-военных розничных на 131%. Таким образом, розничные цены поднялись гораздо больше, чем оптовые. Разница в уровне тех и других цен, по сравнению с до-военным их уровнем, как видно из этих данных, превышает теперь 50%. Это, так называемые

«оптово - розничные ножницы», действие которых ощущает на себе потребитель и особенно деревня.

Раствор этих «ножниц» для промышленных товаров больше, чем для сельско - хозяйственных. Так, на 1 сентября 1926 года разница в уровне сельско - хозяйственных оптовых и розничных цен составляла 42%, а промышленных — 59%.

Советская власть давно уже старается понизить розничные цены и довести их уровень, по крайней мере, до уровня оптовых. С этой целью ею предпринимаются самые разнообразнейшие меры, а время от времени и специальные «кампании по снижению розничных цен». Временами уровень оптовых и розничных цен несколько сближались, но совсем закрыть оптово - розничные «ножницы» за последние годы не удалось ни разу. Опыт показал при этом, что цены на промышленные товары труднее поддаются воздействию, чем цены на сельско - хозяйственные продукты.

Чем объясняется, что розничная наценка на оптовые цены теперь больше, чем в до-военное время, — вопрос очень сложный и с трудом поддающийся изучению, особенно потому, что сведения о составе розничных наценок в до-военное время очень скудны. А состав этих наценок очень сложный. Между оптовым рынком и потребителями стоят ведь транспорт и торговля, услуги которых приходится оплачивать и фиск с его налогами, которые тоже довольно ощутительно сказываются на ценах.

Возможно, что теперь транспортные расходы больше. Правда, железнодорожные тарифы до последних повышений были ниже до-военных (теперь не знаю), но средние пробеги грузов (вероятно вследствие изменений в экономической географии), как показывает статистика, значительно увеличились. Кроме того, в транспортных расходах, помимо железнодорожного тарифа, видную роль играют расходы по нагрузке и выгрузке, по доставке грузов со складов на станции и со станций — в склады и магазины. Как изменились эти расходы мы не знаем... Возможно, далее, что и налоги теперь ложатся большим бременем на цены, чем в до-военное время, — особенно в частной торговле. Но больше всего нареканий вызывает теперешняя торговля, услуги которой обходятся черезчур дорого.

Но и это может объясняться разными причинами. Может быть, увеличились торговые расходы, а может быть, увеличились торговые прибыли. Возможно, конечно, что увеличились и те, и другие. Самые расходы торговли очень разнообразны: могло увеличиться число служащих или их заработная плата, могла уменьшиться их нагрузка (а она теперь, несомненно, очень неравномерна), могли увеличиться расходы по содержанию помещений, могли (и, несомненно, увеличились) расходы по кредиту, проценты по учету векселей и т. д., и т. д. Торговые прибыли могли увеличиться тоже совершенно по разному: мог увеличиться процент,

взимаемый отдельными торговцами в свою пользу, и могло увеличиться количество звеньев или рук, через которые проходят товары и, стало быть, число организаций и лиц, которые начисляют в свою пользу может, даже меньший процент, чем раньше... Возможно и то, и другое, и третье. Сильно дезорганизованный еще во время войны и затем совершенно разрушенный во время «военного коммунизма» торговый аппарат, конечно, недостаточно еще развит и далеко не вполне налажен. Повидимому, не изжита еще и нездоровая торговая психика, унаследованная от времен войны, подпольной торговли и инфляции. Период «первоначального накопления капиталов», который переживает страна после того, как все старые капиталы были проедены, тоже сказывается на психике и особенно лиц, ведущих торговлю, при помощи которой обычно и происходит, главным образом, это «первоначальное накопление». Наконец, самая обстановка, в которой торговля ведет свою работу, за годы войны и революции радикально изменилась, — вплоть до того, что изменилась, как я уже упомянул, экономическая география, что наглядно сказывается в совершенно иных теперь потоках грузов, чем были раньше.

Слово, причин, почему могли удорожиться услуги торговли, имеется очень много. Вопрос — повторю — сложный и далеко еще не изученный. Но противники государственного хозяйства не склонны и вникать в него. Разве какой эффектный «анекдот» попадет им под руку, — ну, тогда, конечно, они пустят его в дело. Помимо же «анекдотов» их, повидимому, не интересует даже то, увеличились ли «зависимые», т.-е. зависимые от самой торговли или хотя бы от государственной власти, торговые расходы, или «независимые», т.-е. объективно неизбежные при данных условиях, в чьих бы руках торговля ни находилась и какая бы государственная власть в стране ни была. Они, обычно, исходят из факта: розничные накладки значительно увеличились по сравнению с до-военными, — ну, стало быть, виновата национализация. Пока ее не было, не было и оптово - розничных накладок, которыми стригут теперь частных потребителей во имя социализма. Словом, логика тут та же, что и по отношению государственной промышленности: *post hoc, ergo propter hoc* — после этого, стало быть, поэтому...

Но в данном случае нет даже *post hoc*.. В действительности, розничные накладки значительно увеличились раньше, чем появилась теперешняя национализация, чем появилась государственная торговля. И связь между ними совершенно иная, прямо обратная: государственная торговля потому и возникла, что торговые накладки черезчур уже совершенно не вмоготу потребителям, увеличились. Чтобы несколько оживить свое изложение и

не очень утомлять читателей цифрами, которые им, вероятно, ужасно надоели, позволю себе освежить в их памяти этот достаточно известный факт при помощи личного воспоминания. Последнее относится к тому времени, когда мне пришлось быть министром продовольствия.

Помню, подготавливался проект государственной росписи доходов и расходов на 1918 год. По министерству продовольствия сметы были уже составлены и общая сумма расхода со всеми местными органами (продовольственными комитетами и управами, уполномоченными и т. д.) была исчислена в 300 мил. руб. Сумма по тем временам чрезвычайно большая, особенно для нового министерства, только что возникшего и, как предполагалось, не успевшего еще развить своей организации и деятельности. Политические противники, конечно, не замедлили воспользоваться этой цифрой для нападок на министерство продовольствия и экономическую политику правительства. Даже один из членов коалиционного Временного Правительства, «министр - капиталист», не постеснялся в очень ответственном всероссийском собрании использовать ее, чтобы намекнуть о затеях «министров - социалистов». Но в действительности эта цифра была не такая уж страшная. По тем же сметам операции министерства продовольствия по снабжению армии и населения в предстоящем году были исчислены в 7 миллиардов руб. Таким образом организационные расходы по этим операциям (не говоря уже об административных функциях, которые выполняло вместе с тем министерство) должны были составить 4% с небольшим.

Около этого же времени министерство приступило к снабжению населения, кроме продовольствия, и некоторыми промышленными изделиями, (в которых ощущалась особенно острая нужда (мануфактурой, металлическими изделиями, сельскохозяйственным инвентарем и т. д.)). Операции начаты были в небольших размерах, но ими намечалась перспектива, что некоторые отрасли торговли могут быть вовсе изъяты из частных рук. Московское купечество чрезвычайно встревожилось и прислало ко мне делегацию во главе с председателем биржевого комитета.

Цифра в 300 мил. оказалась для делегации очень кстати. Глава делегации начал мне доказывать, что операции министерства по снабжению населения обходятся слишком дорого (300 мил.!) что их следует поэтому оставить в руках частной торговли, которая с ними лучше справится (люди, ведь, все знающие, опытные) и, главное, выполнит их несравненно дешевле. От казны ничего она не потребует...

Я согласился с тем, что министерство продовольствия стоит, действительно, очень дорого и опыта в торговых операциях у него очень мало. Если другой аппарат может

лучше и дешевле обслуживать дело снабжения населения, то, конечно, следует предпочесть его. Но я очень сомневаюсь, чтобы частная торговля при данных обстоятельствах удовлетворяла этим условиям, особенно дешевизне, — напротив, я убежден как раз в обратном. И я привел такой факт.

— Вы, конечно, знаете — сказал я делегации, — что еще при старом правительстве вся продукция металлургических и металлических заводов была взята на учет и выпускается на частный рынок только с разрешения правительства по твердым ценам. Мы имеем таким образом полную возможность проследить, сколько берет частная торговля за свои услуги. И вот: мы отпускаем ей в настоящее время гвозди по цене 10 руб. 40 коп. за пуд, а раньше отпускали еще дешевле. Но вы даже в Петербурге ни в одной лавке не получите их дешевле 2 руб. за фунт, т. е. 80 руб. за пуд. Торговая накидка даже в Петербурге достигает чуть не 700%. А в провинции — по имеющимся у нас данным — гвозди продаются уже по 3-4 и даже по 5 руб. за фунт, т. е. с накидкой 1.000 - 2.000%... Признать, что частная торговля работает дешевле, я никак не могу. Казне она, конечно, ничего не стоит, но населению она обходится слишком уж дорого...

Члены делегации не нашли ничего возразить. На этом мы и расстались.

Вот какие бывали розничные накладки до всякой национализации... Это не значит, конечно, что тот розничный торговец, который продавал гвозди потребителям, все эти сотни и тысячи процентов начислял в свою пользу. Часть этой накладки уходила, конечно, на «транспорт» (на покупку вагонов и на всякую «смазку») и еще большая часть расходилась по рукам всяких посредников, перепродавцев и т. д. Около этих самых гвоздей, пока они доходили до потребителя, очень много людей успевали нагреть свои руки... И это не случайное явление, а...

Известный германский деятель Юлиус Гирш, побывавший в Соединенных Штатах и пришедший в восторг от их хозяйственной организации, не мог, однако, не отметить одной ее особенности, которую он никак не решился отнести к достоинствам. «Из имеющих в этой стране едва 115 мил. жителей — ищет он в своей книге — около 20-22% сдавлены в углу, образуемом устьем Гудзона, на участке, составляющем менее 1% всего пространства Соединенных Штатов, в полукруге площадью около 20 миль вокруг статуи Свободы». Чем же заняться сбившемся в такую кучу людям? Торговлей и посредничеством. «В нормальной европейской стране — говорит Гирш — в торговом и банковом деле занят лишь небольшой процент трудящихся — всего 3-5%. В больших городах эта цифра, конечно, выше — в Берлине и Франкфурте на Майне торговлей занят приблизительно один человек из 10, имеющих самостоятельный заработок, а в

Нью-Йорке формально почти один из трех»... А если не формально, если считать кто занят этим не только прямо, но и косвенно, то «вероятно, не менее половины населения Нью-Йорка живет торговлей, посредничеством в товарных и денежных операциях» *). К своей книжке г. Гирш приложил данные исследований департамента земледелия, из которых явствует, что, например, из розничной цены, которую потребитель платит за картофель, американский производитель последнего получает всего лишь 20-30%, а остальные 70-80% поглощают транспорт и торговля. Таких размеров достигают посреднические накладки при развитой частной торговле...

Соединенные Штаты могут позволить себе такую роскошь. При их техническом оборудовании и при их производственной организации они могут иметь такую социальную организацию. Ну, а мы... не доросли до этого. Свыше 80% самостоятельного населения у нас должны еще заниматься сельским хозяйством. На транспорт и торговлю мы можем выделить и просодержать в этих отраслях лишь 3% самостоятельного населения, тогда как в Соединенных Штатах (уже не в Нью-Йорке только, а во всей стране) занято этими профессиями почти 27%...

Можно, конечно, восхищаться тем, какие это знающие и опытные люди — частные торговцы, какие они предприимчивые и рачительные хозяева, как рационально и экономно ведут они свое дело. Но не следует забывать, что в целом то частная торговля — отнюдь не экономная для страны организация.

Вернемся, однако, к теперешним розничным накладам в России. Может быть теперь, при данных обстоятельствах, частная торговля, не в пример 1917 году, работает уже дешевле, чем государственная и кооперативная? Приведенные выше данные о розничных ценах относятся к «вольному», т. е. к частному рынку. Стало быть, и розничные наклады, столь возросли по сравнению с довоенным временем, делаются именно частной торговлей. Уровень розничных цен в государственной и кооперативной торговле значительно ниже. Так, по розничному индексу Конъюнктурного Института розничные цены на 1 сентября 1926 г. в Москве были выше довоенных (в процентах):

	На с.-хоз. товари.	На пром. товари.	Вообще.
на вольном рынке	127	152	141
в кооперативных магазинах	62	93	79

*) Юлиус Гирш. Успехи организации американского хозяйства. Перев. с нем. под ред. И. М. Кулишера. Ленинград. 1926. Стр. 15 и 17.

Так велика разница — отнюдь не в пользу частной торговли — между вольными ценами, с одной стороны, кооперативными (и государственными, которые держатся приблизительно на том же уровне), с другой. Выше мы видели, что оптовые цены на то же число были выше до-военных на 80%; на такой же приблизительно высоте (19%) стояли и розничные кооперативные цены в Москве. Таким образом оптово — розничных «ножниц» в московской кооперативной торговле, в сущности, нет, ими орудует здесь только частная торговля.

К сожалению, аналогичных данных — достаточно однородных и систематизированных — для всей России мы не имеем. Имеющиеся же данные по другим местностям о ценах в частной, кооперативной и государственной розничной торговле слишком разнообразны, отрывочны, не систематичны, но все они не оставляют сомнения, что и в провинции кооперативные и государственные цены ниже частных. Повидимому, разница эта там меньше, чем в Москве, — кооперативный аппарат там меньше налажен. Возможно поэтому, что оптово - розничные ножницы имеются и в кооперативной провинциальной торговле, но расщепление их, несомненно гораздо меньше, чем в частной.

Таким образом говорить о преимуществах частной торговли перед государственной и кооперативной, с точки зрения цен, ни в коем случае нельзя. Частная торговля держит розничные цены значительно выше и стрижет потребителей гораздо сильнее... Я знаю, что говорят ее сторонники, когда их ставят лицом к лицу с этим фактом. Они немедленно заводят речь об усиленных налогах, какие большевики взимают с частной торговли, о стеснениях, какие они чинят ей в кредите и транспорте, о том, как трудно ей доставать товары, каких усилий и издержек это ей стоит... Естественно, что и цены она берет выше, чем кооперативная или государственная торговля, которые пользуются всякими преимуществами и льготами. Да, это естественно. Но естественно и еще кое-что, на что тоже следует обратить внимание.

Выше я отметил, что уровень розничных цен на промышленные товары стоит выше и труднее поддается воздействию, чем уровень розничных цен на сельско - хозяйственные продукты. Легко понять, отчего это происходит. Уже с весны 1924 г., как только был ликвидирован кризис сбыта, снижены промышленные цены, и введена твердая валюта, в стране почувствовался недостаток промышленных товаров. И чем дальше, тем он ощущался сильнее, не смотря на чрезвычайно быстрый рост промышленной продукции. Платежеспособный спрос на промышленные товары, явно превышал имевшееся и возможное предложение.

При частно - капиталистическом строе, как я уже говорил, этой благоприятной конъюнктурой воспользовалась бы, прежде всего промышленность, увеличив оптовые цены на свои изде-

лия. Но государственная промышленность не идет на это, советская власть не позволяет ей поднимать цены, поскольку это не вызывается ростом издержек производства. Вот этой то благоприятной и неиспользованной конъюнктурой и пользуется торговля, чтобы поднимать розничные цены. Соблазн увеличить свои прибыли так велик, что от него не может удержаться и кооперативная торговля, даже государственная. Но на них советская власть имеет возможность воздействовать, она то и дело их одергивает. Ну, а частную торговлю одернуть трудно...

Что чрезвычайно высокие розничные цены на промышленные изделия в значительной мере объясняются благоприятной конъюнктурой — благоприятной, конечно, для торговли, а не для потребителей — это подтверждается тем, что вздорожали сильнее всего так называемые «недостаточные» товары, т. е. те, в которых ощущается совершенно очевидный и острый недостаток. Так, на 1 сентября 1926 г. частные розничные цены вообще на промышленные товары были выше довоенных, как мы видели, на 163%, а на мануфактуру они были выше на 220%, на посуду (в Москве) — на 235%, на писчебумажные товары — на 254%, на галантерею — на 269%.

На это могут сказать, что и добывать частной торговле «недостаточные» товары приходится с большим трудом и большими издержками. Да! возможно, что ее прибыли, не смотря на высокие цены, не очень значительны. Их успевают у нее урезать и экспортировать. Но представьте себе, что никаких стеснений и ограниченный для частной торговли не было бы. Цены от этого, конечно, не понизились бы — они ведь определяются соотношением спроса и предложения — и только прибыли частной торговли увеличились бы. Конъюнктура для нее очень уж благоприятная.

Кстати об этой конъюнктуре. Если бы в торговле и промышленности царил сейчас частное хозяйство, то переживаемый Россией период считался бы одним из самых блестящих. Подумайте только: фабрика и заводы могут работать во всю, не опасаясь никакой задержки в сбыте. Товары рвут прямо из рук, — и цены не трудно было бы поднять еще выше. Платежеспособный спрос ведь превышает предложение. А это частно-капиталистическому хозяйству только и нужно. Не думать же, в самом деле, что от этой блестящей конъюнктуры в конце концов, может быть, потерпит мужик».

Соблазн воспользоваться этой конъюнктурой — повторяю — так велик, что он проник даже в коммунистическую партию. На это ведь и стоит оппозиция. Что мы за дураки, в самом деле, что сдерживаем промышленные цены! Этим пользуются частный торговец и мужик и копят против нас же силу. Лучше подыдем сами эти цены, пользуясь превышением спроса над предложением

нием, и увеличим таким путем прибыли государственной промышленности. Это даст возможность скорее индустриализировать страну и расширить государственное хозяйство. Так ведь рассуждает «оппозиция».

Партия, еще не забывшая опыта 1923 г. и с опаской поглядывающая на крестьянство, пока не идет на то, чтобы воспользоваться в государственном хозяйстве частно - капиталистическими методами. Но — кто знает? — может быть, еще и соблазнится.

Ну, а если бы на месте государственного хозяйства было частное, то оно, конечно, ни одной минуты не задумалось бы. Благоприятная конъюнктура была бы им полностью использована.

Противники государственного хозяйства утверждают, что эта конъюнктура намеренно создана и поддерживается советскою властью, которая пользуется недостатком промышленных изделий в стране, чтобы держать высокие цены на них, без чего государственная промышленность погибла бы. Возстановить равновесие между спросом и предложением и понизить таким образом цены на промышленные изделия совсем ведь не трудно: нужно только открыть границы, допустить свободный импорт иностранных товаров, отказаться от монополии внешней торговли...

Да, сделать это легко и для мужика — данного мужика — это было бы, пожалуй, всего лучше: невыгодное для него соотносилось бы в его пользу. Но это, конечно, было бы гибелью не только для государственной, но и вообще для русской промышленности.

Я понимаю, что можно встать на эту узко - крестьянскую точку зрения и сказать к черту всякую индустриализацию! Останемся сельскохозяйственной страной, будем тратить все средства на улучшение земледелия, а промышленные изделия будем получать из-за границы. Нам придется, конечно, оплачивать фрахт и услуги посредников по сбыту своих изделий и импорту чужих, придется платить и дивиденды иноземным фабрикантам и заводчикам, но это все-таки легче, чем создавать собственную индустрию. Останемся лучше сельскохозяйственной колонией!

Можно — повторяю — стоять на этой точке зрения. Но что никто не решается занять эту позицию. Не стоят на ней и противники теперешнего государственного хозяйства, — они вовсе не отказываются от индустриализации, от русской промышленности. Они хотели бы только, чтобы погибла промышленность государственная.

И за крестьянскими интересами, на которые они ссылаются, — не трудно видеть, — прячется частно - капиталистическое хозяйство, от которого крестьянским интересам, как мы по опыту знаем, не поздоровится.

VIII.

Моя статья разрослась и, главное, слишком уже на долгое время растянулась. Чувствую, что пора поставить точку, хотя и следовало бы сказать еще о многом.

Надеюсь, читатели убедились — конечно, те, которые могут убедиться, — что состояние национализированных областей русского народного хозяйства отнюдь не является таким плачевным, каким принято изображать его в эмигрантской печати. Его нельзя, конечно, назвать блестящим. Но успехи теперешнего государственного хозяйства, если принять во внимание исключительно неблагоприятные условия, в которых оно начало функционировать, следует признать прямо поразительными. С задачей восстановления совершенной дезорганизованной народно-хозяйственной жизни, оно справилось и справляется, — справилось и справляется гораздо лучше, чем могло бы справиться при данных условиях частное хозяйство. Без поддержки одних отраслей народного хозяйства другими дело, конечно, не обошлось и не обходится, но связанные с этим жертвы одних групп населения в пользу других все-таки меньше, чем они были-бы при капитализме. Идея национализации, даже в большевицких руках, блестяще себя оправдала.

Я сказал: читатели, которые могут убедиться.... Возможно, что таких найдется среди эмигрантовъ немного. Я знаю, что большевицкая национализация, независимо даже от ее результатов, вызывает резко отрицательное к себе отношение в самых разнообразных эмигрантских кругах. Ее считают одним из самых ужасных проявлений большевицкого режима, — пожалуй столь же ужасным, как диктатура. Для многих национализация даже ужаснее диктатуры.

Буржуазные круги ведь принципиально, даже морально не могут примириться с нею. Национализация представляется им просто-на-просто грабежом, — преступлением, противным всем божеским и человеческим законам. Помимо этих принципиальных убеждений, усвоенных, можно сказать, с молоком матери, в отношениях буржуазных кругов к национализации, несомненно, не малую роль играет то обстоятельство, что именно она больше всего ударила по их классовым интересам. Разбереженное таким образом классовое чувство, на которое в конечном счете опираются и принципиальные убеждения, у многих обостряются еще личными обидами, какие пришлось пережить, и теми более или менее тяжелыми лишениями, какие теперь приходится переносить, благодаря все той же национализации.

Отнестись с достаточною объективностью без предубеждения к последней мешает и то обстоятельство, что многие в своих представлениях, а главное, в своих чувствах никак не могут противопо-

ставить теперешнее государственное хозяйство тому, какое имело место при «военном коммунизме», — не могут не только противопоставить, но и отделить одно от другого. Оба для них сливаются, тем более, что вели прежнее и ведут теперешнее все те же большевики. Многие из эмигрантов во-очию видели «военный коммунизм» и теперешнее хозяйство в их представлениях является лишь модернизированным его продолжением. Они возненавидели «военный коммунизм», и эту ненависть распространяют на теперешнюю национализацию.

Но больше всего всмотреться в русскую действительность мешает, конечно, ненависть к самим большевикам, та атмосфера гражданской войны, которая продолжает туманить взоры. Национализация — это вражеская затая, большевицкие окопы, может быть, даже цитадель, ну и, конечно, по ней нужно бить изо всей силы...

При таком отношении к национализации, конечно, не трудно убедить себя и других, что она ужасна. Статистика и бухгалтерия, если они говорят иное, если из них нельзя выудить какой-либо компрометирующей цифры, просто-на-просто отбрасываются, как большевицкие подделки. Отбрасываются и самые серьезные исследования, — под тем предлогом, что они произведены по большевицкому заказу или в угоду большевикам. Но за то «анекдоты», как их назвала Е. Д. Кускова, — те отдельные факты, которые компрометируют советскую статистику или говорят о хищениях, растратах, всяческих упущениях и неленицах в советском хозяйстве — в той же большевицкой печати воспринимаются с особою доверчивостью, собираются в копилку и при каждом подходящем и неподходящем случае пускаются в ход. Находить эти анекдоты тем легче, что в советской печати, при ее обличительном и ударном характере, они печатаются не петитом, как полицейская и судебная хроника в буржуазных газетах, а крупным шрифтом, под широкоформатными заголовками, как сенсации (и нередко с такими же прикрасами и преувеличениями).

Как то в дружеской беседе с знакомыми я, пользуясь такими же «анекдотами» из французской жизни (почерпнутыми при том лишь из эмигрантских газет, которые уделяет ей очень немного внимания), оказался в состоянии изобразить эту жизнь в самом ужасном виде. Подумайте только: «воруют даже крыши» («Дни», 6 августа), — не в России, а в самом Париже. А какая безхозяйст-

*) Вот и в данном случае всем цифровым данным, приведенным мною, Н. С. Тимашев — повидимому, довольно плохо разбирающийся в статистике, — тоже поспешил противопоставить «анекдот», который оказался уже достаточным для вывода, что «парадоксальное учение А. В. Пешехонова о сравнительных достоинствах национализированной промышленности» является «теорией, не оправдываемой фактами» («Теория и действительность», «Руль», 19 октября).

венность, какая административная нелепица. Припомните хотя бы историю с «двумя блюдами». Разрешив рестораторам помещать в меню только одно блюдо из потрохов, администрация создала кризис с потрохами, привела к тому, что последние не находили сбыта на центральных рынках и стали просто-на-просто уничтожаться» («Дни», 16 сентября). Или, вот, совсем недавно: письмо из Тулона шло до Парижа 11 лет! Какой бюрократизм, какая волокита! А убийства... Ведь нет номера газет, который не приносил бы каких нибудь ужасов. А разврат! Разве трудно доказать, что Париж представляет из себя сплошной публичный дом? Разве не изображен в таком виде «современный Вавилон»?

По этому методу не трудно изобразить и национализацию в самом ужасном виде, — тем более, что при общественном хозяйстве всякие упущения, хищения, растраты гораздо чаще делаются достоянием гласности, чем при частном хозяйстве. Бывало, купец набьет морду прикащику или прогонит его, — и этим все кончится. А разве сами хозяева не делали упущений, не проматывали своего хозяйства, не раззорялись? Но кому же какое дело было до этого? Ну, а в общественном хозяйстве всякий такой случай берется на учет и ставится в вину не отдельным лицам, а всей системе, даже принципу...

Предубежденное отношение к советскому хозяйству основано, главным образом, на ненависти к большевикам, дает себя знать не только в буржуазных, но и в социалистических кругах. Кроме чувств, уцелевших от гражданской войны, и здесь имеются принципиальные предубеждения. К теперешней национализации прикидывают социалистическую меру и без труда констатируют, что она не подходит. Ну, если так, то лучше уже откровенный капитализм...

На этом предубеждении мне хотелось бы и следовало бы подробнее остановиться. Не имѣя возможности сейчас это сделать, я отмечу лишь наиболее существенное, не аргументируя своих положений.

Конечно, национализация — не социализм. Но на пути к нему это — один из очень важных форпостов. Попытка большевиков сразу же осуществить социализм, окончившаяся так печально, многому должна научить нас. Самое понимание социализма и представления о путях к нему должны измениться.

И прежде всего должны отпасть надежды, что где то, на каком-то пункте можно будет сразу из капитализма перепрыгнуть в социализм, что капитализм в недрах своих подготовит социалистическое общество. Нет, не подготовит. Может быть, он в состоянии подготовить технику, но не может подготовить человеческой психики. И большевики не на технике потерпели крах, а на психологии. Они попробовали передать фабрики и заводы в руки рабочих — и что же получилось? Не нашли они никакой опоры для социализма и в психике служащих, техников и специалистов. Государственное хо-

зьяство тем и важно, прежде всего, что оно дает возможность воспитывать человеческую психику в нужном для социализма духе. Нужно, чтобы служащие и рабочие начали смотреть на хозяйственную деятельность не с точки зрения личных своих или каких либо частных интересов, а с точки зрения всего общества, чтобы рабочие, в частности, думали не только об улучшении своего материального положения, но и об успехах производства. Государственное хозяйство и дает возможность воспитывать психику служащих и рабочих в этом направлении. Конечно, сразу перевернуть ее оно не могло и не перевернуло. Но можно и нужно с полным сочувствием относиться к усилиям, которые делаются в этом направлении.

Самое понимание социализма — сказал я — должно измениться. Да, мы раньше думали, что все дело в том лишь, чтобы «экспроприровать экспроприаторов», чтобы сделать средства и орудия производства общественной собственностью. Большевики экспроприовали экспроприаторов и сделали общественной собственностью не только средства производства, но и предметы домашнего обихода и личного потребления. В результате получился ужас. Но затем опытным путем они пошли на другую дорогу и мы начинаем понимать, что центр тяжести вопроса не в *собственности*, а в *управлении народным хозяйством*. И путь к социализму — это плановое, регулируемое хозяйство. Только таким путем, в частности, можно привести к социализму массу мелких трудовых хозяйств. А государственное хозяйство и дает возможность государственной власти такого планового воздействия на всю народно-хозяйственную жизнь. Большевикам приходится идти по этому пути ощупью, но все, что ими нащупано уже на этом пути и будет пройдено — казалось бы, должно вызывать только сочувствие.

Даже не с социалистической только точки зрения, но и с национально-государственной. На путь планового хозяйства пытаются ведь выбраться и капиталистический мир. И теперь уже несомненно, что по этому пути пойдет хозяйственная жизнь человечества. Пусть национализация и плановое хозяйство большевиков не приведут нас прямым путем к социализму, но они могут во всяком случае помочь России перейти к высшим формам капитализма, не возвращаясь к тому «классическому», даже «чумазому» капитализму, к которому хотели бы вернуть ее эмигрантские экономисты и который, явно для всех, уже отжил свой век.

И еще одно. Произведенная большевиками национализация, как никак, ослабила силу имущих классов и возможность сопротивления с их стороны народно-хозяйственной политике в интересах трудовых масс. С точки зрения представляющих эти интересы партий уже поэтому не безразлично, сохранится ли в России государственное хозяйство или уступит место частному.

А между тем многие социалисты вместе с буржуазными кругами вопят о денационализации, добиваясь распродажи национальных имуществ. При этом голоса тех и других сливаются в один, совершенно противоестественный хор. И вдобавок ко всему находятся еще гермафродиты - экономисты и публицисты, которые ведут в эмиграции агитацию против национализации одновременно и во имя капитализма и во имя социализма, пользуясь доводами и от того и от другого.

Мне кажется этому противоестественному общественному состоянию эмиграции должен быть положен конец. Некоторые вопросы — и в числе их вопрос о национализации — должны быть поставлены ясно и определенно, — не только с точки зрения отношений к большевикам, но и по существу. Это я и попытался сделать в своей статье.

В начале статьи я сделал, можно сказать, вызов эмигрантским экономистам, назвал даже двух по фамилиям, г. г. Загорского и Маркова. Они сильно взволновались и даже как будто обидлись, что я назвал их эмигрантскими экономистами. Но вызов все-таки приняли. Тот и другой, возражая мне, напечатали уже по несколько фельетонов в обслуживаемых ими газетах, а кроме того сообща устроили публичное собрание в Париже, на котором оба выступили с докладами, но прения на котором за поздним временем не могли состояться. Это собрание было объявлено под лозунгом «ответ Пешехонову», а газетные отчеты о нем печатались под заголовком «Против Пешехонова». Но, как видно из этих отчетов, моих доводов на собрании мои оппоненты не разбирали и не опровергали. Они предпочли свои взгляды изложить совершенно самостоятельно.

Но и в фельетонах, каких либо возражений мне, которые я не предусмотрел бы в своей статье, я не нашел. Повторять свои доводы мне, конечно, незачем и возражать оппонентам по существу я не буду. Но в их писаниях я нашел много lamentаций по поводу приемов, которыми я пользовался, — и на этот счет скажу несколько слов.

Прежде всего, конечно, обычный при моих выступлениях упрек, что я пользуюсь *советскими* статистическими и бухгалтерскими данными, пользуюсь без всякой критики... Других статистических и бухгалтерских данных, кроме советских, по интересующему нас вопросу нет и не может быть. Мои оппоненты тоже все время ими пользуются. А что касается критики.. то в качестве «опытного статистика» (аттестация, данная мне г. Загорским) в цифрах я умею достаточно хорошо разбираться и, пользуясь ими, как оружием в статьях, которые при данной обстановке неизменно получают боевой характер, конечно, хорошо в них всма-

триваюсь: как бы не изменили они мне, как бы не подвели в предстоящей схватке. Только с этой своей критикой не лезу к читателям: скучная это для них вещь разбираться во множестве плохо согласованных друг с другом цифр, а в публицистических статьях — и совершенно не уместная. Но я могу, конечно, ошибиться, и я ждал, что мои оппоненты противопоставят моим цифрам другие, более достоверные. Но, нет, не противопоставили, они сами теми же цифрами пользуются...

Впрочем, г. Загорский сделал попытку противопоставить моей цифре валовой продукции мелкой и кустарной промышленности он противопоставил другую: у меня на ее долю приходится 20% всей промышленной продукции, а у него 40%, вдвое больше. Свою цифру он записывал из статьи Гинзбурга в «Экономическом Обзрении». Я не знаю, почему г. Загорский верит Гинзбургу и, ссылаясь на него, утверждает, что я «слепо доверяю наиболее надежному источнику». Статья Гинзбурга мне, конечно, была известна (кто же из экономистов, следящих за русской жизнью, не просматривает «Экономического Обозрения»?). Но у Гинзбурга стоят две цифры рядом: и та, которую я воспользовался, и та, которая так понравилась г. Загорскому. Я, конечно, обратился к первоисточнику, каковым для обеих цифр оказалось ЦСУ. Оказалось, что резкая разница между двумя цифрами объясняется тем, что в большей (та, которая нравится г. Загорскому) в промышленную продукцию засчитан крестьянский хлеб, привозимый ими для перемолы на мелкие мельницы. Такого хлеба насчитывается больше, чем на миллиард рублей. Само ЦСУ находит, что «продукция мелких мельниц, представляющая весьма примитивную переработку, перемол крестьянского зерна, идущего в потребление самих же крестьян, весьма лишь условно может быть зачислен в состав промышленной продукции» *). Поэтому оно считает более правильным при сопоставлении брать продукцию мелкой промышленности «без сырья заказчиков». Я так и сделал. Ну, а г. Загорский, просто взяв цифру, которая ему понравилась, и, повидимому, даже не заметил, что к промышленной продукции он отнес хлеб, производимый и съедаемый крестьянами. В этом, обычно, и состоит «критика» эмигрантских экономистов: они отвергают цифры, которые для них не подходят, и усердно пользуются теми, которые им нравятся. И г. Загорский не раз уже своей цифрой пользовался, — и раньше, и позже (в Парижском собрании).

И другие неправильные приемы находят у меня мои уважаемые оппоненты. Г. Марков, например, очень негодует, что «из явления второго порядка Пешехонов обычно берет какую-нибудь одну часть, совершенно игнорируя другие и делает выводы, кото-

*) «Баланс народного хозяйства Союза СССР 1923/24» Стр. 174.

рые, однако, относятся к изучаемому явлению во всей его совокупности. Так, например, А. Пешехонов, рассуждая о прибылях советской промышленности и приходя к благополучным выводам, совершенно не касается вопроса о том, откуда и как берется эта прибыль *)). Читатели видели, что я, действительно, шел шаг за шагом, разлагая и анализируя сложное явление по частям. Но — это ведь обычный прием научного анализа. А г. Марков, повидимому, полагает, что сложное явление нужно брать целиком и к этому сложному явлению прицутать еще несколько сложных, — тогда, действительно, никто ничего не разберет. Что касается выводов относительно всего явления, то я их дал только в самом конце статьи. Заканчивая же вторую часть статьи я предупредил г. Маркова (его именно и имел в виду), что о «природе прибылей» промышленности, как он выражается, я еще буду говорить. Но он не дождался и поспешил пред'явить свои возражения, — пока было что пред'явить.

Негодует г. Марков и по поводу того, что я говорю о государственной промышленности «вообще». А он, видите ли, знает такие «частности», что некоторые отрасли промышленности не восстановлены еще и на половину своих довоенных размеров. Знаю эти частности и я, но знаю и другие; некоторые отрасли (например, электротехническая или электрическая) увеличила свою продукцию в несколько раз против до-военных размеров. В этих частностях можно идти и дальше; можно найти совсем оставившиеся заводы, но можно найти и совершенно новые, только что построенные. Играя частностями, в конце концов «анекдотами» можно указывать, что угодно и без конца спорить. Но ведь не о частностях стоит вопрос, а именно вообще о промышленности.

Негодует г. Марков и по поводу того, что вместо всяких доказательств, говоря об одном из фактов нашей прошлой экономики, я отделался в одном месте «стихами». Г. Марков, повидимому, не знает, что даже в суде можно ссылаться на общеизвестные факты, не приводя свидетельских доказательств и документальных данных, что даже в суде можно цитировать классиков характеризуя типы. Но, может быть, г. Марков хочет сказать, что Некрасов неправду сказал, что капиталистическое хозяйство не получало «субсидий», не добивалось «гарантий»? Нет, от этого, конечно, не скажет, не решится сказать. И мне, чтобы напомнить, об этом, было вполне достаточно стихов Некрасова....

Недоволен и г. Загорский. Он, видите-ли, находит, что я ничего не сказал о роли мировой революции в политике большевиков, в их «военном коммунизме». Кое-что я сказал: «им казалось, — писал я — что началась «мировая социальная революция»; рождение нового человеческого общества, — и они не усом-

*) «Дни», 31 октября.

нились взять на себя роль «акушера»... Не смущали их потоки крови, которые полились при этом, как не смущается кровью акушер, когда он считает необходимым хирургическое вмешательство». Я отметил, что сами большевики объясняют происхождение «военного коммунизма» иначе. «Не будем — писал я — спорить»... Не будем спорить потому, что прямого отношения к моей теме этого не имело: я ведь писал не о военном коммунизме»... Г. Загорский в виде возражений мне счел необходимым восполнить этот не относящийся к делу пробел и написал целый фельетон на эту тему. Но я не нахожу, чтобы он сказал много больше в нем, чем я в нескольких строках...

Многими и другими моими приемами недовольны г. г. Загорский и Марков... Их, повидному, не столько интересовало опровергнуть мои соображения и доводы, сколько скомпрометировать мои приемы. И кое-чего они таким способом могут достигнуть.

А. Пешехонов

Р. С. Исправляю замеченные мною цифровые опечатки в первой части статьи, напечатанной в VIII-IX книжке.

На стр. 157 (143 строки) напечатано: 34,4%, нужно 37,7%; на стр. 158 (12-я строка снизу) напечатано 113,3, нужно 213,3; на стр. 160 (11 строка снизу) напечатано: 2646 и 61, а нужно 8562 и 68; на стр. 162 (8 строка сверху) напечатано: 1245,4, а нужно 1275,4.

Ответ А. В. Пешехонову

Статья А. В. Пешехонова под общим заглавием «Опыт национализации» вызвала большой шум в эмигрантской печати. Не только экономисты, которым автор бросил вызов, но и публицисты зарубежных газет, вопросами экономики специально не занимающиеся, бурно скрестили с ним шпаги. Объясняется это, конечно, тем, что в важнейшем вопросе, для многих определяющем отношении к советскому строю, А. В. Пешехонов «взял быка за рога» и сформулировал точку зрения, резко противоречащую взглядам, господствующим даже в передовой части эмиграции.

Редакция «Воли России», далеко не согласная с рядом существеннейших положений заслуженного писателя, с самого начала считала, однако, полезным помещение его статей, — результаты показали, что она в этом отношении не ошиблась. Инерция мысли явление чрезвычайно вредное, оно, к сожалению, особенно свойственно среде политического беженства, отрезанного от жизни, на все смотрящего сквозь призму своих старых идей и склонного, как писал когда-то Герцен, «вживаться больше в фантастический замкнутый круг, состоящий из косных воспоминаний и несбыточных надежд». Для преодоления этой инерции самые сильные средства не опасны, опасность таится лишь в ее сохранении. В самом деле, не приходится скрывать того, что в идеологическом обиходе эмиграции имеют обращение — на подобие ходячих монет ленинизма в большевистском мире — ходячие монеты известных «истин», рассматриваемых, как аксиомы, в доказательствах не нуждающиеся.

А. В. Пешехонов решительно некоторые из таких «истин» оспаривает с фактами и цифрами в руках, и оспаривает в талантливой форме. Он тем самым поставил их под сомнение, вызвал необходимость в критической их проверке, аргументировании, в приведении других фактов и цифр. Этим уже сделан известный шаг вперед в смысле более серьезного и вдумчивого подхода к оценке чрезвычайно сложной советской действительности, о которой слишком часто судят поверхностно и трафаретно.

А. В. Пешехонов стремился главным образом выявить фальшивость двух наиболее распространенных ходячих монет антибольшевизма. Это, с одной стороны, огульное отрицание советской национализации (вернее государственного капитализма), изображаемой, как потерпевшей полный и абсолютный крах, а с другой, безграничная вера в всепасающую силу частного капитализма, чуть ли не владеющего каким-то чудесным талисманом, упраздняющим перед ним все трудности. Громадное большинство русских зарубежных публицистов и политиков ведет без конца, часто без повода, самые жестокие атаки против советской национализации. При этом падающие проявляют такое усердие, что условия, в которых эта самая национализация проводится, методы, которыми она осуществляется, своеобразные цели, определяемые большевистской политикой, которые ей ставятся, отходят на второй план, и уже самый принцип ее выступает в их критике, как сугубо - вредоносный, несовместимый с новым священным догматом эмигрантской скрижали заветов — экономической целесообразностью. Политический момент ступенькается перед экономическим в противоположность тому, что имеет место в нынешней российской действительности и национализация как бы покрывает своей тенью самое диктатуру. Вернее, диктатура предается анафеме, главным образом, поскольку с ней связано существование национализированной промышленности, а наличие диктаторского режима нередко даже в левых кругах изображается, как основное необходимое для нее политическое условие. Диктатура нужна для национализации и ею определяется, — без первого немислимо было бы и второе, и без второго не нужно было бы первое, — такую теорию некоторые из виднейших представителей прогрессивного крыла эмиграции защищают открыто на страницах прессы. Отсюда до вывода, что широкая и полная денационализация промышленности обеспечит в России пышный расцвет демократических свобод — один шаг.

Нападки на национализацию в печати эмигрантской тем беспощаднее, чем пламеннее вера их авторов в чудодейственную изрядительную мощь частного капитализма, при всех обстоятельствах якобы способного превращать песчаные пустыни в фресковые цветущие сады. А вера эта пламенна, именно ею определяется огульное — порой доходящее до ненависти — отрицание национализаторских мероприятий большевиков.

Не приходится удивляться тому, что «религия капитала» находит многочисленных сторонников среди остатков прежних русских буржуазных партий и осколков ранее господствовавших в России социальных групп, выброшенных волной революции за рубеж. Им и сам Бог велел. К тому же неудачи и провалы большевистских опытов в России дают им новые аргументы для защиты своей буржуазной идеологии. Но эмигрантская социалистическая

интеллигенция всех оттенков в значительной части своей, если не в большинстве, превратившаяся фактически в апологета капитализма и ломающая копья за капиталистическую реставрацию в России? Тут уж мы, несомненно, имеем дело с влиянием не классовых, а психологических причин.

Нам уже приходилось писать в другом месте, что «воззрение по которому только неограниченный капитализм может восстановить разрушенное хозяйство и обеспечить его прогресс, столь высоко ценящее прогрессивно - творческую способность частного капитала, проникло в социалистические ряды в результате умственной смуты, вызванной войной и большевизмом. Это отголосок старого и достаточно таки дряхлого манчестерского либерализма, которому социалистическая критика и факты жизни нанесли, казалось, непоправимые удары*»).

И когда нынешние левые барды частного предпринимательства, разоблачая темные, отрицательные стороны советской национализации, противопоставляют ей классический капитализм и лирически воспевают неисчислимыя блага для страны, которые яко бы таятся в складках его мантии, то они просто забывают оглянуться хотя бы на недавнее прошлое своей родины. Они не хотят также видеть и того, что делается вокруг них в Европе, где в другой обстановке, в сочетании иных условий, экономический индивидуализм на почве, истощенной войной, все более становится препятствием для движения вперед, вызывая тяжелые, болезненные процессы, то в той, то в другой части общественного организма.

Против апологетов частного капитализма А. В. Пешехонов выступает с защитой «дорогого ему принципа национализации». Первые строили свою апологию от противного, доказывая вредность, реакционность, противоречие с экономической целесообразностью большевистской госпромышленности, основанной на национализаторских началах, А. В. Пешехонов, чтобы отстоять «свой принцип», принимает бой на почве, выбранной его противниками, опровергает все их доказательства и дает абсолютно противоположную характеристику той же госпромышленности.

Если для ея хулителей «опыт национализации», проделанный большевиками, привел к результатам, губительным для хозяйственного и культурного развития России и неопровержимо свидетельствует о необходимости в интересах страны скорейшего восстановления неограниченного частного хозяйства, то А. В. Пешехонов держится на этот счет как раз обратного мнения. Он со всей энергией убеждает читателя в том, что «опыт» полностью се-

*) Е. Сталинский «Пути революции».

бя оправдал и этим стремится нанести сокрушительный удар «неофитам буржуазной идеологии». Здесь и не в чем либо вном пафосе автора и напрасно хранители эмигрантского «древляго благочестия» усмотрели в его статьях какое-то косвенное восхваление большевизма. А. В. Пешехонов сражается лишь за свой принцип, большевиков же он в данном случае игнорирует.

Он совершает, однако, на наш взгляд ту же методологическую ошибку, что и его противники. Те в своих нападках на советскую национализацию, как мы уже указали выше, не пытаются выяснять, как отражается на ней и ее результатах политический факт — большевистская диктатура. А. В. Пешехонов в своей защите «принципа» применяет в сущности, тот же метод. Он применяет его еще абсолютнее, совершенно игнорируя политику и строго держась области чистой экономики. Даже в тех случаях, когда автор признает дефекты госпромышленности, они объясняются им только экономическими причинами. Это, конечно, неправильный путь. Так отделять политику от экономики в Советской России, где политика господствует над всем и вся, и все собой определяет, можно лишь искусственно и с большим ущербом для ясности анализа.

Ведь, та же госпромышленность, из за которой загорелся сыр-бор, отнюдь не является чем то самодовлеющим. Она создана и создается большевиками, как часть общего плана нэпа, продиктованного особенными соображениями, вытекающими из мировоззрения большевизма, и связанного с интересами сохранения диктаторской власти. Нэпом определены формы госпромышленности, методы, которыми она строится, и в значительной мере и та общая хозяйственная обстановка, в которой она работает. А нэп не только экономика, но и политика, ибо диктатура в системе нэпа занимает центральное место, ибо сама направляющая идея его часто политическая. Мы понимаем А. В. Пешехонова. Он не желал усложнять вопроса, а наоборот, стремился к его наиболее простому упрощению. Его усилия были направлены на то, чтобы разбить именно те доводы, которые обычно выдвигаются против советской национализации. К этой цели он шел прямо, избегая обходных дорожек. Но это и определило весь характер его аргументации. В своем рвении защитить принцип, дорогой не только для него, но и для всякого последовательного социалиста, А. В. Пешехонов шел шаг за шагом за своими противниками, не сворачивая в сторону, и пришел таким образом к утверждению, что даже в большевистских руках принцип национализации блестяще себя оправдал. Вывод эффектный, принцип, как будто, сугубо подкрепляющий.

Однако, на наш взгляд, такой метод защиты, при всей его соблазнительности, сопряжен с большим риском и может дать серьезные козыри в руки апологетов частного капитализма. Не

нормальные условия большевистского строя влияют, конечно, и очень сильно на принцип и опыт его применения. Противное было бы явлением, относящимся к порядку чудес.

Мы думаем поэтому, что правильная защита заключается не в том, чтобы доказывать полный успех «опыта» — это, увы, задача неблагодарная, а, наоборот, в попытке выяснить, в какой мере отрицательные или недостаточно положительные результаты его вызваны влиянием указанных причин. Таким образом вернее был бы защищен и самый принцип, выиграла бы и объективная истина, — Богу было бы отдано богово, а кесарю — кесарево. А. В. Пешехонов избрал другой путь.

В этом, по нашему мнению, и заключается причина того, что он не внес в вопрос всей той ясности, которую мы вправе были от него ожидать, и, ярко осветив одни стороны его, на другие пролил слишком мало света или вовсе оставил неосвещенными.

В первой части своей работы А. В. Пешехонов описывает количественные успехи советского государственного хозяйства. Он показывает, основываясь на официальных статистических данных, что большевикам удалось в национализированной форме восстановить русскую промышленность почти в довоенных размерах, то есть, в размерах, в каких она существовала в форме частно-капиталистической. А. В. Пешехонов, опять же оперируя цифровым материалом, опровергает ходячее представление о том, что госпромышленность убыточна в прямом смысле слова, то есть, приходом не покрывает расходов. Оба эти положения автора, хотя и с оговорками, приняты и его оппонентами. Оспаривать их не приходится, — они обоснованы исчерпывающе.

А. В. Пешехонов внес несомненно также много ясности и в вопрос о финансовом состоянии госпромышленности и реальных размерах ее задолженности. Здесь также ему удалось рассеять ряд недоразумений и выявить преувеличения, расхолившиеся с действительностью. Однако, во второй части его работы, где речь идет о том, какой ценой создана и расширяется госпромышленность и каково ее влияние на развитие народного хозяйства в целом, аргументация автора уже не отличается такой обоснованностью, становясь односторонней и во многих отношениях спорной.

Прежде всего укажем на то, что в перечислении тех средств, при помощи которых советское государственное хозяйство строится и существует, А. В. Пешехонов опустил два немаловажных элемента: инфляцию и эксплуатацию рабочих.

Что инфляция до самого последнего времени служила одним из важнейших источников, питавших госпромышленность, не отрицают и никогда не отрицали и сами большевики.

В своей речи на XV конференции о хозяйственном положении Рыков указал лишь на то, что «эмиссия — как источник вложения новых средств в промышленность — является уже отпавшей», ибо «уже на протяжении минувшего хозяйственного года мы наполнились на то, что возможность увеличения денежной массы без риска поколебать червонец очень ограничена».

Источник, опадающий теперь, до сих пор, однако, существовал и, насколько усиленно из него черпали, об этом свидетельствуют размеры инфляции. Во-первых, как всем известно, покупательная сила червонца равна лишь половине его номинальной стоимости. Во-вторых, вот еще другое высоко - авторитетное свидетельство того же Рыкова: «За 1925-26 год среднегодовой размер денежного обращения увеличился на 55% против 1924-25 г., причем коэффициент роста его превысил рост валовой продукции промышленности, товарной части сельского хозяйства, железнодорожных перевозок и т. д.». Словом, самая типичная инфляция, доведенная до той грани, за которой уже открывается зловещая наклонная плоскость. «И в этом чрезмерном росте эмиссии в прошлом году, заявил тот же Рыков, был завязан один из главных узлов всех хозяйственных осложнений». Хозяйственных осложнений, само собой разумеется, не только для советской власти, но и для всей страны, для ее населения.

Если по данным наркомфина расходы государства на промышленность за три только года (с 1924 - 25 по текущий хозяйственный год включительно) выразились в сумме 1.300.5 милл. рублей, то большая часть этой колоссальной суммы добыта была, конечно, при помощи инфляции.

Таким образом, не только налоги и переплата за промтовары питали госпромышленность — население обладалось еще в ее пользу огромной дополнительной данью в форме инфляции, причем в виду специфического характера своего, эта дань создавала еще лишние экономические трудности, бывшие то же население с другого конца.

Конечно, А. В. Пешехонов может сказать, что доходы от чрезмерных эмиссий вкладывались в промышленность, принадлежащую государству, то есть, так или иначе стране, и что это было в конечном счете перекалывание из одного кармана в другой, от чего народное хозяйство в целом не страдает, а даже наоборот. Этого аргумента мы коснемся ниже. Пока же нам нужно было только отметить такой существенный пропуск в схеме автора, как отсутствие упоминания об инфляции. Важны ведь не только размеры сумм, которые государство затрачивает на промышленность, но и способы, которыми оно их добывает. Могут быть источники менее вредные для нормального развития хозяйственной жизни и более вредные. Инфляция же, как известно,

является одной из наихудших и наиболее опаснейшей формой обложения населения.

То же и с эксплуатацией рабочих, о чем А. В. Пешехонов тоже не упоминает.

Ему, конечно, известно, что на советских промышленных предприятиях давно уже введена система сдельной работы, практикующаяся в весьма широких размерах. Именно ее введение и послужило одной из главных причин повышения производительности труда в госпромышленности. Но, как известно также всем, система сдельной работы является одной из самых ужасных эксплуататорских систем, почти не существующей более в промышленных *капиталистических* странах, где имеется сильное рабочее движение, и против которой оно с самого своего возникновения вело неустанную борьбу.

Но этого мало. Русский пролетарий эксплуатируется вдвойне «рабоче - крестьянской» властью: из него выгоняют... пот сдельщиной и ему дают очень низкую заработную плату.

Большевики с ликованием возвещают теперь, что зарплата по советскому союзу в среднем достигла 93% довоенного уровня, — она в 25-26 году доходила уже до 360 рублей в год. Но все дело в том, что довоенная зарплата — об этом свидетельствуют ее размеры — была вышесредней и сугубо эксплуататорской, обрекавшей русский пролетариат на тяжкую и мрачную жизнь нужды и лишения. И она удерживалась на таком низком уровне только благодаря нагайкам самодержавия, о которых справедливо упоминает сам же А. В. Пешехонов. В этом то ведь заключается одна из главных причин экономических и политических движений рабочего класса в России. Зарплата русского пролетариата до войны была низка не только абсолютно, но и относительно, *она составляла гораздо меньшую долю производимого продукта, чем на западе*. Русский рабочий получал меньше своего западного собрата, не только потому, что отечественная промышленность держалась на менее высокой, чем заграничной технической базе, но и по причине жадности предпринимателей, отхватывавших себе большую прибыль. В этом и заключалась одна из наиболее ярких хищнических черт российского капитализма. Теперь при советском строе положение в этом отношении не изменилось. Довоенный уровень зарплаты — величайшее «достижение» большевизма, есть уровень старого режима. Между тем, ее скудость является одним из элементов, обеспечивающих «благополучие» госпромышленности.

В прошлом году на XIV съезде компартии Сталин утешал рабочих тем, что прибавочная стоимость, выжимаемая из них, идет в фонд «социалистического накопления». А. В. Пешехонов, как ярый государственный, может тоже в конце концов сказать, что раз низкая зарплата служит интересам национализации, то она тем самым оправдана. Мы позволим себе, однако, в данном слу-

чае заметить, что самый принцип национализации вытекает из мировоззрения, органически враждебного эксплуатации труда и такие средства для строительства «града будущего» столь же органически отрицающего.

Советское государственное хозяйство убыточно, утверждают обычно его критики всех направлений. Если оно держится и дает даже прибыль, то только благодаря высоким ценам на свои изделия. Вопрос о том, дает ли госпромышленность фактически прибыль или убыток — является, конечно, центральным для оценки ее роли во всем народном хозяйстве. Здесь, так сказать, главный узел спора. Вместе с тем факт чрезвычайно высоких цен на промтовары *à priori* как бы подтверждает версию дефицитности. Цены со своими подъемами и падениями служат своего рода ртутью в специфическом термометре, определяющем «температуру» производства. А. В. Пешехонов факта — наличия ненормально — высоких цен — не отрицает, он оспаривает лишь тот вывод, который из него делают. Этому посвящена большая часть его последней статьи.

Раньше всего автор утверждает, что в самом факте, что русские цены выше довоенных, нет ничего исключительного. . . Это мировое явление. Для обоснования этого утверждения А. В. Пешехонов приводит статистическую таблицу роста цен после войны в ряде стран. Мы не будем разбирать этой таблицы. Дело в том, что в интересующем нас вопросе важен не сам по себе рост цен, как таковых, а соотношение между ценами промышленными и сельско-хозяйственными. В этом смысле таблица, приводимая автором, ровно ничего не выясняет. Вернее, она могла бы многое выяснить — но в опровержение тезиса А. В. Пешехонова, если бы ее сопоставить с другими статистическими данными. Факт тот, что в западных странах во время войны и в послевоенный период почти до самого последнего времени как раз цены на продукты земледелия росли гораздо быстрее цен на фабричные изделия. Именно благодаря этому обстоятельству западное крестьянство сумело значительно улучшить свое экономическое положение, расширить площадь своего землевладения, освободиться от бремени своего ипотечного долга. В России же, как мы знаем, имело место в этой области явление совершенно противоположное. Кроме того, рост промышленных цен на западе обусловлен причинами тоже совершенно иного порядка, чем в России. В начале то было превышение спроса над предложением, в виду того, что промышленность дезорганизованная войной, давала недостаточную продукцию. Затем цены стали падать не снизившись, однако до довоенного уровня. В этом сказалось влияние удорожания про-

дуктов питания и сырья — как результат роста сельско-хозяйственных цен, повышение реальной заработной платы, громадные расходы на социальное законодательство, тяжелые налоги для оплаты внутренних и внешних военных займов, (большевики-же долги аннулировали), вздорожание кредита.

А. В. Пешехонов говорит также, что высокие цены сами по себе нельзя считать каким то несчастьем, а низкие счастьем. С этим утверждением также трудно согласиться. Высокие цены — даже при нормальном соотношении между промышленными и сельско - хозяйственными — конечно, не счастье. Раньше всего потому, что только при постоянном удешевлении фабричных изделий может увеличиваться спрос на них и расширяться внутренний рынок промышленности. А во-вторых, — не приходится ведь доказывать, что для стран, вывозящих изделия, высокие цены убивают экспорт, лишают возможности победоносно конкурировать с соперниками на мировой арене, как и распространять как можно шире свои товары. Удешевление производства ради понижения цен есть в данное время основная проблема стоящая перед всей европейской промышленностью и вне разрешения которой ей нет выхода из ее нынешнего тупика. Германская индустрия сумела встать на ноги потому, что ей в значительной мере удалось разрешить эту проблему путем рационализации в широчайшем масштабе производства, — английская индустрия продолжает пребывать в жестоком маразме потому, что ей этой проблемы до сих пор разрешить не удается и высокие цены на ее товары имеют результатом почти два миллиона безработных и замирание целых отраслей промышленности.

Что касается России, то хотя она в этом отношении находится в ином положении, вопрос о ценах приобретает для нее, пожалуй, еще более жизненное значение. Если сельско - хозяйственные цены в России выравнялись бы с промышленными, то есть, поднялись бы в смысле соотношения до их высокого уровня, то это означало бы абсолютную невозможность ее земледельческого экспорта, что обрекло бы ее на полное и безнадежное хозяйственное прозябание без всякого просвета впереди. При низком же относительно уровне сельско - хозяйственных цен высокие цены на изделия разоряют страну с другого конца, и разоряют главным образом малоимущее или неимущее трудовое население. Это признают сами большевики, ибо не признавать этого нельзя, и в противоположность А. В. Пешехонову считают высокие цены несчастьем, крича на всех перекрестках о необходимости во что бы то ни стало добиться их снижения. Рыков, в уже цитированной выше речи его, очень много распространялся на эту тему. «Низкие цены, утверждал он, это цены, отвечающие интересам бедных, малоимущих рабочих и крестьян; высокие цены — это цены кулаков, помещиков и крестьян», но «при все

нашем сопротивлении повышению цен... мы добились пока недостаточных еще результатов».

А. Куйбышев в своем недавнем докладе о хозяйственном положении высказался еще категоричнее: «мы стоим у предела в области цен... необходимо напрячь силы на то, чтобы доставить крестьянам более дешевую продукцию». Как видим, к высоким ценам сами большевики не относятся так спокойно, как А. В. Пешехонов.

В своем стремлении частично оправдать существующее в СССР несоответствие между промышленными и сельско-хозяйственными ценами А. В. Пешехонов сваливает вину за это... на крестьянство. Приводя таблицу, из которой явствует, что за период 1923-26 г. размах колебаний сельско-хозяйственных цен был больше, чем промышленных, он пишет: «из сказанного следует, что возмущающие хозяйственную жизнь колебания цен идут из сферы частного — точнее сельского — а не государственного хозяйства. А этими колебаниями обусловлен ведь более или менее значительный раствор «ножниц».

Такое утверждение, на наш взгляд, парадоксально. Если промышленные цены за указанный период колебались в пределах лишь 4%, то какая же тут заслуга государственного хозяйства? Это означает лишь, что за четыре года промышленные цены продолжали оставаться на неестественно высоком уровне, что за этот долгий срок госпромышленность не сделала ни шага вперед в смысле понижения себестоимости, в чем, по компетентному утверждению Куйбышева, заключается «самое основное, самое существенное и самое важное*»). и не сумела выполнить, по словам того же оратора «завета Ильича» об обязательном условии сохранения пролетарской диктатуры: «доставить крестьянам более дешевую продукцию». А что промышленные цены не скакали вверх, то и тут ничего достойного похвалы мы не видим: ведь мы уже знаем, что «в области цен мы стоим у предела». Скакать выше, значит можно лишь с полной уверенностью сломать себе шею. Что же касается колебаний цен, «идущих из сферы сельского хозяйства, чем... в более или менее значительной мере обусловлен и раствор ножниц», то крестьянство ли в этом виновато? Нет ли здесь другого виновника?

А. В. Пешехонов склонен видеть причину колебаний в обычном расхождении осенних цен с весенними, имевшим место и до революции, причем вызывалось оно главным образом «недостатком оборотных средств в крестьянских хозяйствах, которые в мас-

*) «Руководить промышленностью по существу, — заявил он в своем докладе, — это значит руководить работой промышленности таким образом, чтобы она понижала свою себестоимость.»

се своей вынуждены были сбывать продукт вслед за сбором урожая».

Мы думаем, что А. В. Пешехонов ошибается и что нынешнее расхождение осенних цен с весенними отнюдь не обычно. В прежние времена крестьяне действительно продавали осенью *почти весь свой хлеб* и к весне на рынке крестьянского хлеба было мало, и у мужиков стояли пустые закрома, а частные торговцы, сохранившие запасы скупленного зерна, принимались стричь потребителя. Теперь же крестьяне продают осенью лишь *часть своей продукции*, главным образом для уплаты налогов, а *остальную часть придерживают* и оставляют его в своих закромах потому, что нет смысла продавать его, то есть, *не на что обменивать его* по причине отсутствия товаров, *безтоварья*. В этом ведь и заключается тот роковой камень преткновения, о который регулярно разбиваются все хлебозаготовительные и экспортные планы большевиков. И опять же наше объяснение отнюдь не является гипотезой, нуждающейся в проверке, — мы заимствуем его у большевистских писателей и ораторов. Когда в начале осени 1925 года выяснилась «заминка на хлебном рынке», кончившаяся крахом пресловутой надежды большевиков заработать для индустриализации миллиард, «Правда» сейчас же вполне справедливо объяснила эту заминку следующим образом: *«крестьяне из за недостатка промтоваров на рынке воздерживаются от привоза хлеба»*, и в той же статье газета указывала и глубокую, так сказать, органическую причину этого шрискорбного явления: *«предложение поваров промышленностью и из импорта не может противопоставить массе сельско-хозяйственных товаров даже при тех соотношениях цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары, какие мы имеем накануне нового хозяйственного года... Весь истекший год продукция промышленности не поспевала за растущим спросом города и деревни»*. Не нужно доказывать, что раз предложение промтоваров не может противостоять массе сельско-хозяйственных товаров, то крестьянству не за чем всю эту массу продавать. Из описания этого положения «Правда» делала правильный, но особенно интересный для нас в настоящем случае вывод: *«смычке угрожают новые ножницы, если не будут приняты решительные меры по снабжению деревни товарами»*.

Такие же точно объяснения с такими же выводами, но в более яркой форме дал и Каменев — тогда еще «вождь» большинства — в своей знаменитой октябрьской речи прошлого года, посвященной провалу экспортно-импортного плана.

Итак, как видим, сами большевики признают, что колебания сельско-хозяйственных цен вызываются недостаточным снабжением деревни промтоварами («смычке угрожают новые ножницы, если» и т. д.). Крестьянство в этом то уже во всяком случае не виновато. И если «возмущающие хозяйственную жизнь колеба-

ния идут из сферы сельского, а не государственного хозяйства», то причины, вызывающие эти колебания лежат как раз в последнем (недостаточность производства, не соответствующая высоте спроса).

Так или иначе, несмотря на свои оговорки, А. В. Пешехонов тем не менее признает нынешнее соотношение между ценами на изделия и сельскохозяйственными продуктами ненормальным, признает он и то, что это обстоятельство для крестьянства весьма неблагоприятно. Он, однако, его оправдывает тоже экономической целесообразностью, понимаемой им, конечно, иначе, чем его противниками. Высокие цены нужны, утверждает автор, для того, чтобы дать возможность промышленности расти и развиваться, обеспечивая ей достаточные прибыли. Правда, от этого солоно придется деревне, правда, рост и развитие промышленности совершается за счет ее доходов. Но иного выхода, по мнению автора, нет. «Только сельское хозяйство, менее разрушенное», может послужить базой для восстановления промышленного производства в России.

А. В. Пешехонов согласен с тем, что можно спорить насчет того, насколько такая политика — форсирование промышленности за счет сельского хозяйства — правильна, но национализация, полагает он, тут не при чем, ибо те же самые вопросы встали бы и перед всякой другой властью, которая оказалась бы на месте нынешней». Мы думаем в противоположность А. В. Пешехонову, что вопрос о высоких ценах весьма и весьма касается госпромышленности, как таковой. Больше того, по нашему мнению, в этом именно весь вопрос и без выяснения его невозможно составить себе мнение о ее положительных или отрицательных сторонах. Ведь сам же он говорит, что убыточность государственного хозяйства для страны обычно аргументируется чрезвычайной дороговизной создаваемых в ней материальных благ. А спор в данном случае как раз ведется о том, *даст ли госпромышленность прибыль или дефицит*. Иными словами, идут ли те суммы, которые переплачивает население за товары в «фонд накопления», служащий для расширения промышленности, или в той или иной мере на покрытие ее дефицита. Можно даже в принципе признать правильным выкачивание из сельского хозяйства средств на промышленное строительство, однако, при условии полезной утилизации этих средств. Если же высокие цены нужны для того, чтобы могли существовать индустриальные предприятия, которые иначе приносили бы убыток, то мы тогда имеем дело с непроизводительной тратой отбираемых у населения через «механику» высоких цен ресурсов, чреватой тяжкими последствиями для всего народного хозяйства, в особенности же, когда оно, как в России, распатано до корня пережитыми испытаниями.

Здоровая промышленность это — такая промышленность, ко-

торая при нормальном соотношении цен, то есть, при так называемом «эквивалентном обмене», на котором — как признают и большевистские теоретики всех направлений*) — построена капиталистическая экономика — может не только работать безубыточно, но и давать прибыль. Практика дешевой покупки и дорогой продажи свойственна лишь примитивному экономическому строю. К. Каутский в одной из своих последних работ дал очень отчетливую формулировку этого положения.

«До появления промышленного капитала, пишет он... купец, чтобы получить прибыль должен был или купить товар ниже его стоимости или продать выше стоимости. Положение меняется, если капиталист-промышленник в процесс обращения своего капитала дополняет процессом производства. Теперь он уже не покупает, подобно обычному торговцу, товар для дальнейшей его перепродажи, но он покупает товары — сырые материалы, машины, рабочую силу, — чтобы из них и посредством них создать новый товар, заключающий в себе прибавочную стоимость. Он может теперь получать прибыль и в том случае, *если покупает товары по их полной стоимости и продает без всякой надбавки к ней*». Так вот, отвечает ли госпромышленность этой норме? Может ли она работать безубыточно при эквивалентном обмене, да еще давать прибыли, продавая товары по их стоимости, без всякой надбавки к ней? Если да, то высокие цены являются лишь средством для форсирования ее промышленного развития. Если нет, то их экономическая роль уже совершенно иная. Конечно, нельзя ответить на этот вопрос, приведя точные статистические материалы. Здесь можно оперировать лишь косвенными данными или приблизительными сравнениями, но все же, помогающими не мало выяснить.

Так, вся большевистская экономическая литература полна беспрестанных жалоб на чрезвычайно высокую себестоимость промтоваров. Некоторые из советских экономистов, как например, Крумин, редактор «Экономической Жизни», утверждают, что она на 70 - 100% выше довоенной. Что она чрезмерно высока, во всяком случае, никем не оспаривается. Понятно, поэтому, что и цены должны быть чрезмерно высоки, иначе получился бы прямой дефицит. Достигла ли госпромышленность в смысле снижения себестоимости каких-нибудь успехов? Нет, об этом свидетельствует уже тот факт, что оптовые цены в течение четырех лет стоят на одном уровне, не смотря на то, что большевики, как мы видели из приведенного выше заявления Рыкова, считают их снижение жизненным для себя вопросом. В прошлом году усилия в этом направлении дали обратные результаты, «в прошлом году, утверж-

*) См. статьи Преображенского и его оппонента сталинца Гольдберга в № 17 «Большевика».

даст Куйбышев, в области себестоимости мы имели определенную неудачу». А для будущего какие перспективы в этом отношении? Пока тоже малоутешительные. В плане ВСНХ на 1927 г. намечена, как ударная, задача снижения всего на всего на 2 - 3%. Для всякого ясно, что чрезмерно высокая себестоимость означает убыточность, покрываемую лишь искусственно высокими ценами, что возможно лишь благодаря монопольному положению госпромышленности.

Но этого мало. Продукция госпромышленности сейчас достигает довоенного уровня, — согласно большевистским цифрам она в 25 - 26 году выражалась в сумме почти семи миллиардов рублей. В 1924 - 25 г. она дала приблизительно 240 миллионов рублей; предполагаемые прибыли ее в 25 - 26 г. могут дойти до 400 миллионов. Но сюда входят однако и доходы от государственных имуществ, исчисляющихся сотнями миллионов, — прибыль госпромышленности как таковой значительно ниже. Но как бы там ни было, необходимо вспомнить, что и до войны русская промышленность давала значительную прибыль, — русские капиталисты, как известно, не работали бескорыстно, а, как справедливо указывает сам же А. В. Пешехонов, беспощадно стригли население всевозможными «ножницами». Даже в 1913 г., служащем сравнительной основой для установления нынешнего соотношения сельско - хозяйственных и промышленных цен, индустриальные изделия стоили в России на 56% дороже, чем в Англии, а сельскохозяйственные продукты на 30% дешевле. Мы не можем точно указать, какую прибыль давала русская промышленность до войны, — во всяком случае, значительно большую, чем теперь, — стоит лишь убедиться в этом, сопоставив цифру ее валовой продукции с нормальным размером дивиденда того времени. Сам же А. В. Пешехонов ссылается на работу Олема, установившего, что в 1909 - 12 г. русские промышленные предприятия давали 5,6% прибыли, по отношению ко всем вложенным в них капиталам, госпромышленность, по вычислениям А. В. Пешехонова, дает столько же — 5,7%. Но до войны капиталов было вложено больше в промышленность, чем сейчас — следовательно и прибыли промышленности — при одинаковом объеме продукции были больше. И это было тогда, когда промышленные цены в сравнении с с.-хозяйственными были на 50% ниже нынешних. При прежнем объеме продукции, но при обратном положении в области цен, меньшая сумма прибыли. Не трудно видеть, какой громадный дефицит давала бы госпромышленность, если бы соотношение цен более или менее значительно приблизилось к довоенным, позволявшим, однако, промышленным предприятиям реализовать жирные дивиденды.

И, наоборот, какую бы колоссальную прибыль должна была бы она приносить, при данном соотношении цен, если бы относи-

тельная себестоимость промтоваров приближалась к тому уровню, который существовал до войны.

50% разницы в ценах при семи миллиардах хотя бы валовой продукции составляет, конечно, неизмеримо больше даже 400 миллионов, которые А. В. Пешехонов вносит в графу прибылей госпромышленности, присоединяя к ним доходы от госуд. предприятий.

А. В. Пешехонов может ответить, что, если бы так обстояло дело с госпромышленностью, если бы покрытие ее дефицита поглощало громадные суммы, извлекаемые из других отраслей производства, то это болезненно отразилось бы на всем народном хозяйстве, в особенности, на земледелии. Между тем российское народное хозяйство переживает в целом бурный подъем. А. В. Пешехонов утверждает, ведь, что «если не весь, то в большей части ущерб, нанесенный русскому народному хозяйству войной, революцией и военным коммунизмом, уже восполнен, одни области хозяйства уже доведены до своего довоенного уровня, другие быстро приближаются». Посмотрим же, каково положение стержня русской экономики — сельского хозяйства.

Согласно официальным данным большевистской статистики, общая посевная площадь по СССР в наступившем сельско-хозяйственном году выразится приблизительно в 89 миллионов десятин, что составит 94,1% по отношению к посевной площади 1913 года.

Перед нами, как будто, действительно приближение к довоенному уровню. Но могут ли одни голые цифры о размерах посевной площади свидетельствовать о положении сельского хозяйства? Нет, не могут. При одних и тех же размерах посевной площади может быть различная степень продукции — большая или меньшая — зависящая от экономической мощи крестьянства, технического оборудования и т. д. Об этом свидетельствует уже тот факт, что общая продукция зерновых хлебных культур весьма отстает от довоенной, — удельный же вес хлебных продуктов значительно спустился ниже прежнего.

Это между прочим доказывал в прошлом году на пленуме большевистского ЦК тот же часто цитируемый нами Куйбышев. И не только доказывал, но и показал, приводя соответствующие цифры, что если взять отдельные отрасли сельского хозяйства, как раз те, которые имеют важное экспортное значение, то процент развития сельского хозяйства окажется гораздо ниже официально даваемого уровня его продукции. «Мы имеем, заявил тогда Куйбышев, определенное отставание отдельных отраслей сельского хозяйства». Эти отстающие отрасли: некоторые зерновые

культуры, особенно яровая пшеница и такие виды сельскохозяйственной продукции, как яйца, кожевенное сырье, другое сырье животного происхождения и т. п.

Так было в прошлом году, а с тех пор положение не только не улучшилось, но еще резко ухудшилось. Указанное Куйбышевым «определенное отставание отдельных отраслей» отнюдь не ослабело, но усилилось в такой мере, что самые патентованные советские аграрные спецы забили тревогу и закричали о «регрессе» в сельскохозяйственном производстве (регресс по сравнению с периодом, когда было на лицо отставание). Мы не станем цитировать здесь данных, приведенных большевиком Яковлевым в его шумевшем докладе в «Коммунистической Академии» о тревожном состоянии сельского хозяйства, ни приводить выдержек из статьи на ту же тему Н. Огановского в «Экономической Жизни», озаглавленной «Поворот назад». Данные обоих авторов, рисующих резкое сокращение технических культур, в той или иной форме воспроизводились в зарубежной печати. Но вот небезинтересно познакомиться с тем, что тот же Яковлев говорил по этому поводу в своей речи на XV-ой конференции РКП.

«Обнаружился, заявил оратор, регресс, отступление назад в области технических культур и задержка развития интенсивного животноводства. И если сопоставить эти факты, с одной стороны, с тем, что 35% нашей промышленной продукции дает промышленность, работающая на крестьянском сырье, а с другой стороны, с тем, что в нынешнем году более 40% *всего импорта* составит сельскохозяйственное сырье, то все значение этого факта регресса в сельском хозяйстве будет ясно».

Уже сам по себе тот факт, что 40% всего советского ввоза составит в будущем году промышленное сырье в то время, как до войны Россия была одной из главных поставщиц такого сырья для Европы, рисует далеко не в розовых красках истинное состояние русского земледелия. Насколько оно отражается на материальном состоянии деревни, на уровне ее доходов видно из интересных цифр, приведенных все тем же неутомимым Куйбышевым. Цитируем соответствующее место его доклада: «У незнакомых с сельско - хозяйственной жизнью часто такое представление: деревня это хлеб, *здесь явно недооценивается роль сельско - хозяйственного сырья*. Вот данные соотношения между различными культурами в деревне. Если взять доход крестьянства от реализации товарной части своей продукции, то от зерновых хлебов в 1925 - 26 году крестьянин получит 28% своих доходов, от технических культур 32% своих доходов и с продуктов животноводства 38% своих доходов. . . тут берется только товарный хлеб. . . берется то, что выбрасывается на более широкий, чем село рынок. Таким образом выходит, что зерновые хлеба составляют 28% доходов крестьянства от своей товарной продукции». Картина яс-

ная. Сомневаться в том, что репресс технических культур означает «поворот назад» (от весьма низкого уровня) не приходится.

Но еще более интересно и поучительно данное Яковлевым объяснение причин, вызывающих это явление.

Раньше всего, по его мнению, вина лежит на трестах и синдикатах, которые в области цен на сырье «фактически были хозяевами положения» и в этой области проявили ряд монополистских извращений». Но, конечно, сваливать все на тресты и синдикаты было бы слишком уж удобно, — дело ведь не только в их монополистских извращениях. И Яковлев в конце концов вынужден признать, что нужно заглянуть глубже в суть явления. Он приходит к чрезвычайно знаменательному выводу: «другой урок, с которым нужно считаться, заявляет он, относится к области границ возможного изъятия из сельского хозяйства». Здесь то самый корень вещей. Яковлев в своей речи жаловался на то, что до сих пор никто ни разу не попытался разобраться в вопросе о том, сколько мы берем из сельского хозяйства, сколько можно взять, чтобы не пошло задержки развития сельского хозяйства, в конечном счете, и промышленности.

Какое же «практическое положение»? Яковлев приводит цифры. «Мы взимаем, говорит он, по линии прямых налогов примерно на 252 миллиона довоенных рублей меньше против довоенного (довоенные прямые налоги на крестьянство, считая и аренду и платежи на землю, равнялись, примерно, 504 миллион рублей, нынешние 312 миллионов рублей)». Но «зато крестьяне переплачивают на ценах на промышленные товары». Переплачивают, добавим мы от себя, вряд ли меньше того, что они не доплачивают «по линии налогов», если принять во внимание, что переплата достигает 50%, а деревня поглощает 30 проц. всей промышленной продукции. Яковлев ясно намекает на то, что чрезмерное «изъятие», в котором существенную роль играют высокие цены, является одной из главных причин регресса сельского хозяйства. Оно лишает крестьянство возможности восстанавливать свой основной капитал и двигать вперед производство. Этим определяется и вывод Яковлева: «коренная задача в области цен состоит в работе над сдвижением ножиц». Он имеет в виду пока что розничные цены, потому что об оптовых говорить все равно бесполезно, но и сказанного им достаточно, оно проливает не мало света на вопрос.

Мы говорили о технических культурах. Но есть еще один, очень важный количественный признак для определения мощности крестьянского хозяйства — это рабочий скот. «Посев в хозяйстве может быть в пределах средних и даже выше средних норм, пишет большевик А. Смирнов в «Правде», но если в таком хозяйстве нет лошади или имеется одна лошадь при большом поседе, то оно с большой долей вероятности должно быть отнесено к маломощной или во всяком случае менее мощной группе, чем

та группа, к которой оно принадлежит, и обратно большее количество рабочего скота укажет на зажиточность того же хозяйства».

Мы с этой «большевистской» точкой зрения совершенно согласны. И то, что относится к отдельному хозяйству, может быть распространено на земледелие всей страны в целом.

Так вот, как же обстоит дело с этим количественным признаком?

По данным динамических переписей гнездовых обследований, произведенных ЦСУ по 35 губерниям, картина рисуется такая:

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОЧИМ СКОТОМ

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без скота	35,3	35,8	34,9	34,1
С 1-ой головой	50,6	50,9	51,0	51,0
„ 2-мя „	10,7	10,2	10,8	11,2
„ 3-мя „	2,1	2,0	2,1	2,3
„ 4-мя и более	1,3	1,1	1,2	1,4

Эта таблица раньше всего нам показывает, что 34% крестьянских хозяйств являются безлошадными, то есть, совершенно не обеспеченными рабочим скотом. Всем, имеющим хотя бы маломальское представление о земледелии, не трудно понять, что означает эта страшная цифра. Помнят ли читатели в знаменитом рассказе Г. Успенского «Четверть лошади» жуткое описание уборки сена безлошадной крестьянской семьей, когда человеческие существа «должны были взять на себя недостающие части лошадиной силы»?

Приведенная таблица показывает нам также, что число хозяйств, обладающих двумя и более головами скота, составляет всего лишь около 15%.

И, наконец, из все той же таблицы определенно явствует, что за целых четыре года в обследованных 35 губерниях в отношении обеспечения хозяйств рабочим скотом не произошло почти никакого изменения к лучшему (повышение количества колеблется в пределах 0,5 - 1%).

Да, важнейший количественный признак мощности крестьянского хозяйства дает весьма мало утешительного и сам по себе достаточно свидетельствует о том, что размеры посевной площади далеко не определяют еще реально достигнутого русским земледелием уровня восстановления.

Впрочем, ведь и у большевиков, время от времени, вырываются ценные признания на этот счет.

Не дальше, как в номере от 13 октября т. г. «Правда», написав в ярких красках блестящие достижения в области земледелия, кончила неожиданным заявлением, что « $\frac{2}{3}$ всех крестьянских хозяйств составляют хозяйства бедняцкие и маломощные».

Две трети! И если бы оставались бы еще какие либо сомнения о действительном состоянии русского земледелия, о чрезвычайно медленном, черепашьем темпе его восстановления, то достаточно сравнить цифры довоенного и теперешнего русского вывоза. В 1909 - 13 году Россия вывозила приблизительно на 1 миллиард 400 миллионов рублей, в 1925 - 26 вывоз ее еле превышает 400 миллионов. Россия вывозит следовательно теперь на один миллиард рублей менее, чем до войны. Между тем, главную массу ее вывоза составляли продукты сельского хозяйства. А кто же станет отрицать, что колоссальный дефицит русского экспорта обусловлен состоянием русского земледелия?

А. В. Пешехонов, как мы уже знаем, признает вполне законным и экономически целесообразным «изъятие» средств из сельского хозяйства, как менее разрушенного, для поддержания и расширения промышленности. Однако, вопрос о «границах возможного изъятия», волнующий даже большевика Яковлева, им совершенно игнорируется. Но они существуют эти границы, переступать их безнаказанно никак нельзя и к ним то, в конце концов, все и сводится. Недостаточно провозгласить: приходится черпать из земледелия ресурсы для промышленного строительства, ибо другого источника нет. Допустим, что это верно, — мы это охотно допускаем и против этого не спорим. Но надо еще показать, в каких пределах такая операция может совершаться без угрозы для самого источника, питающего всю хозяйственную жизнь страны, и, следовательно, без угрозы для нее самой. А. В. Пешехонов тут никаких пределов не намечает и об них ни словом не упоминает. А в этом, собственно, и лежит существо спора.

Мы видели, что русское сельское хозяйство весьма далеко от «бурного подъема» и даже не достигло еще низкого довоенного уровня, несмотря на то, что революция открыла перед ним необъятные перспективы развития и роста.

В чем причины этого явления?

Мы видели, что даже некоторые большевистские экономисты усматривают ее в чрезмерном «изъятии». Крестьянство, при меньшей доходности сельского хозяйства, чем до войны, вынуждено отдавать государству огромные суммы в виде налогов и при этом страдает еще от бича «высоких цен». При чем высота их отнюдь не измеряется только существующим соотношением *оттовых* промышленных и сельско - хозяйственных цен, но и чудовищными наводками на рознице. А. В. Пешехонов это обстоятельство весьма подробно описывает в своей статье. Правда, тут и частный капитал очень ярко проявляет свою «творческую инициативу», грабя беспощадно мужика. Но ведь выгодная для него

«конъюнктура», позволяющая ему опустошать мужицкие карманы, создается «бестоварием». Так вот это то бестоварие для с. хозяйства несомненно еще более страшный бич, чем высокие цены и всевозможные «изъятия». Именно оно является главным препятствием на пути его под'ема. Земледелие России, которое разрушали пронесившиеся над ним ураганы войны, революции, голода, нуждается более чем когда либо для того, чтобы подняться и твердо стать на ноги — в фабричных изделиях. Советское государство отпускает ему их не только по безумно - высоким ценам, но и в количестве огромно не соответствующем даже самым минимальным его потребностям. Здесь громадная и безобразная преграда, мешающая сельскому хозяйству двигаться вперед.

Рыков в своем докладе на XV конференции ВКП о хозяйственном положении страны привел такой факт, дающий мрачную иллюстрацию этому положению.

«Нет нужды доказывать здесь, говорил он, какое совершенно исключительное влияние оказывает машина, например, трактор, на развитие сельского хозяйства. В нашей стране *только один Путиловский завод* приспособлен к производству тракторов. Но и он производит их *в пять - шесть раз дороже*, чем за границей. Количество производимых тракторов у нас чрезвычайно ничтожно. Мы будем вынуждены отпускать в этом году тракторы только коллективным хозяйствам, машинным товариществам, да и то не всем. *Мы в состоянии будем удовлетворить не более 1/5 части спроса деревни*».

Рыков утверждал, что приведенный им пример «можно было бы, конечно, дополнить целым рядом других примеров и иллюстраций». Мы в этом несколько не сомневаемся. Где уж там тракторы, когда не только что плугов и кос, но и гвоздей деревня не может получить в нужном ей количестве.

Казалось бы, раз промышленность не в состоянии удовлетворить спроса сельского хозяйства, то почему же не прибегнуть к ввозу изделий из за границы.

Из боязни, что их дешевизна убьет советскую индустрию? Хорошо. Признаем, что ее необходимо охранять как зеницу ока. Но для чего нибудь же существуют охранительные пошлины. Пусть они будут повышены, пусть заграничные изделия продаются в России по той же цене, что и изделия госпромышленности, пусть от этого терпят огромный ущерб потребители — все же удовлетворение спроса, даже с такими тяжелыми жертвами, будет менее вредно для страны, чем мучительное, парализующее порывы ее хозяйственной энергии бестоварье. Взять тот же пример с тракторами. Вместо того, чтобы удовлетворять лишь 1/5 частью спроса, почему не выписать остальные 4/5 из за границы и продавать их по той же, скажем, цене, что и Путиловский завод. Это деревне все таки будет выгоднее, чем оставаться вовсе

без тракторов. Ведь даже по Путиловским ценам она готова купить в пять раз больше того количества, которое в состоянии дать ей госпромышленность. Почему? Да потому, что большевики практикуют вовсе не охранительную политику и не протекционизм, как это думает А. В. Пешехонов, а своеобразную политику индустриализации, от начала до конца бессмысленную, закрывающую все дороги истинного развития для народного хозяйства России.

Большевики не ввозят из-за границы нужных для сельского хозяйства машин и изделий (в прошлом году оказались, правда, вынужденными ввезти незначительное количество ради нужд хлебозаготовки), потому что, согласно их индустриализаторским планам *все импортные возможности России должны быть использованы исключительно для ввоза промышленного оборудования*. Сельское хозяйство предоставляется собственной участи в уверенности — искренней или мнимой — что оно может расти и на низкой механической базе. Для осуществления строжайшего контроля *в этих целях* над вывозом и ввозом и существует Внешторг. В этом заключается его истинная миссия, а отнюдь не просто в охране промышленности или в регулировании, в интересах населения, торговых отношений между Россией и заграницей. Мы уже писали в другом месте*), что большевики для осуществления своего плана должны крепко держать в своих руках ключи от ворот, через которые проходят товары из России и в Россию. Только при этом условии диктатура может пытаться направлять создаваемые народным трудом материальные ресурсы по нужным ей каналам и использовать их согласно своим видам. Но это означает также недопущение таких отношений между Россией и внешним миром, которые соответствовали бы потребностям населения и свободно развивающегося народного хозяйства. Но это ничего общего не имеет с протекционизмом, который никогда не заключался в том, чтобы вовсе, *ни на каких условиях* не пропускать в страну иностранных товаров, в которых громадное большинство населения испытывает острую нужду и которую собственная промышленность тоже ни на каких условиях не в состоянии удовлетворить. Даже, так называемые, запретительные пошлины (запретительные потому, что слишком высоки) не равнозначущи полному запрещению ввоза. Такого примера экономическая история не знает. Здесь мы имеем дело в сущности с своеобразной блокадой русского сельского хозяйства, но блокадой, поддерживаемой советским же правительством, выступающим от имени России. Более чудовищного положения трудно и придумать. Во имя журавля в небе — индустриализация, которая якобы переведет сель-

*) «Путь Нэпа». — «Воля России», февраль 1926.

ское хозяйство на машинное производство, — большевики пока что обрезают его на соху и деревянные гвозди.

А. В. Пешехонов в конце своей статьи, трактуя вопрос о ценах, говорит, что понизить их, конечно, не трудно, «нужно только открыть границы, допустить свободный импорт иностранных товаров, отказаться от монополии внешней торговли». Но А. В. Пешехонов пугает, что в таком случае погибла бы русская промышленность и Россия превратилась бы в сельско-хозяйственную колонию для капиталистических держав.

Во-первых, зачем же такая крайность, открыть границы, свободный импорт и т. д. Полной, неограниченной свободы торговли, пресловутой *free trade* не практикует ни одна страна, даже Англия, колыбель ея. От разумной таможенной политики, учитывающей положение всех отраслей хозяйства до фактической самоблокады своего земледелия, дистанция огромного размера. А. В. Пешехонов утверждает же, что русская промышленность восстановлена и дает еще больше прибылей на капитал, чем довоенная. Но до войны Россия ввозила на 1½ миллиарда изделий и русская промышленность от этого не погибла, почему же теперь... Может быть потому, что госпромышленность еще чересчур слаба, что ее база слишком хрупкая. Но тогда надо это сказать... и тогда падает утверждение А. В. Пешехонова... А, во - вторых... во - вторых, в устах А. В. Пешехонова, так горячо верующего в неиссякаемую мощь и творческие силы русского народа, аргумент о превращении в колонию звучит как то неестественно. Нам кажется, что в высшей степени полезно было бы раз навсегда от этого аргумента отказаться. Россия никогда не была и никогда не будет чьей бы то ни было колонией. Это должно быть, наконец, ясно всякому имеющему чутье истории и действительности. Россия не попала в иностранную кабалу, когда у нее не было вовсе никакой промышленности и никто не смог ей запретить создать собственную индустрию, когда она того пожелала. В настоящее время ряд сугубо земледельческих стран и в Европе и за океаном, гораздо менее сильных, чем Россия, развивают у себя промышленное производство и тоже никто им в этом не препятствует. Только экономическая отсталость и бедность создают угрозу превращения в колонию; при росте богатства и возможности свободно употреблять накопленные ресурсы перевес сельского хозяйства над промышленностью никакой опасности в себе не таят и вовсе не закрывает перспектив будущего, на здоровой базе совершающегося индустриального развития.

Наконец, — и в этом-то все дело — в данном случае речь идет вовсе не об упразднении русской промышленности, не о каком то заклинании ее на алтаре «узких мужицких интересов», а о специфической индустриализаторской политике большевиков,

против которой борются трезвые элементы в их же собственных рядах (Сокольников, Шанин).

А. В. Пешехонов имеет право сказать, что эта политика к национализации никакого отношения не имеет. Мы с ним совершенно согласны. Однако, нельзя говорить о роли советского государственного хозяйства, не коснувшись тех методов, при помощи которых большевики его строят.

Теперь подведем черту. Посмотрим, что дал «опыт национализации» в смысле экономическом и социальном.

Признаем без всяких оговорок, что большевикам удалось восстановить русскую промышленность в размерах почти довоенных. Они восстановили ее «вчерне», как сообщают в интимной беседе советские «спецы», она фактически дает убыток и держится благодаря монопольному положению. Но все же она восстановлена и при этом в национализированных фрмах государственного капитализма, что является, конечно, невиданным и что тоже нужно признать без оговорок.

Большевики не воссоздали русской промышленности, а лишь восстановили ее; заводы, фабрики, машины, остатки старых запасов были налицо. Надо было только во все это вдохнуть жизнь, завертеть, пустить в ход колесо. Дальше расширяться промышленность за счет старого капитала уже не может. Он не только использован, но в значительной части «проеден», вследствие изнашивания в процессе производства оборудования. А. В. Пешехонов этого не отрицает, он приводит цифры, показывающие, что за период 1921 - 24 г. из основного капитала промышленности было изношено на 610 миллионов рублей, а восстановлено на 128 миллионов. Если в 1924 - 25 г. удалось достигнуть некоторого равновесия между изнашиванием и восстановлением, то благодаря вложению более 300 миллионов на капитальные работы.

Теперь госпромышленность должна восстанавливать изношенность, должна расширяться и расти уже за счет новых ресурсов. По весьма оптимистическим подсчетам госплана за пятилетие 1925 - 26 по 1930 г. по одной госпромышленности необходимо произвести капитальных вложений на сумму в 5 миллиардов рублей, чтобы обеспечить средний годовой прирост продукции всего лишь в 11%. Но для того, чтобы промышленность не повисла в воздухе, необходимы капитальные затраты и в других областях народного хозяйства, общая сумма которых исчисляется в 16 миллиардов. Откуда же они возьмутся? Откуда возьмутся *оборотные капиталы* для расширяющейся промышленности? Советская власть рассчитывает лишь на внутренние ресурсы страны. Единственным источником, из которого она может черпать, — сельское хозяйство. Этот источник мог бы сделаться обильным, при сильном повышении технической базы земледелия, при переводе его на

рельсы интенсивного хозяйства. До сих пор оно развивалось экстенсивно, теперь, когда размеры посевной площади уже достигли почти довоенного уровня, дальнейшее его развитие упирается в интенсификацию. Для этого раньше всего необходимо направить в деревню широкий и мощный поток машин, промышленных изделий. Можно ли рассчитывать на это? Нет, нельзя. Не говоря уже о высоте цен, о слабости крестьянских ресурсов, истощаемых «ножницами», главное препятствие — безтоварья — остается. И сами большевики предупреждают нас, что «товарный голод в ближайшие годы делается еще более острым, более напряженным», потому что строящиеся новые заводы, на которые «изымаются» средства у населения, начнут давать продукцию лишь через несколько лет. А что же касается импорта, то Куйбышев в свою очередь объясняет, что «правительство думает пойти в этом направлении еще дальше, сделать импорт еще более промышленным... импорт промышленного сырья, оборудования и полуфабрикатов составит в 1926 - 27 году 80% от всего импорта. Только 20% импорта будет падать на другие сельскохозяйственные нужды».

Итак, положение ясно. Русское сельское хозяйство по-прежнему будет страдать от безтоварья, — оно, следовательно, не сможет перейти к интенсификации, поднять в значительных размерах свою продукцию. При такой перспективе *нет надежды на доведение до широких пределов русского вывоза, а, следовательно, и ввоза. А экспортно-импортные возможности определяют* для России и темп ее промышленного развития.

Политика большевиков, обрекая на прозябание земледельца, разрушает тем самым базу, на которой могла бы расти промышленность. Она фактически не позволяет развиваться ни тому, ни другому. Под флагом псевдо - индустриализации она парализует живые силы страны. В этом ее величайший вред для России и в этом также ее безапелляционный приговор.

Что касается социальных результатов, то о них говорить долго не приходится.

Госпромышленность в известной мере держится на эксплуатации рабочих, получающих очень низкую зарплату, выматывающих из себя жилы сдельной работой и живущих, особенно в провинции, в тяжелых условиях, напоминающих эпоху «первоначального капиталистического накопления». Она держится благодаря непомерно высоким ценам, от которых особенно сильно страдают трудовые и малоимущие слои населения не только деревни, но и города. Ею поглощается доход от инфляции, облагающей лишней данью весь народ — главная масса которого — крестьянство на 2/3 состоит из бедняцких и малоимущих элементов. Она ложится огромной тяжестью на то же крестьянство, вынужденное отдавать государству большую долю своего дохода, чем до войны.

И всеми этими своими особенностями она обрекает на бесплодие дорогой А. В. Пешехонову принцип национализации. Огосударствление промышленности в условиях России может получить высокое значение, если и в других отраслях хозяйства и в первую голову в деревне — совершается прогресс в соответствующем ей направлении. В деревне такой прогресс возможен только на почве кооператизации земледелия. Но необходимым условием развития здоровой и творческой деревенской кооперации является повышение технической базы производства, переход к интенсификации, употребление машин и орудий, увеличение основного капитала крестьянского хозяйства. Госпромшленность при нынешней политике большевиков, выкачивающей ресурсы мужика, всему этому осуществляться не позволяет. Национализация промышленности, создаваемая за счет развития земледелия, похожа на странный двухколесный экипаж, у которого одно колесо непомерно велико, а другое маленькое, земли не касающееся и вертящееся в воздухе. Такой «экипаж социального прогресса» далеко не уедет...

Следует ли, однако, из всего нашего разбора статей А. В. Пешехонова, что дефекты госпромшленности и отрицательные результаты «опыта» нужно приписать принципу национализации? Нет, мы этого не думаем. Можно ли рассматривать «опыт», как решающее доказательство от противного в пользу необходимости упразднить в России государственное хозяйство и восстановить во всей «красе и славе» классический капитализм? Нет, этого мы тоже определенно не думаем.

Но тут мы уже подходим к вопросам, требующим особого рассмотрения. Им придется посвятить другую статью.

Е. Сталинский

Политические заметки.

Задачи социалистического движения в России.

II. ЕЩЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА ПРИ БОЛЬШЕВИЗМЕ

Основная тактическая проблема в настоящий момент заключается в том, как должна действовать социалистическая партия для того, чтобы ускорить процесс политического «оживления» различных слоев населения, заинтересованных в замене диктатуры В. К. П. демократическим строем, и для того, чтобы содействовать пробуждению в них *активности* в формах, соответствующих своеобразной обстановке послереволюционной России и наиболее верно ведущих к цели.

Мы видели в прошлой статье (В. Р., № 11), каковы те внутренние импульсы, которые неизбежно толкают основную массу трудовой интеллигенции (старой и новой формации) на борьбу с режимом подавления свободы, заставляют ее относиться критически к опирающимся на вооруженную силу непререкаемым авторитетам. Мы видели также, каков тот медленный и трудный путь, которым приходится идти для осуществления спайки этой интеллигенции с политически и культурно активными рабочими и крестьянами, а через них со всей народной массой.

Прибавлю два замечания.

Просматривая старую эсеровскую литературу, я нашел в органе Центрального комитета партии С.-Р. «Социалист революционер» (1918 г., №1) постановление, принятое в самом начале большевистского режима, из которого видно, что партия уже тогда заняла правильную позицию в этом вопросе.

В статье, озаглавленной «Культурно-просветительные задания партии», указывается на проявившуюся во время революции

«оторванность интеллигенции от народа», объясняемую невежеством, политической неопытностью масс. Преодоление этой оторванности партия считала насущнейшей задачей.

«При правильной постановке дела просвещения и художественного развития... при систематическом старании поднять народ до понимания науки и искусства, а не принизить их до его понимания русская интеллигенция, всегда стремившаяся «возвратить народу на его счет приобретенные познания», несомненно отдаст свои лучшие силы служению этому делу».

«Участие в этой работе уничтожит созданное самодержавием и углубленное большевизмом отчуждение интеллигенции от народа, поможет вновь приблизить к политическим партиям те силы, которые оттолкнула от социализма демагогия и господство вульгарных упрощенных теорий.

«Партия социалистов - революционеров, считая, что никакая прочная политическая организация невозможна, пока не будет вестись параллельно интенсивная борьба за ликвидацию этой части наследства самодержавия... должна употребить все усилия к тому, чтобы эта работа была произведена трудовой народнической интеллигенцией, должна взять на себя инициативу по привлечению к этой работе всех соответствующих сил и по организации культурных, научных, художественных местных групп и центров для создания воскресных школ, постоянных и летучих народных университетов, библиотек и издательств, передвижных выставок, артистических и народных трупп для спектаклей, концертов и т. д. Эти группы и центры должны быть тесно связаны с местными партийными организациями, а в особенности с партийными городскими и деревенскими ячейками».

Так смотрела партия с. р. на задачи интеллигенции весной 1918 года. Вспыхнувшая вскоре затем гражданская война помешала планомерному осуществлению этой программы. Голод, «пещерный» быт, террор и все остальные прелести «военного коммунизма» отбросили массу интеллигенции от культурно-общественной работы. Теперь, вместе с крестьянским и пролетарским «оживлениями» неизбежен и необходим под'ем настроения трудовой интеллигенции, необходимо и *возможно* более деятельное участие ее в общественной и культурной работе.

Я говорю — «возможно», хотя ни на минуту не забываю ни большевистских стеснений свободы мысли и слова, ни унизительных и тяжелых условий, в которые поставлена работа интеллигенции — например, хотя бы народных учителей.

Разумеется, *открытая* культурно-просветительная деятельность, противоречащая казенным программам «политграмоты» и «агитпропа» невозможна. Но не смотря на весь шпионаж, коммунистическое начальство уже теперь не в сплах уследить за «неблагонадежным элементом», особенно в деревне, где комячейки

слабы, малокультурны и малочисленны. По мере роста «оживления» следить будет все труднее и труднее. Задача эсеровских ячеек заключается в том, чтобы осторожно руководить работой народнической интеллигенции и спавать ее со всеми общественными и культурными начинаниями крестьян и рабочих, против которых сама советская власть формально ничего возразить не может. Нужно учиться использовать против комдиктатуры ее собственную «легальность».

Не смотря на разгромы и буквальное вымирание «народническая» (и марксистская, социал-демократическая), трудовая интеллигенция богаче культурными силами, чем большевик-ленинцы.

Крестьяне и рабочие не могут не ценить этого. Нужно, чтобы формально, по-неволе «безпартийная» интеллигенция на практике, ежедневно и ежечасно, демонстрировала им наглядно разницу между командованием и всевозможными «художествами» комячеек, с одной стороны, и подлинной общественной работой в интересах трудящихся масс — с другой.

Второе замечание относится к обычному противопоставлению большевиков интеллигенции. Большевики сами издавна преисполнены глубочайшим презрением к интеллигенции, уверяют всех в том, что они не имеют с ней ничего общего и являются якобы подлинными и единственными в мире представителями чистокровного индустриального пролетариата.

В действительности, конечно, они — часть и довольно заметная той же русской интеллигенции.

Основные кадры большевистской партии — ее «старая гвардия» — возникла из той же общественной среды, что и меньшевики и эсеры. Любопытное подтверждение этому можно найти в воспоминаниях коммуниста Г. Шидловского о Петербургском комитете большевиков. Он рассказывает там, между прочим, что деятельность этой сверх-пролетарской партии оживала обычно осенью «с окончанием отпусков петербургской учащейся молодежи высших учебных заведений» и замирала дважды в году — во время рождественских и летних каникул *).

Все те замечательные качества, которые проявились у большевистских вождей во время революции — нетерпимость, злобная узость, самомнение, некультурность, неразборчивость в средствах (под предлогом «военных хитростей» самое настоящее политическое жульничество), диктаторство — все это было в зародыше и в большевистском подполье и в той разночинной интеллигенции, которая давала ему главных его работников.

Основные мотивы, толкавшие большевистскую интеллигенцию на борьбу с самодержавием, были как будто те же, что и у эсеров

*) Г. Шидловский. Петербургский комитет большевиков «Красная Летопись» № 2, 1926 г.

или меньшевиков. Люди становились большевиками по убеждению и, следовательно, принимали в тогдашней борьбе и в «строительстве» *«свободное творческое участие»* (см. прошлую статью В. Р. кн. XI). Среди большевиков были (и остались) весьма образованные люди и крупные специалисты в различных областях.

И, однако, — свобода мысли и ряд других для нас несомненных и еще более элементарных человеческих ценностей для них были и остались «шелухой», не стоят выеденного яйца. Мы видим, как ультра-интеллигенты, вообразившие себя сверхпролетариями, бескорыстно лгут, самоотверженно насильничают, пламенеют от китайской революции и испытывают неземные восторги, упиваясь цитатами из «Ильича».

Очевидно, и в старой русской интеллигенции не все было на этот счет благополучно, хотя она и воспитывалась в борьбе с политическим и умственным гнетом. В свое время мы на это не обращали достаточного внимания. Это — особая и интересная тема, которой следует заняться. Социально-психологический тип большевика-интеллигента заслуживает самостоятельного изучения, на основании личных воспоминаний тех, кто с ними сталкивался и порою сотрудничал в подполье.

Сейчас для нас важно отметить, что известная часть интеллигенции шла за большевиками по «свободному убеждению» и, возможно, будет еще некоторое время идти за ними, пока жива память об их революционном прошлом.

Тем не менее, поскольку ленинизм теперь вбивается в головы в порядке обязательной казенной политграмоты и монополии пропаганды, он может создать добросовестных (и не добросовестных) чпновников, но теряет свою былую власть над умами, благодаря которой «Ильич» смог воспитать сплоченную секту «профессиональных революционеров» — интеллигентов, подчинивших своему влиянию часть рабочей интеллигенции.

Б. Пролетариа т. Класс — формально «господствующий», чьим именем в России осуществляется государственная власть. После споров и колебаний окончательно установлено (Бухаринным), согласно одной из последних формулировок Ленина — современный СССР есть не рабоче-крестьянское, а «Рабочее государство с бюрократическим извращением».

В действительности около полумиллиона рабочих — членов и кандидатов ВКП, прямо или косвенно вовлечены в дело управления вместе с 216.000 крестьян-коммунистов и 160.000 интеллигентов («служащие и прочие»).

В 1924 году, до «ленинского призыва» членов партии рабо-

чих «от станка» было всего 50.000, то есть, 16%. С того времени процент этот сильно повысился и дошел до 60-ти.

По докладу Сталина на 14-м съезде к первому июля 1925 года в партии числилось 383.000 рабочих от станка. Остальные 200.000 бывших рабочих входят в состав гражданской, военной и хозяйственной администрации.

Но и партийные организации, формально не связанные с государственным аппаратом, на деле являются исполнительными органами советской власти, особенно в деревне, где «комячейки», если даже они не состоят сплошь из «начальствующих лиц», во всяком случае, постоянно выполняют всевозможные задания уездных и губернских властей — по выкачиванию недоимок, политическому надзору за населением и т. д.

По данным профсоюзов (см. доклад Томского на 15-ой партконференции) общее количество наемных рабочих в СССР равняется приблизительно шести миллионам.

Из них чисто индустриальных рабочих в 1925-1926 хозяйственном году было по данным Куйбышева 2.421.000, по другим данным около двух миллионов.

Наиболее активной и с точки зрения политической борьбы самой важной частью пролетариата являются, как известно, именно эти два миллиона промышленных рабочих, к которым нужно прибавить миллион триста тысяч (приблизительно) рабочих транспорта, в виду их особого, так сказать, «стратегического» значения.

Сталин в своем докладе на 14-м съезде устанавливает, что по отношению к этой основной пролетарской массе (весьма немногочисленной в России) коммунисты «рабочие от станка» составляют 18,2%. Это процент довольно значительный. Но дело в том, что 383 тысячи рабочих коммунистов отнюдь не все заняты в крупной промышленности, и гораздо правильнее поэтому выводить процент по отношению ко всем шести миллионам рабочих, что дает только 6,4%.

Те 200-250 тысяч коммунистов, которые работают в государственном аппарате (гражданская и военная администрация, суд, хозяйство и т. д.), фактически давно оторваны от рабочей массы. Организованные строго иерархически они превратились в самодовлеющую «надклассовую» правящую касту, которая уже теперь гораздо более связана с 1.604.415 советскими чиновниками (при старом режиме было около полумиллиона госслужащих), чем с фабрично-заводским пролетариатом. Правда, «связь» эта заключается главным образом в том, что они занимают начальствующие посты или наблюдают за благонадежностью своих сослуживцев. Но тем не менее значительная часть их, по свидетельству советской печати, быстро поддается влиянию среды и подвергается «мелко-буржуазному» и бюрократическому перерождению. Инте-

ресы карьеры, выполнение предписаний начальства, в лучшем случае, «общегосударственный» (то есть, фактически партийный) интерес превышает для них все и они постепенно отучаются понимать своих бывших товарищей по труду. Особенно ярко проявляется это во время конфликтов рабочих с фабрично-заводской администрацией, а, в настоящий момент, в поведении хозяйственников, проводящих «принцип экономии» и кампанию по поднятию производительности труда.

Внутренняя логика диктатуры неизбежно приводит безответственных и безконтрольных правителей, каково бы ни было их «социальное происхождение», к самым безобразным извращениям, усугубляемым в России низким культурным уровнем управляющих и управляемых, всеобщим обеднением страны и противоречащей интересам населения общей политикой правительства.

«Бюрократическое извращение рабочего государства», о котором говорил Ленин, заключается собственно говоря в том, что шесть миллионов наемных рабочих, как и вся остальная масса городского и сельского населения (за исключением чиновничества), отстранена от всякого влияния на управление государством, около 200 тысяч рабочих превратились в чиновников, а 383 тысячи членов комячеек являются в гораздо большей степени агентами государственной власти в рабочей среде, проводниками всевозможных «прижимов» и «нажимов», чем выразителями, «аккумуляторами» политической воли пролетариата.

Внутренняя организация ВКП, ее методы, методы самопополнения, напоминающие рекрутский набор, укоренившиеся внутри партии нравы (бюрократизм, раболепие, командование) мешают пролетарской ее части скольконибудь тесно связаться с массами и путем защиты их повседневных интересов, идейного влияния, товарищеского общения выполнять ту роль, которую выполняют в Европе подлинно рабочие партии даже в тех случаях, когда они не охватывают своей организацией большинства пролетариата.

Бухарин прекрасно охарактеризовал в своей речи на съезде рабселькоров весной 1926 года особую «внеклассовую» или «надклассовую» роль нового служилого сословия — В. К. П.

«Наше государство, сказал он, состоит из различных классов: есть рабочий класс, есть крестьянство, есть новая, торговая и отчасти промышленная буржуазия, у нас есть огромная прослойка, так называемых, кустарей, то есть, средней и мелкой буржуазии... Даже в самом рабочем классе есть различные противоречия и трения. Если вы возьмете, например, неквалифицированного и квалифицированного рабочего, то здесь большая разница. У нас есть кадр рабочих, которые управляют нашей промышленностью, есть красные директора и есть неквалифицированные рабочие. Это есть противоречие внутри нашего рабочего класса,

изжить которое представляется задачей на многое количество лет. У нас имеются еще противоречия национальные». «Отсюда ряд больших затруднений».

«Этой штукой можно управлять только при одном условии: если во всей системе управления будет единая воля.... Если этой единой воли не будет обеспечено, то весь наш Союз разлетится на кусочки.»

Эту единую волю, говорит Бухарин, может осуществлять лишь *«наиболее сознательный элемент, то есть, политики по профессии, те которые сознательно занимаются этими вопросами»*.

Поэтому «все ответственные должности в стране» заняты и должны быть заняты коммунистами.

Эта теория самодовлеющей касты профессиональных политиков, разумеется, гораздо ближе к действительному положению вещей в С. С. С. Р., чем пресловутое обещание Ленина привлечь «каждую кухарку» к управлению государством.

По другой формуле Ленина рабочее государство есть «вооруженные рабочие».

В действительности в С. С. С. Р. громадное большинство рабочих безоружно, а советское государство, если придерживаться формулы Ленина, это — коммунистическая партия, которой через посредство 40 тысяч коммунистов, занимающих командные посты в армии, подчинены около миллиона красноармейцев, то есть, в громадном большинстве вооруженных молодых крестьян, одурманенных дисциплиной и «политграмотой».

Конечно, любая рабочая партия, придя к власти в классово - разнородном государстве, в котором капитализм и мелкое частное хозяйство еще не изжили себя в значительных областях хозяйственной деятельности, вынуждена была бы считаться со всеми перечисленными Бухариным противоречиями и как то примирять их в своей общей политике.

Известная опасность «отрыва» от массы трудящихся при этом всегда возможна. Но при демократическом строе, при постоянном контроле независимого общественного мнения, при ответственности рабочих представителей перед массами, при независимости рабочих профессиональных организаций, при свободе всех оттенков социалистического трудового движения эта опасность может быть сведена к минимуму.

Разрешение этой проблемы тем легче, чем выше культурный уровень трудящихся и чем благоприятнее экономические условия при которых власть переходит в руки их представителей.

**

Без активного участия пролетариата демократическая ликвидация большевистской диктатуры невозможна. Это должны ясно понять все демократы, социалисты и несоциалисты.

Не смотря на свою относительную малочисленность, фабрично - заводской пролетариат является *главной городской силой*, способной бороться за демократию. Не будучи марксистами, все-таки понимали это и во время борьбы с самодержавием, когда оценивали его роль, как «авангарда» революционного движения.

Как уже было сказано выше, именно два с лишним миллиона рабочих крупной промышленности могут в этом отношении, вместе с миллионом транспортников, стать центральной и решающей политической силой.

Если они будут вовлечены в политическое движение, все остальные слои рабочего класса пойдут за ними.

Здесь незачем подробно доказывать это положение. Огромное политическое значение города, даже в такой крестьянской стране, как наша, несомненно. Городской пролетариат живет в особо интенсивной умственной и политической атмосфере. В его среде легче и быстрее распространяются политические идеи. Он сосредоточен, так сказать, в стратегических «узловых пунктах» политической жизни и представляет собой значительную реальную силу, которая показала на что она способна в период борьбы с самодержавием.

Кроме него в городах и «селениях городского типа» есть еще две значительные группы, могущие иметь политическое значение:

1) Около двух миллионов служащих (государственных, хозяйственных и т. д.), в число которых входит квалифицированная трудовая интеллигенция и к которым нужно прибавить 76 тысяч лиц свободных профессий.

2) Полтора миллиона «хозяев», то есть, мелкой, средней и крупной буржуазии. Из них, однако, лишь 34 тысячи имеют наемных рабочих: фабриканты и заводчики — одна тысяча, сельские хозяева — 7,3 тысяч, хозяева торговых заведений — 5,6 тысяч, хозяева заведений трактирного промысла — 1,8 тысяч, извозо - промышленники 1,7 тысячи, остальные хозяева, главным образом, ремесленных заведений.

По сравнению с фабрично - заводским пролетариатом чисто буржуазная группа является ничтожной величиной. Но при пассивности рабочих масс и при росте социального значения буржуазии (в неустойчивой социальной среде, возмущаемой частыми хозяйственными кризисами и колебаниями правительственной политики даже незначительное увеличение может иметь политические последствия) она может, привлечь к себе мелкобуржуазную массу, значительную часть служащих и интеллигенции. А рассчитывать на демократизм «нэпмановской» буржуазии вряд ли приходится. Если бы политическое движение в России возродилось под ее руководством, оно пошло бы скорее по пути фашизма, чем демократии. Впрочем, об этом мы будем говорить отдельно.

Для нас нет никакого сомнения, что для оживления демократического движения в городе необходима инициатива и деятельное участие в ней рабочих.

Между тем до сих пор пролетариат в массе своей *политически пассивен*. Класс, бывший застрельщиком в борьбе с самодержавием, умевший проявлять свою политическую волю в открытых выступлениях, демонстрировать свое отношение к режиму политическими забастовками, манифестациями и т. д. в годы революции, в настоящее время еще не осознал, повидимому, необходимости решительной политической борьбы за демократию.

Чем объясняется эта «пассивность» и как она может быть преодолена?

Обычно указывают на следующие причины подавленности, аполитичности и деморализации рабочих масс: тяжелые годы военного коммунизма, деклассировавшие пролетариат и приведшие его к грани физического вырождения; большевистский террор всех видов; усталость от гражданской войны, разочарование и отвращение к политике и т. д. Все это совершенно верно. История рабочих движения в капиталистических странах (в том числе и в России) знает те же периоды упадка после поражения и сильных кровопусканий. Кроме того, общеизвестно, что оживление рабочего движения, переход рабочих в наступление обычно происходит в периоды промышленных подъемов. Неудивительно, что разрушение промышленности во время военного коммунизма привело к замиранию рабочего движения. Но все же мне кажется, что ко всем этим причинам у нас надо прибавить и отсутствие той ясности классовых позиций, которая существует в любой стране, где господствует экономически и политически класс капиталистов или землевладельцев.

Механика классового движения пролетариата в современной России та же, что и при старом режиме, та же, что и в любой капиталистической стране: рабочие постепенно, на практике отстаивания своих повседневных, экономических интересов неизбежно должны прийти — и уже приходят — к пониманию важности политической проблемы. Но подойдя к ней они пока что останавливаются в недоумении и нерешительности, ибо им приходится сталкиваться не с помещиками, царской бюрократией и хозяевами — капиталистами, не с враждебными социальными классами, а с государством, которым управляет партия, желающая осуществить коммунизм, подавляющая — (а недавно и физически истреблявшая) буржуазию и помещиков и посадившая на ответственные посты не мало вчерашних рабочих.

Теория буржуазного перерождения большевиков разрешает все затруднения, объявляя что, борясь против государства — предпринимателя, рабочие борются против буржуазии, на которую работают большевики.

В весьма точной и вместе с тем осторожной форме эту точку зрения выразил меньшевик С. Шварц в «Социалистическом Вестнике»:

«Руководители коммунистической экономической политики, оказавшись в центре приложения новых социальных сил, взрощенных экономической эпохи напа, и не встречая сопротивления со стороны рабочего класса, все более превращаются в активных проводников антирабочей политики».

Совершенно верно, что большевики — хозяйственники, профсоюзники и партийцы (пресловутый «треугольник» или «уродливый союз», по выражению Томского) — проводят антирабочую политику.

Но не верно, что они делают это под давлением «новых социальных сил», то есть, напмаповской буржуазии — семи, восьми или десяти тысяч крупных и средних предпринимателей, фабрикантов и торговцев.

Роль частного капитала в промышленности пока столь ничтожна, что говорить о том, что в его интересах проводятся всевозможные нажимы на рабочих, невозможно.

По советским данным ценовая, частная промышленность давала в 1925 - 26 хозяйственном году всего 3,8 процентов промышленной продукции, тогда как государственная и кооперативная — 80,6 (остальное относится на долю мелкой частной промышленности).

По переписи 1923 года рабочих в частной (крупной и мелкой) промышленности было 216 тысяч из общего числа в то время — 1.735.643.

В ценовой промышленности до сих пор занято, следовательно, совсем незначительное число рабочих.

Громадное большинство пролетариата занято в государственной промышленности.

Каким образом столь слабый класс частных хозяев, в предприятиях которого занята лишь незначительная часть рабочих, может подчинить своему влиянию располагающее такой неограниченной властью правительство и заставить его давить на рабочих госпромышленности? Прибавим к этому, что по советским данным, у «частников» рабочие пользуются нередко лучшими условиями труда, что делает еще менее понятным их влияние на антирабочую политику правительства.

В действительности эта антирабочая политика является следствием 1) бюрократической оторванности диктаторствующей партии от масс, 2) культурной, технической и психологической неподготовленности того человеческого материала, при помощи которого она пытается «строить социализм», проще — управлять национализированным хозяйством, наконец, 3) стихией товар-

ного хозяйства, господствующей в большевистской системе «государственного капитализма».

Не отражая ни прямо, ни косвенно никаких «буржуазных» интересов, не становясь сами частными предпринимателями, ответственные руководители советской промышленности и торговли, старые большевики проникаются постепенно таким отношением к рабочим, которое на практике ничем не отличается от предпринимательского.

Это «перерождение психики» дается коммунистам без особого труда, ибо оно не противоречит всему духу большевизма, смотрящего на рабочих, как на пушечное мясо «мировой революции», требующего от масс безусловного подчинения «высшим» интересам диктатуры В. К. П., вообще холодно, сухо и безжалостно относящегося к человеческим жизням, к *сегодняшним* потребностям, нуждам, желаниям населения.

Если можно лишить рабочего свободы печати, слова и выборов, если можно держать его под политическим гнетом, то почему нельзя «сэкономить» на его заработной плате, на его здоровье, отдыхе и т. д.?

Нагромоздив ряд колоссальных ошибок, произведя бессмысленнейшие разрушения, не умея справиться с созданными ими затруднениями, коммунисты идут по линии наименьшего сопротивления и заставляют расплачиваться рабочих. Они испытывают при этом, конечно, влияние — на новых социальных групп — а старых, неисчезнувших навыков и широко распространенных частно-хозяйственных понятий, инстинктов и appetitов, от которых не свободен и сам пролетариат.

Социалистическая психология не импровизируется. До революционное рабочее движение не могло еще выработать сильных и многочисленных кадров, подготовленных к управлению общественным хозяйством, воспитать необходимое количество идейных работников, а те слабые зачатки, какие были (социалистическая и рабочая интеллигенция, кооператоры, земские и муниципальные работники) были большевиками разбиты во имя диктатуры и бессмысленной утопии «немедленного» коммунизма. Понятно, что «красные директора» в том числе и бывшие рабочие сплошь и рядом обрабаются с рабочими не лучше бывших хозяев.

Говорят еще: спещы, директора трестов, вообще высший хозяйственный персонал, вот он новый буржуазный класс, в борьбе с которым рабочие должны отстаивать свои права.

Любопытно, что особенно настаивают на этом наши буржуазные демократы. «Последняя Новости» постоянно указывают рабочим на то, что директора трестов защищают свои «тантъемы» Беда лишь в том, что из этого делается обычно вывод, что нужно отдать национализированные фабрики частным капиталистам.

Спрашивается, чем барыши промышленников лучше высокой оплаты директоров и спецов, тем более, что эти последние, разумеется, не хуже устраиваются и при частных капиталистах?

Тактическая слабость теории перерождения заключается именно в том, что изображая большевиков как проводников антирабочей политики новых капиталистов, она обычно требует вместе с тем восстановления полностью частно - капиталистических отношений и даже (Гарви) политического господства буржуазии.

Для возрождения политического движения пролетариата нет надобности создавать искусственные теории. Достаточно ясно «сказать то что есть».

В борьбе с капиталистической реакцией, с буржуазной диктатурой, с самодержавием политическая цель пролетариата ясна и легко усваивается самыми широкими массами. От борьбы за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, социальных страхований и т. д. он переходит к требованию расширения своих политических прав, ограничения и уничтожения политических привилегий господствующего класса, установления демократического режима, имея в перспективе завоевание государственной власти. Такова логика классовой борьбы.

Столь же ясная политическая перспектива должна быть поставлена руководителями пролетарской борьбы и теперь, если они хотят чтобы снова пришла в движение механика его классовой борьбы.

Те кто предлагают пролетариату вести классовую борьбу с эксплуатирующими его перерождающими большевиками, с тем, чтобы затем передать политическую власть и экономическое господство доподлинной буржуазии этой необходимой ясности не вносят.

**
*

Политическая сознательность русского пролетариата, особенно в передовой, крупной промышленности, его способность разбираться в политических проблемах, теперь на 10-ый год революции несомненно выше, чем в последние годы самодержавия и в начале 1917 года. Из непосредственного опыта революции, гражданской войны, смен властей, голода, военного коммунизма, крестьянских волнений он узнал больше чем из всех нелегальных брошюр и газет дореволюционного времени.

Большевистская монополия печати и устной пропаганды не смогла «обработать» его — особенно старое поколение — в той мере, в какой этого хотели бы, коммунисты, во первых потому, что социалистам несмотря на террор все время удавалось эту монополию нарушать, а во вторых — и в особенности потому, что коммунистическая хозяйственная политика не переставала все это время весьма больно бить по интересам рабочих.

Нельзя поэтому объяснять отсутствие широкого политического движения пролетариата низким уровнем его сознательности. Пролетариат, подобно интеллигенции, подобно крестьянству, переживает глубокий духовный кризис. Он перевидал за десять лет столько режимов, партий, фракций, программ, политических и экономических поворотов, что ему трудно загореться революционным энтузиазмом во имя одной из отвлеченных политических идей, как это бывало в старое время, когда силен был в нем элемент *веры*, когда он шел в бой самоотверженно за демократическую республику, Учредительное собрание, за диктатуру пролетариата, за мировую революцию....

К необходимости политической демократии, как такого режима при котором лучше всего могут быть защищены интересы рабочих, к необходимости ликвидации диктатуры В. К. П. и реорганизации советской экономики он должен прийти на опыте своей *новой* борьбы на почве этого *нового* строя

Неудачу большевистской революции передовые слои рабочих не могут не переживать, как в известной мере свою собственную трагедию, ибо они пошли одно время за большевиками, отчасти потому, что поверили им, отчасти потому, что пришлось выбирать между ними и «белой» контрреволюцией. Это тоже осложняет и замедляет процесс пробуждения *новой* политической активности.

Выше я сказал, что пролетариат пока что политически пассивен. Нужно однако сделать две серьезные оговорки.

Во первых в первый период большевизма рабочие не были пассивными, но их активность, отчасти, была направлена по ложному пути («национализаторское» поветрие, «подавление» несогласных, борьба с крестьянством и т. д.), отчасти растрачивалась в междоусобице, а затем была направлена на борьбу с контрреволюцией. В буквальном смысле слова «пассивным» пролетариат стал, когда он почти исчез из городов. Но и то к концу военно коммунизма он проявил себя весьма недвусмысленно: по признанию Зиновьева петербургских рабочих приходилось во время кронштадтских событий удерживать на фабриках под угрозой винтовок.

Первые два - три года НЭП-а пролетариат так сказать прятал в себя от всего пережитого и снова на время успокоился. Но вместе с промышленным подъемом «восстановительного периода» он начал оживать, становиться все требовательнее и возобновлять борьбу за свои интересы.

Годы 1924 и 1925 были так сказать переломными, п с тех пор начало уже развиваться стихийное рабочее движение, не принявшее еще формы политических наступлений на диктатуру В. К. П., но уже свидетельствующее о том, что период оцепенения кончился.

В 1924 году вспыхнуло в ряде промышленных центров, пер-

вое серьезное стачечное движение, вызванное, главным образом, запозданием в выплате заработной платы и низким ее уровнем. По свидетельству коммуниста Питковского в журнале «Большевик» (№13-14) рабочие во время этих стачек создавали свои самостоятельные организации, специальные комиссии, комитеты, делегации.

Громадное большинство этих стачек — 98,5% были начаты и проведены «без ведома, санкции и вопреки решению союзов».

Но особенно серьезное значение имели стачки 1925 г. Вспыхнув весной и в начале лета, они в общем, несмотря на репрессии закончились частичной, а местами и полной победой рабочих. Особенно широко стачечное движение было в текстильной промышленности, в московском и Иваново - вознесенском районах.

И на этот раз стачки проводились без ведома и без участия казенных профсоюзов. Но в ряде случаев, по свидетельству Угланова, рабочие коммунисты принимали в них участие на ряду с беспартийными, не донося следовательно по начальству и выступая против партийного, профсоюзного и хозяйственного «аппаратов».

Стачки эти были вызваны падением реальной зарплаты. Советская печать их сначала замалчивала. Но в половине июля профсоюзник Андреев и наркомгруд Шмидт вынуждены были о них заговорить (см. «Труд» 19 и 24 июля), и серьезность положения заставила профсоюзных «вождей» подумать о способах успокоения рабочих.

Летом 1925 г. возобновилось движение вверх зарплаты. Вместе с тем Томский и К-о стали «оживлять» «пролетарскую демократию». Рабочим удалось отстоять право более свободной критики профсоюзных чиновников. Выборы по спискам в профсоюзные органы, ненавистные рабочим, (как и крестьянам), были заменены «персональными». Начались перевыборы фабзавкомов, комиссий, цеховых делегатов и т. д. «Беспартийные» стали вытеснять коммунистов.

Согласно докладу Томского на 15-ой партконференции в 1926 году имеется по союзу 56 тысяч фабзавкомов с 226 тысячами членов. Из массы «низовых» работников коммунистов было в этом году 29,7%, вместо 36,2%, бывших в 1925 году.

В комиссиях на 642 тысяч членов коммунистов после перевыборов осталось 17,4%, вместо 24,3, а из 870 тысяч цеховых делегатов — 14,4%, вместо 22,1.

В общем состав фабзавкомов после перевыборов обновился свыше чем на 50 процентов, а местами эта цифра выразилась в 70-80 процентах.

Здесь на лицо несомненно громадное, хотя и мало «эффективное» и почти совершенно не политическое движение, значение и результаты которого *для рабочих, для их повседневной жизни* нельзя преуменьшать.

Как писал корреспондент «Социалистического Вестника» еще в июне 1925 года после стачек текстильщиков, на которые администрация потребовала ответить, (например в Иваново - Вознесенске) локаутами и индивидуальными увольнениями, рабочие сплошь «проваливали казенные списки на выборах в райкомы, делегатские собрания и профсоюзные органы»; бойкотировали казенные собрания и создавали собственные организации.

В корреспонденциях, помещенных в следующих номерах того же журнала отмечалось, что по профсоюзам и предприятиям стали возрождаться нелегальные ячейки, заводившие связи друг с другом и восстанавливавшие районные организации. Возникли они сплошь и рядом вне всякого влияния социалистических партий. Рабочие доходили так сказать «своим умом» до необходимости противопоставить казенным и омертвевшим профсоюзам свои живые рабочие организации. Приблизительно в это время коммунисты, которые замечают то, что приходит в жизни обычно лишь тогда, когда получают очередной удар, снова обратили внимание на то странное обстоятельство, что «беспартийные» не только смутьяны и «бузотеры», что сплошь и рядом они гораздо более культурны, грамотны и развиты, чем члены казенных комячеек. Спешно был поднят вопрос о вовлечении их активности «в советское русло».

И при помощи вышеупомянутых уступок удалось снова на время «успокоить» взволнованную массу.

Впрочем в этой стадии движение еще не выходило за пределы чисто экономических требований.

Корреспондент «С. В.» давал следующую любопытную характеристику его:

«Меньше всего следует переоценивать и предвосхищать события обманывать себя иллюзией нарастающего рабочего движения. Движения, как такового, конечно, еще нет. Есть начинающее пробуждение активности, выражающейся среди некоторых групп рабочих в попытках обороняться против резкого нажима на труд. Но о наступлении, о завоевании лучших экономических условий, политических прав рабочих сейчас не мечтает — нет сил! Он дезорганизован, обезоружен, обезсилен». («С. В.» 20 июня 1925 г.).

Однако, уже тогда в некоторых рабочих центрах выдвигалось требование свободных и тайных выборов, свободы печати и собраний.

А в ноябре 1925 года корреспондент «С. В.» уже констатировал:

«В рабочем пробуждается его былая активность, привычка отстаивать свои права... Рабочий особенно квалифицированный почувствовал свою нужность и не хочет позволять начальству из коммунистов садиться себе на шею... Увеличилась и смелость в коллективных протестах».

Осенью 1925-го года повышение реальной заработной платы достигло своего максимума приблизившись впервые, в среднем к довоенному уровню, (средний заработок промышленного рабочего до войны достигал 25 рублей в месяц: во время военного коммунизма он упал до *трех довоенных рублей в месяц*). Но начиная с осени началось резкое ухудшение, в связи с кризисом «восстановительного» процесса в госпромышленности.

В феврале 1926 года было решено произвести первые серьезные сокращения рабочих — на 70 тысяч человек. Профсоюзные деятели и Нарком труда Шмидт заявил, что о дальнейшем повышении заработной платы, о достижении довоенного ее уровня в этом году не может быть и речи (см. Труд от 4-го и 12-го февраля 1926 г.). «Нужно по одежке протягивать ножки», заявил Томский.

В действительности же «пролетарская» власть начала при помощи целого ряда мер *снижать* реальную заработную плату, одновременно, нажимая на рабочих с целью поднятия производительности труда.

Начался «прижим экономии», разгрузка предприятий от различных расходов в пользу рабочих — по содержанию яслей, домов отдыха; упразднение остатков бесплатных «коммунальных услуг»; ухудшение правил об отпусках; допущение малолетних к ночной работе; расширение сдельщины, (уже в марте 1926 в металлической промышленности 68,2% рабочих были переведены на сдельщину, в текстильной — 64,9, в химической 63,1, в рудниках — 61,8, в камменноугольной — 49,4); повышение квартирной платы; выматывание у рабочего последних сил при помощи сверхурочных работ, отказов в отпусках заведомо больным и т. д. и т. д. *)

Одним словом начался новый поход на пролетариат, который неизбежно вызывает новое сопротивление и заставляет начальство искать возможности сделать новые «успокоительные» уступки.

На этот раз рабочее недовольство проявилось, как известно, политически — через рабочую оппозицию внутри самой В. К. П. и, отчасти в искривленном виде через зиновьевско - троцкистскую фронтду.

Оно вынудило правительство обещать в августе 1926 г. новое увеличение заработной платы.

Но очень скоро выяснилось, что хозяйственники решительно сопротивляются этому увеличению. Комиссия, назначенная Совнаркомом долгое время не собиралась и лишь 21-го сентября Совнарком утвердил ее доклад, признавший возможность поднять на 10% заработную плату исключительно «для отсталых групп *позревших* рабочих, занятых на производстве».

Для всех сдельщиков, которых как мы видели большинство, не только никакого повышения расценок не было решено произ-

*) Томский сообщил на 15 конференции:

вести, но, наоборот Совнарком наметил общее повышение норм выработки.

Если прибавить все перечисленные сокращения реального заработка, то оказывается, что этой зимой десятипроцентное увеличение для меньшинства рабочих означает лишь приближение к прошлогоднему (1925) осеннему уровню, а для большинства жизненный уровень этой зимой *ниже* чем в прошлом году, особенно если принять во внимание новый рост цен на продукты.

Догадов, который, как ему полагается, уверял на последнем с'езде профсоюзов (см. «Известия» от 9 декабря), что зарплата достигает уж 98% довоенной (нищенской) должен был все же признать что она в истекшем году *отставала от роста производительности труда*.

Неудивительно, что наркомтруд Шмидт докладывал на том же с'езде о новом быстром росте конфликтов.

Между тем «уродливый союз» профсоюзов с дирекцией фабрик не исчез, а лишь принял новые формы. Томский говорил на 15-й партконференции.

«Перед XIV с'ездом мы имели следующую картину — так называемый треугольник, где единодушно сплоченно, перед лицом рабочих выступали директор председатель фабзавкома и секретарь ком'ячейки. Теперь же мы видим, что этот хозяйственный уклон — во всех случаях, везде поддержать хозяйственника: и тогда, когда он неправ, и тогда, когда он прав — профсоюзам в значительной степени изжит. Но они перешли на другую позицию и проявляют другой, не менее скверный уклон. Это можно документально доказать на ряде случаев, на ряде предприятий, в ряде профсоюзов и спорить по этому вопросу бесполезно. На основании последних обследований, на основании показаний рабочих выяснилось, что профсоюзники заняли другую вредную позицию. Они уже не защищают хозяйственников во всех случаях, но тогда, когда делаются явно неправильные вещи, когда требования рабочих абсолютно правильны, они остаются в стороне. Они перешли от активной поддержки хозяйственника всегда и всюду к пассивности в важнейших вопросах».

Делегат Боевский указывал на той же конференции, что «причиной вызывающей конфликты являются с одной стороны наличие бюрократических извращений в нашем хозяйстве, элементарные нарушения самых основных, законных прав рабочих, а с другой чрезвычайно слабая борьба союзных организаций с этими бюрократическими извращениями».

Орджоникидзе привел на последнем VII-м с'езде профсоюзов поистине чудовищные примеры советского «архибюрократизма» и «проклятой рутины». Советская бюрократия, не смотря на все сокращения, не перестает расти, и не смотря на все чистки, проверки, репрессии не улучшается, а ухудшается.

В своей ежедневной борьбе пролетариат все чаще и чаще сталкивается именно с этой чудовищной, но все же *советской*, а не капиталистической, и не дворянской бюрократией. Необходимость политической борьбы именно с ней, с государственной и административной системой ее порождающей, с властью на нее опирающейся выявляется все ярче и ярче.

Но для того, чтобы политическая воля пролетариата сосредоточилась на устранении этого чудовищного нароста, он должен иметь ясную, убедительную для масс политическую и социальную программу соответственную его *классовым интересам*. Он должен знать, что его борьба не послужит лишь средством для восстановления политического господства капиталистов и помещиков и нового ограничения его прав в интересах враждебных ему классов.

Поэтому выработка конкретной хозяйственной программы трудовой демократии является насущной задачей рабочего движения.

В. И. Сухомлин.

Политическое завещание Энгельса.

I.

В своей статье об Энгельсе, помещенной в « Kampf » (август 1924 г.), я упомянул о Предисловии, написанном нашим учителем, незадолго до своей смерти, в 1895 г., для нового издания брошюры Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г." Это Предисловие было последней работой Энгельса. Он подчеркивает в нем, что в 1848 году, он и Маркс придерживались еще того взгляда, что пролетариат может прийти к власти при помощи восстания незначительного меньшинства, "авангарда", как сказали бы мы теперь, становящегося во главе неосознательной массы. Последующие опыты заставили и его, и Маркса пересмотреть это воззрение. Они признали, что сама масса должна осознать смысл происходящего, прежде чем она с успехом сможет приступить к перестройке общественных отношений.

Немного лет спустя после того, как это Предисловие было напечатано, оно подверглось различным толкованиям, и вдруг него возгорелась ожесточенная борьба. И вот теперь, недавно опубликованная, новая работа заставляет опять, уже под иным углом зрения, обсудить это Предисловие.

Только что приведенное признание Энгельса казалось нам в то время, когда это Предисловие было написано, выражающим совершенно неоспоримую мысль. Она обосновывала необходимость социал - демократической практики, уже давно осуществляемой в жизни, в противоположность пережиткам якобинизма 1793 года, которые и в 1848 году, и некоторое время спустя оказывали воздействие на социалистически настроенных революционеров.

Однако, сейчас же после смерти Энгельса, возникло в нашей

партии так называемое ревизионистское движение, и Предисловие, составлявшее в известной мере политическое завещание Энгельса, стало предметом больших споров, ибо ревизионисты утверждали, что в нем Энгельс явился их предшественником: он де там же отказался не только от методов борьбы 1848 г., но и вообще от революции.

Против подобного толкования я выступил самым решительным образом. Я и сейчас уверен, что оно было ложным, но не время говорить об этом здесь. Другой вопрос дает нам основание снова заняться подробным рассмотрением Предисловия Энгельса.

Уже в 1899 году, а затем еще несколько раз, я имел случай цитировать письмо ко мне Энгельса от 25 марта 1895 г. относительно Предисловия:

“Мой текст несколько пострадал благодаря опасениям наших берлинских друзей, связанным с законопроектом о борьбе против стремлений ниспровергнуть существующий строй; при создавшихся условиях, я не мог, конечно, не считаться с этими опасениями.“

Большой интерес представляло, понятно, узнать, какой вид имел этот текст перед тем, как он “пострадал” благодаря долгому времени казалось, что первоначальная рукопись у наших берлинских друзей“. К сожалению, в тегибла. К счастью, она нашлась.

Ее разыскал деятельный и обладающий тонким нюхом руководитель “Московского Института Маркса — Энгельса“ Д.Б. Рязанов. В первой книжке выходящего на немецком языке научного органа коммунистов „Unter dem Banner des Marxismus“ (“Под знаменем марксизма“) март 1925 г., Рязанов опубликовал статью, посвященную Предисловию Энгельса, и сообщил в ней вычеркнутые фразы. Отныне они займут свое место в каждом новом издании Марксовой, “Классовой борьбы“.

Несомненно, Рязанов прибавил этим к своим большим заслугам в области изучения работ наших учителей новую. К сожалению, можно опасаться, что опубликованный полный текст, не прекратят спора относительно различного толкования Предисловия. Редакция журнала, где Рязанов поместил свою статью, кажется ему неудовлетворенной. По ее представлениям, она, очевидно, недостаточно ругает социал - демократию. Согласно вступительной статье, которой редакция открывает новый журнал, под знаменем марксизма можно сражаться лишь руководствуясь принципом “Диспута“ Гейне: “Каждое слово — ночной горшок, и притом не пустой“.

Этому похвальному принципу следуют наши благородные “знаменосные рыцари“ („Bannerherren“). Как известно, во времена феодализма так именовались те крупные ленные влад-

детели, которые одни имели право распускать знамя и нести его во главе масс. Нынешние рыцари, которые требуют для себя исключительной привилегии держать в руках знамя подлинного марксизма, рассказывают наивному читателю, что "живой марксизм"*) социал - демократии превратился в "мутные потоки", в которых они, на ряду со всякими прочими гнусностями, открывают даже "рафинированную порнографию" и "сексуальные сатурналии". Они изумляются "теоретическому бесстыдству и идейному беспутству теоретиков социал - демократии", которые готовы воспевать "фальцетом кастратов", все, что угодно, и заменить "материалистический марксизм идеалистическим навозом". "Против невыносимых подлостей" кастратов, предающихся сексуальным сатурналиям, "против теории скотских телодвижений" выступают в поход коммунистические знаменосные рыцари.

После того, как она нас во вступительной статье так обстоятельно и научно "обличила", редакция журнала считает, конечно, что выступление Рязанова недостаточно едко. Поэтому она сопровождает его статью примечанием, в котором, говоря о "вероломной тактике социал - демократических партийных инстанций", приводит замечание, сделанное будто бы Розой Люксембург в декабре 1918 года: "Как известно, Энгельс написал это Предисловие под давлением социал - демократической фракции рейхстага того времени". Редакция далее прибавляет, что "как всем достаточно хорошо известно, Предисловие Энгельса было Бернштейном напечатано в искаженном и фальсифицированном виде."

В той же книжке М. Лонский пишет по поводу статьи Рязанова: "На основании документальных данных, мы видим теперь, что опубликованное Бернштейном Предисловие Энгельса к Марксовой "Борьбе классов во Франции" было, вопреки воле автора, значительно искажено и грубо фальсифицировано". (Стр. 196.)

К сожалению, в Москве привыкли читать в документах не то, что в них есть, но то, что хотят в них найти. Так случилось и на сей раз, и это заставляет нас заняться ловкостью рук эти знаменосных рыцарей марксизма.

Редакция журнала "Под знаменем марксизма" могла прийти к своему "основанному на документальных данных" убеждению, лишь слудав различные документы и прибавив к путанице продукты собственной фантазии. Она перепутала выше мною цитированное письмо Энгельса от 25 марта с другим письмом

*) „Der ledendige Maruismns“—сборник, вышедший осенью 1924 г. и посвященный Карлу Каутскому, по случаю его семидесятилетия.

(Примечание переводчика).

его, датированным 1-ым апреля и мною также уже опубликованным. Вот что написано в нем по поводу Предисловия:

„К величайшему моему изумлению, я нашел сегодня в „Vorwaerts“ выдержку из своего Предисловия, которая напечатана без того, чтобы меня об этом предупредили, и притом в таком виде, что я оказываюсь мирным поклонником законности, во что бы то ни стало. Тем сильнее мое желание, чтобы Предисловие было напечатано в „Neue Zeit“ полностью, дабы смыть это постыдное впечатление. Я скажу по этому поводу совершенно определенно свое мнение Либкнехту и тем, кто бы они ни были, кто дал ему этот случай извратить мое мнение.“

Вот, следовательно, то, что возмущало Энгельса, в чем он видел извращение и фальсификацию, которые должны были про известны постыдное впечатление! Это была *выдержка*, которую „Vorwaerts“ привел из Предисловия Энгельса, чтобы обратить на него внимание. Эта выдержка была напечатана каким-либо сотрудником газеты выходившей под главным редакторством Вильгельма Либкнехта. „Партийные инстанции“, „социал-демократическая фракция рейхстага“ или, наконец, Эдуард Бернштейн, который тогда находился еще в Лондоне, не имеют ко всему этому ни малейшего отношения.

Не следует смешивать с этой *выдержкой*, которая появилась в „Vorwaerts“ самый текст Предисловия, которое помещено в новом издании „Классовой Борьбы“. В этом тексте кое-что было вычеркнуто, но не за стигмой Энгельса, а с его согласия. Сам Энгельс, а отнюдь не Бернштейн, опубликовал этот текст с сокращениями. И далекий от того, чтобы в этих сокращениях видеть искажение своих взглядов, Энгельс, напротив, просил меня опубликовать его текст в „Neue Zeit“, чтобы смыть позорное впечатление, которое, по его мнению, могла произвести выдержка в „Vorwaerts“.

Но об этой выдержке, напечатанной „Vorwaerts“, коммунистическая редакция ничего не говорит в своем примечании, когда она указывает, что текст Энгельса, благодаря предпринятым сокращениям, был искажен и фальсифицирован. Она смешивает выдержку „Vorwaerts“ и самый текст, опубликованный Энгельсом. Она относит ко второму то, что Энгельс говорил о первом, привлекает еще целый ряд лиц, которые не имеют никакого отношения к делу, и, таким честным путем, изобличает подлость, конечно, социал-демократов, а не их обвинителей — коммунистов.

Эти почтенные знаменосные рыцари „подлинного марксизма“ совершенно при этом не замечают, до какой степени они унижают Энгельса, считая его способным, под давлением кого

бы то ни было, будь то фракция рейхстага или иная "партийная инстанция", умалить настолько свое достоинство, чтобы писать не то, что он сам считал справедливым и правильным. Или же он спокойно допустил, чтобы кто-либо другой произвел сокращения над одной из его работ и опубликовал ее в укороченном виде, не испросив на это согласие автора.

К сожалению, и Рязанов как-будто разделяет этот взгляд: приведя некоторые сокращения, сделанные в рукописи, он говорит:

Если выше цитированные изменения могли быть сделаны самим Энгельсом, то следующее сокращение, на стр. 22, *вне всякого сомнения*, — дело *партийной цензуры*“.

Против подобного взгляда, который способен унижить память моего великого учителя, я должен протестовать самым решительным образом. Энгельс никогда не подчинялся никакому партийной цензуре. *В тексте Предисловия не было произведено никаких сокращений, на которые Энгельс не дал бы своего согласия*. Об этом свидетельствует его письмо ко мне, где он подчеркивает, что сам "считался" с опасениями своих друзей. Столь же мало был способен Энгельс к плаксивой робкости малодушного человека, который делает своим друзьям, по их просьбе, уступку, чтобы затем, за их спиной, жаловаться на них другим лицам.

Поэтому то я никогда не считал, что сокращения в Предисловии Энгельса равнозначны подлогам, или же, что они были сделаны без его ведома и против его воли.

В своей брошюре „Weg zur Macht“ ("Путь к власти") я уже имел случай ясно рассказать об этом. Как раз в тот момент, когда Энгельс писал свое Предисловие, наша партия находилась под угрозой нового исключительного закона. 5 декабря 1894 года был внесен законопроект о борьбе против стремлений ниспровергнуть существующий строй. 14 января законопроект был рейхстагом передан в комиссию, которая обсуждала его до 25 апреля. И, наконец, 11 мая он, по возвращении из комиссии, был окончательно отвергнут рейхстагом.

Пока дело не получило завершения, партийные инстанции считали необходимым, по мере возможности, избегать всего того, что могло быть использовано против нашей партии. При подобных обстоятельствах, берлинские друзья Энгельса просили его сократить в Предисловии, которое как раз должно было появиться, некоторые фразы, которые легко могли быть эксплуатируемы защитниками законопроекта, и выпуск которых мог быть произведен без ущерба для содержания.

Самые левые из нас понимали это тогда превосходно. Даже товарищ Роза Люксембург не сделала никакого возражения,

когда я в полемике против Зюдекума, в 1909 г. в „Neue Zeit“ писал относительно „бесхарактерного Энгельса“:

„Фридрих Энгельс никогда не написал ни одной строки, которая содержала бы уступку какому бы то ни было оппортунизму. Но, живя в Англии, он не считал себя в праве, перед угрозой исключительного закона, настаивать на опубликовании фраз, которые, как боялись его немецкие друзья, могли доставить партии трудности, последствия которых легли бы на нее, а не на него. Конечно, его поведение было совершенно лояльным.“
„Neue Zeit“, XXVII-ой год, 2-ая ч. 416 стр.)

Это поведение было не только лояльным, но и совершенно обыденным в эпоху преследований. Тогда каждый товарищ, обладавший чувством ответственности и знавший, что к его голосу прислушиваются широкие круги, следил за тем, чтобы каждое его слово было не только точно, но чтобы оно было сказано в такой форме, чтобы не вредить партии, если этого вреда можно было избежать. Кто поступал иначе, на того смотрели не как на героя, но как на легкомысленного болтуна. И при этом каждый охотно считался с советами опытных товарищей. Никто в этом не видел партийной цензуры.

Во всем этом речь шла исключительно о более или менее целесообразной *форме*, в которой выражалась мысль, а не о *содержании* ее. Насколько мне известно, никогда ни в одной социал-демократической партии не было того, чтобы „партийные инстанции“ предписывали своим членам, какие мнения можно высказывать и какие находятся под запретом. Сверх того, я не знаю товарища, который был бы на столько жалким, чтобы подчиниться подобному требованию.

Я знаю лишь *одну* социалистическую партию, которая позволяет себе подобные приемы, и делает она это самым решительным и успешным образом. Это как раз та партия, которая о себе заявляет, что она сражается под подлинным знаменем марксизма. И она смеет еще, непосредственно после дела Процкого, кричать о партийной цензуре у других!

II.

Достаточно только ознакомиться с фразами, которые, по предложению „берлинских друзей“, были вычеркнуты Энгельсом, чтобы признать, что это было сделано лишь с целью не дать материала защитникам исключительного закона, а совсем не из желания изменить характер Предисловия Энгельса.

Энгельс указывает, что развитие военной техники и расположение новых городских кварталов значительно уменьшили возможность для пролетариата одержать верх в уличной борьбе. Затем следовало:

”Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет больше играть никакой роли? Совсем нет. Это значит лишь, что с 1848 г. условия значительно изменились к невыгоде для восстающих граждан и к выгоде для военных. Таким образом, восстание может победить в будущей уличной борьбе только тогда, если эти невыгоды будут уравновешены другими моментами. Вследствие этого, уличная борьба будет иметь реже место в начале большой революции, чем в дальнейшем ходе ее, и должна будет быть предпринята с большими силами. Последние предпочтут, наверно, как это было во всей французской революции, 4 сентября и 31 октября в Париже, открытое нападение пассивной тактике баррикад“.

Эти строки не были напечатаны в 1895 году. Легко понять, что подобное обсуждение перспектив будущей уличной борьбы как раз в тот момент, когда шли прения по вопросу об исключительном законе, не казалось достаточно целесообразным. Но это же ни в коем случае не следует понимать в таком смысле, будто партия хотела запретить дискутирование данного вопроса при всяких обстоятельствах.

Я в этом отношении имею личный опыт. В своей книге о ”Социальной революции“, написанной в 1902 году, я исследую характер, который, вероятно, будет иметь грядущая революция, и прихожу к следующему выводу:

”Я мог бы почти сказать, что она будет менее походить на внезапное восстание против власти и более на продолжительную *гражданскую войну*, если только с ней не связывает представления о настоящей войне и о кровопролитии. Но у нас нет никакого основания предполагать, что *вооруженные восстания* с баррикадными боями и прочими военными эпизодами будут теперь еще играть решающую роль“ (48 стр.).

Во втором издании, вышедшем после первой русской революции, в 1906 г., я изменил эту фразу и объяснил это в предисловии следующим образом:

”Я не могу теперь столь же категорически утверждать, как я это сделал раньше (в 1902 г.), что воору-

женные восстания и баррикадные бои не будут более играть решающей роли в грядущей революции. Опыты московской уличной борьбы говорят слишком громко против этого утверждения”.

В самом тексте нового издания я говорю следующее:

“Русский опыт доказывает, что против *дезорганизованной* армии баррикадная борьба все еще может являться действительной, как средство доведения до сознания солдат того разложения, в котором армия находится, и, благодаря этому, полного уничтожения дисциплины“ (53 стр.).

Правильно ли это? Здесь не место сейчас это обсуждать. Одно лишь заслуживает наше внимание: Никакая партийная инстанция не пыталась никогда помешать мне опубликовать эти фразы или делать мне за них упрёки. Это — наиболее ясное доказательство, что вышеприведенный абзац Энгельса вызывал сомнения не сам по себе, но в связи с обстановкой первых месяцев 1895 года.

Приведенное место самое важное из всех вычеркнутых фраз. Прочие имеют меньшее значение.

На 16 стр. Энгельс говорит:

”И в романских странах все больше убеждаются, что необходим пересмотр старой тактики. *Повсюду представление о возможности начать восстание без предварительной подготовки отжило свой век*, повсюду следуют немецкому примеру использования избирательного права и завоевания всех доступных нам постов“.

Часть фразы, напечатанная курсивом, была вычеркнута. Быть может опасались, что ловкий крючоктввр сделает вывод, что отжило свой век только представление о восстании *без предварительной подготовки*, но не представление о подготовленном восстании. Смысл фразы не изменился благодаря сокращению.

На 17 стр. Энгельс обращает внимание на два миллиона избирателей, которые германская социал - демократия тогда насчитывала, а также на неимеющих права голоса молодежь и женщин, которые стоят за этими двумя миллионами: ”Они образуют самый многочисленный и самый сплоченный ”ударный отряд“, которым обладает международная пролетарская армия“. Он растет быстро и непрерывно. Затем следует:

”Поддерживать непрерывность этого роста до тех пор, пока он сам не перерастет нынешней правитель-

ственной системы, *не истощать сил этого непрерывно распущено ударного отряда в авангардных стычках, но сохранять их нетронутыми до решительного дня*, — вот наша главная задача. Существует только одно средство, чтобы на короткое время задержать или даже отбросить назад непрерывный напор боевых социалистических сил в Германии, это — столкновение в большом масштабе с армией, кровопускание в роде того, которое было в Париже в 1871 г. Современем и это было бы преодолено.) Ружьями уничтожить партию, которая насчитывает своих сторонников миллионами, для этого не хватит всех арсеналов Европы и Америки. Но нормальное развитие было бы затруднено, *ударный отряд, быть может, не оказался бы на лицо в критический момент, решительный бой* (в опубликованном раньше тексте было: решение) был бы отсрочен, отложен, соединен с более тяжелыми жертвами“.

В этом абзаце были вычеркнуты два места, которые напечатаны у нас курсивом. Причины, по которым были сделаны эти купюры, не достаточно ясны. Быть может, выражение “ударный отряд“ („ Gewalthaufe “) . напоминающее о насилии (Gewalt), хотя это слово означает только тактическое построение ландскнехтов? Или указание на грядущий “решительный день”, на “решительный бой“? Во всяком случае, и здесь вычеркнутые места не имеют существенного значения, смысл цели от этого не изменился. Все же и мы можем сожалеть, что эти места не попали в текст, но раньше всего потому, что они подчеркивали мысль, которая для нас именно теперь в высшей степени важна в нашей борьбе против коммунизма.

Я не знаю, не заметили ли знаменосные рыцари марксизма этого или они своих сторонников считают столь ограниченными, что надеются, что они не заметят. Во всяком случае, неприятный для них характер последней из отмеченных купюр не выступает достаточно ясно в их журнале, ибо абзац, помещенный выше полностью в журнале “Под знаменем марксизма“ напечатан не целиком, но разделен на две части, из которых каждая приводится отдельно. В оригинале обе части соединены фразой, заключенной в скобки. Она не приведена, но заменена замечанием: “Энгельс говорит о возможности кровавых репрессий со стороны господствующих классов“.

Простите, в опущенной вами фразе, Энгельс говорит значительно большее: Он выступает против тех революционеров, которые провоцируют столкновения с войсками и этим вызывают кровавые репрессии и еще худшее. Энгельс считает эту “рево-

люционную“ тактику единственным средством, которое способно задержать победу пролетариата.

Если взять цитированный выше отрывок целиком, с фразой, выпущенной коммунистами, то он окажется направленным самым решительным образом против тактики Третьего Интернационала и его туркестанцев.

Слова, выпущенные Энгельсом в 1895 г., если бы они остались в тексте, не ослабили бы, но, напротив, усилили бы смысл целого. Если же коммунисты всех стран этого не замечают и продолжают клясться полным Предисловием Энгельса к Марксовой “Классовой Борьбе“, то они лишь ясно показывают, какие они ангелы неведения. Ленин говорил бы об идиотах, если бы он мог найти или предположить что-либо подобное у своих противников.

Согласно сообщению Рязанова, в рукописи Энгельса было вычеркнуто еще одно место. Оно находится в абзаце, который он начинает словами:

”Приглашая прусских реакционеров ”свистеть“, Энгельс продолжает и т. д.“

Читатель найдет это приглашение несколько странным, и мы должны его раз’яснить. Энгельс объясняет, что противникам не удастся покончить с социаль-демократами, так как последние не дадут вовлечь себя в уличные бои и, держась рамок законности, наилучшим образом успевают при нынешнем положении. Таким образом, нарушить законность должны будут наши противники, если они хотят нас настичь:

”Господин Реслер, прусский бюрократ, и господин фон Богуславский, прусский генерал, показали им единственный путь, на котором еще можно настичь рабочих, больше не дающих вовлечь себя в уличную борьбу: нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму, *regis voluntas suprema lex!* Итак, господа, мужество, здесь недостаточно надуть губы, надо здесь свистеть!“ (18 стр.).

Я понимаю, что ”под знаменем марксизма“ трудно цитировать Энгельса, когда он говорит о преимуществах законности и предостерегает от вовлечения в уличную борьбу. Поэтому из всего абзаца остается только комическое приглашение ”свистеть“.

Обратившись с таким приглашением к нашим противникам Энгельс продолжает:

"Но не забывайте, что Германская Империя, как все маленькие государства и вообще все современные государства, создалась путем договора, договора, заключенного, во-первых, государями между собою, а, во-вторых, государями с народом. Нарушает одна сторона этот договор, тогда действие его прекращается, и другая сторона им связана, как нам это Бисмарк так хорошо продемонстрировал в 1866 году. Итак, если вы нарушите имперскую конституцию, вы развязываете этим руки социал-демократии, она может предпринять против вас все, что ей угодно. Что же именно она тогда сделает, трудно ожидать, что - бы она выдала вам свои секреты".

Курсивом напечатанные слова выпали. Вероятно, благодаря заключению, в которое именно вследствие его неопределенности можно было вложить самые ужасные угрозы. Какой - либо новой идеи в сокращенной фразе не было. Она представляет собою только применение вышензложенного и понятна сама по себе. Она не говорит также ничего такого, что было бы ново для нашей партии. В своей Готской программе 1875 г. она заявила:

"Германская рабочая партия стремится всеми законными средствами осуществить свободное государство и социалистическое общество и т. д."

Когда в 1878 году был издан исключительный закон против социаль-демократии, она ответила на это в Видене, в 1880 г., на своем первом съезде, который происходил после издания этого закона, приняв *единогласно* решение вычеркнуть слово "законными" из приведенной фразы. Свое право на незаконность ответить тем же она провозгласила и осуществила практически еще раньше, чем Энгельс написал эту фразу.

Мы покончили, таким образом, с последним из сообщенных Рязановым пропуском. Он достоин, конечно, благодарности за то, что нашел их, в особенности, за то, что теперь устранена всякая неизвестность относительно их. Мы ясно видим теперь, что было выпущено, и должен признаться откровенно, я был разочарован. Я ожидал совсем другого. Можно, пожалуй, подумать, что берлинские друзья Энгельса были чрезмерно осторожны. Но надо принять во внимание, что возможность возвращения исключительного закона против социалистов побуждала к осторожности. Ни в каком случае не была от нас скрыта тогда важная идея и не был ослаблен характер Предисловия, в котором не было вычеркнуто "Право на революцию", определенно в нем провозглашенное. Эта формула была много опаснее, чем все вычерк-

путые места, взятые вместе. Но она не могла быть опущена без того, чтобы не извратить всего хода мыслей, с которым она была тесно и органически связана, как нераздельная составная часть политического завещания Фридриха Энгельса.

Это завещание сохраняет в наших глазах, после того как оно восстановлено в полном виде, тот же характер, какой оно уже имело в 1895 году, без некоторых мест, нам тогда неизвестных: оно было и остается самым сильным обоснованием и оправданием социал-демократической политики и решительным осуждением тактики большевистской.

Восстановление фраз, вычеркнутых из Предисловия в 1895 году, не может здесь ничего изменить.

Карл Каутский.

Переведено Бор. Скоморовским

В Е Е Р

(Журнальное обозрение)

(Монархические журналы: Русская Правда, Правое Дело, Русский Стяг, Бирюч, Высший Монархический Совет, Общий Путь, Державная Русь, Вестник Легитимизма, Луч Света, Двуглавый Орел. Националистические журналы: Вестник русского Национального Комитета, Борьба за Россию, Родная Земля, Призыв; Р е с п у б л и к а н с к и е ж у р н а л ы : Свободная Россия, Бюллетень Р.Д.О.,Новь. Крестьянские журналы: Крестьянское Дело, Крестьянская Федерация, Крестьянский Путь, Вестн.Всерос. Крест. Союза, Вестн. Крест. России. Социалдемократические журналы: Социалистический Вестник, Бюллетень заграничной Делегации Р. С. - Д. Р. П., Заря, Независимость. Э с е р о в с к и е ж у р н а л ы : Pour la Russie, Russia del lavoro, Es.Eg. la Russie opprimée. Современные Записки, Воля России. «Революционная Россия» Л е в о - э с е р о в с к и е ж у р н а л ы : Знамя Труда, Знамя Борьбы. А н а р х и ч е с к и е ж у р н а л ы : Волна, Анархический Вестник, Дело Труда...).

В начале этого года в «Воле России» я написал обзор русской зарубежной литературы за 1925 год в форме письма на родину. Мне удалось узнать, что такая литературная форма нашла сочувствие там. Больше того: в своем письме я обмолвился фразой — «у нас за рубежом как никак около ста газет, до столько же, если не больше, журналов от самых левых, анархических, до крайних черных —, монархических». По этому поводу меня просили написать подробнее, а потому я посвящаю свое второе письмо зарубежной журналистике.

Наши советские читатели, принужденные знакомиться с различными вопросами науки и жизни исключительно по правительственной большевицкой литературе, с интересом относятся ко всему тому, что дает свободная зарубежная русская мысль. Но следить в С.С.С.Р. за всем, выходящим за границей, совершенно

невозможно; лишь члены Г.П.У., да и то ответственнейшие из них, в служебном порядке систематически читают эмигрантскую литературу. Даже государственные библиотеки, обязанные, казалось бы, с научными целями подбирать все русские издания, не имеют этой литературы. Иногда только случайные номера различных журналов попадают к интересующемуся свободным словом. Вот почему я считаю полезным для наших русских читателей дать в одном письме обзор всей зарубежной русской журналистики, дабы всю ее развернуть веером — от монархистов-легитимистов до анархистов-безвластников. У такого обзора есть свои минусы и плюсы. Минус — это вынужденная краткость характеристики каждого из журналов; плюс — цельность картины. Я соблазняюсь последним. В моей картине вы найдете всевозможнейшие краски — от самых черных до ярко-красных. Могут быть глубоко неприятны человеконенавистнические взгляды правых изданий и казаться совершенно утопичными анархические, но, все таки, несмотря на это я предпочту в целом игру таких спектров, чем всякое казенное «единомыслие», о котором даже в старорежимные времена мог писать только сатирик, как о сумасбродной идее. Здесь, за рубежом, мысль, во всех ее проявлениях — уродливых и хороших, там — мертвая догма.

Я не собираюсь дать обозрения всей эмигрантской периодики. Это не по силам сделать в журнальной статье: одних газет с 1919 года вышло свыше 700 и журналов свыше 300. Моя задача скромнее: дать обзор только выходящих в настоящее время политических журналов (в 1926 г. вышло около 100 журналов); об изданиях же прошлого времени буду говорить постольку, поскольку они связаны с настоящими, как их предшественники, или если они особенно типичны для какого-нибудь политического направления.

Если начать обзор монархической журналистики с ее крайних проявлений, то в этом отношении все преимущества за *«Русской Правдой»*. Журнал называет себя «Голосом вольной русской национальной мысли» и выходит с лозунгом: «коммунизм умрет!». «Россия не умрет!»; издается он с 1922 года, хотя и не регулярно, место издания и ответственное редакторство не указывается. Первые номера печатались на тонкой хорошей бумаге и внешне напоминали собою «Освобождение» Струве. Последние номера имеют уже более убогий вид. Иногда для экономии текст печатается даже на сгибах журнала (в каждом номере 16 страниц). Все издание предназначается для отсылки в Россию и в интересах распространения на своих страницах имеет обычный для нелегальных изданий аншлаг: «Читайте сами и передавайте дальше».

В статье «Отчего наше слово доходчиво» редакция гордо заявляет, что против всей большевицкой бумажной горы» стоит одиноко наш единственный вольный журнал, наша русская правда». Но несмотря на такое заявление, косвенные признаки заставляют думать, что этот журнал чисто эмигрантской мысли и в России он не имеет ни распространения, ни отклика. Правда, в журнале печатаются статьи под такими, например, заглавиями: — «Берегитесь красной дьявольской сети» за подписью «тайного русского братства пастырей и мирян города . . . — «Миколай Миколаевич, письмо воепсепца «из России», — «Будет валять дурака», корреспонденция сознательного крестьянина Пензы, — еще «Русская линия в красной склоке», автор ея первый тайный русский союз советских служащих, и даже «Письмо из Г.П.У» какого то Особуполномоченного Г.П.У и т. п. — Но стиль и содержание этих статей носят чисто эмигрантский характер, они не имеют ни малейших признаков местного русского творчества, нет в них русского колорита. Не нужно быть особенно догадливым, чтобы отличить статью, написанную в Мюнхене, Будапеште или Белграде, от корреспонденции из Пензы. Кроме того, риска не особенно ошибиться, можно предположить, что под различными военспецами, советскими служащими, особуполномоченными и т. д. кроется не только эмигрант, но и один и тот же автор.

Вся положительная программа этого журнала заключается в безоговорочном признании вождя, а пафос его в призыве: «Смыкайтесь все вокруг имени общерусского вождя, великого князя Николая Николаевича. Только он расчистит дорогу к поставленному всем народом царю, Богом указанному Хозяину Земли Русской!». Имя Николая Николаевича внесено даже в текст «русской присяги», выработанной каким-то Высшим Кругом Тайного Братства Русской Правды. Почти каждая статья журнала кончается призывом, связанным с именем Николая Николаевича. Что касается политической или социальной платформы, то в этом отношении журнал вполне довольствуется известным политическим заявлением Николая Николаевича, сформулированным в 9 пунктах и начинающемся словами: «Россия жива верой, будет жить верой, и эта вера спасет ее». Редакция избегает статей, касающихся разрешения вопросов будущего устройства России; содержание же многочисленных «корреспонденций» и передовых сводится к двум основным положениям: 1) в прошлом все было хорошо, 2) теперь необходимо только *жить*. А потому второй отличительной чертой Русской Правды является ее словесный безудержный боевизм. Один из последних номеров журнала начинается с призыва: «Да здравствует русский террор». Привожу ударное место из статьи, посвященной этому призыву, за подписью «Братство Русской Правды»: «Когда мы, русские, поняли эту правду (т. е. правду об обмане большевиков), то стали скрежетать зу-

бами от ярости. И тогда пошли по всей России местные народные восстания, и отдельные комиссары то тут, то там стали падать от руки народных мстителей... И все таки эта власть еще держится. Отчего же это так? Причина — простая! Оттого, что бьют не по лошади, а по оглоблям, не по комиссарской «головке», а по комиссарскому третьему сорту... Русский народ! Плюнь на коммунистическую мелочь, бей крупных комиссаров. Не гонись за красной плотвой, прицеливай острогу в красную щуку!... Буди, бушуй, русский гнев! Выше поднимайся, острый и ясный топор народной мести! Бей по черепу коминтерна, бей по комиссарской головке!» и т. д.

Не оставляют без внимания эти большевики справа и социалистов. Повторяя в тысячу первый раз эмигрантскую сплетню о переговорах коммунистов с меньшевиками и всерами, Русская Правда выражает надежду, что — «господа высшие комиссары всех оттенков и направлений, закончив свою склоку, найдут свое окончательное партийное единство на единственной достойной их платформе — виселице».

«Русская Правда» не была бы настоящим монархическим органом, если бы ее словесность не сдабривалась самым ярким антисиметизмом. Конечно, они считают, что все несчастье России в еврейх, а потому, пока цел «драгоценный мозг еврейства», до тех пор «несчастной России не избыть ненавистой ей власти».

Я думаю, что этих небольших цитат достаточно, чтобы составить себе представление о «боевом» тоне журнала. Вспоминаются листки «Союза Русского Народа» царских времен, или большевицкая литература 18 и 19 годов, в которой печатно делались призывы к убийству буржуев за то только, что они буржуи. Есть в журнале отдел и «По белу свету». В нем, конечно, излагаются подвиги Муссолини и Примо де-Ривера, а об английских углекопах пишется, что они «с жиру бесятся и по лени не желают работать».

Вслед за Русской Правдой следуют два кирилловских органа: «Русский Стяг» (Белград) и «Правое Дело» (Нью-Йорк), которые по своей экспрессии не уступают николаевскому журналу.

«Правое Дело» — орган «Союза Единства России», издается в Нью-Йорке Б. Бразодем, в виде тетрадок в 16-20 страниц. Журнал выходит не регулярно. Программа журнала: — «Высочайший манифест 31 августа 1924 года» Кирила 1-го. В передовой говорится, что нужен «Царь не по людскому хотению, а по милости Божией и по указанию закона государственного. Царь выше всех, царь — общий для всех вместе и для каждого в отдельности, только такой царь может вдохнуть возрождающуюся жизнь России могучей силой единства, для царства не на срок, а на вечность. Только царь в силах водворить на Руси законность, право, порядок, и мир и тишину». Это идеология журнала, а безопаца-

ная гуманность—предлагаемый им метод действия. «Правое Дело» считает, что «Есть моменты в истории, когда беспощадность равносильна гуманности». Поэтому Бразоль предпочитает «попелить в общей сложности, скажем, пять тысяч отъявленных негодяев, которым самой природой суждено висеть, и которые, вероятно, даже любят висеть, так же как карась любит, когда его поджаривают в сметане». Разве это не напоминает слов Ленина в 1917 году о том, что для водворения коммунизма достаточно убить несколько тысяч буржуев?

В этом же журнале «Генерал-Майор, граф Артемий Ив.-Спиродович» предупреждает все христианские государства, что «тайное иудо-монгольское мировое правительство (Скрытая Рука) готовит убиение христиан-правителей и замену их сыновьями дьявола, нападение на соседей (чтобы вызвать в Россию японцев или китайцев, якобы на помощь русским войскам) и везде направливают цветнокожих на белых. Удастся одна из этих бед — и все остальные последуют. Тогда Япония, Мексика и Англия будут брошены Скрытой Рукой на Соединенные Штаты». Думаю, что всякие комментарии к таким политическим прогнозам излишни, но они характерны для культурного и политического уровня монархистов.

Откликается «Правое Дело» и на Зарубежный С'езд. Редакция говорит, что ей «стыдно» за участников С'езда, потому что «заправила С'езда явил в во всем блеске свое политическое ничтожество и лишней раз доказали, что революция ничему их не научила и ничего к их закостенелой психологии не прибавила». Правое Дело недоволено, что С'езд обошел Кирилла и что «уже совсем ни к селу ни к городу припутали к парижскому пикнику престарелого Великого князя Николая Николаевича, который ни о чем и другом и не заботится, как только, чтобы его оставили в покое».

Как видите, «Правое Дело» довольно мягко относится к конкуренту Кирилла, Николаю Николаевичу, но зато «Русский Стяг», «орган железного союза долга и чести», «газета русских фашистов» — ближайшими сотрудниками которой являются «Председатель Верховного Совета и Командор русских фашистов», Сергей Бехтеев и «Духовник Корпуса Русской Императорской Армии и флота» протоиерей Востоков, — весь пыл своих редко выходящих номеров направляет на борьбу с Николаем Николаевичем, причем по адресу последнего в своих выражениях отнюдь не стесняется. Востоков определенно заявляет, что главарь зарубежного С'езда «клятвопреступника вождем нарекли себе» (курсив Востокова, «Русский Стяг», № 9, 1926 г.). В заметке же из Мюнхена сообщается, что Николай Николаевич неблагоприятно и по части еврейства: «Великий кн. еще не король, но перспектива стать национальным вождем России манит его неудержимо. Однако, при нынешней политической конъюнктуре для

овладения сердцем международных политиков нужны не католические массы, а.... молитвы и благопожелания еврейских раввинов в синагогах». Дальше же сообщается, что окружение великого князя вошло в переговоры с знаменитым еврейским банкиром Шпейером на предмет получения для дела вождя соответствующей финансовой помощи. Шпейер же, по сведениям «Стяга», связан с американскими финансистами Варбургом и Шиффом, помогавшим в свое время русским революционерам (см. Русский Стяг, № 8).

В том же номере «Русского Стяга» прот. Востоков обращается с большим «пастырским увещанием к сердцу и совести» Николая Николаевича, в котором напоминаются «события из деятельности последнего на государственном и военном поприще». Кирилловец обвиняет Николая Николаевича и в событиях 1905 года, и в возникновении войны с Германией, и в революции 1917 года, и во всех «дальнейших несчастьях». Он был главным идеологом, «безумнейшей и несчастнейшей из войн в истории человечества», несмотря на то, что «еще в 11-ом году на одном из масонских с'ездов было решено в июне 14-го года зажечь войну между Россией и Германией, во время войны произвести в России переворот в пользу демократической республики, русского царя заточить, потом раздавить ослабленную в войне Германию, насадить республику и в ней, выславши императора Вильгельма из пределов отечества». За все свои «военные подвиги» Николай Николаевич должен быть судим, а вместо этого он, «прелюбопытно проживает в облагодетельствованной им за счет моря русской крови предательской Франции и безмятежно мечтает о своем владычестве». В заключение Востоков грозит князю Божиим Судом, неподкупным и нелецеприятным. Предательству и измене Николая Николаевича «Русский Стяг» посвящает даже стихи. Сергей Бехтеев переложил в стихотворную форму одно из писем царицы, в котором она жалуется Николаю II-му:

Дядя и люди твои приближенные
Сеют и множат в толпе клевету,
Тянутся к власти их руки преступные,
Манит их трон и сияние венца.

Совсем как у большевиков. Там на помощь Сталину для развенчивания вождей оппозиции приходит с своими баснями Демьян Бедный, здесь — Бехтеев.

Самих большевиков кирилловцы как бы забывают. У них слишком много своих ближайших врагов, чтобы гоняться за дальними. Если первый удар наносится Николаю Николаевичу, то вся тяжесть второго удара направлена на зарубежное высшее духовенство, не желающее помянуть Кирилла в церкви. И здесь кирилловцы ничуть не уступают большевикам в приемах развенчивания

«оппозиции». Иерархи Карловацкого собора обвиняются в корысти и политиканстве, митрофорной демагогии, в окончательном распоясывании и честолюбивой гордыне, в поступлении на содержание совета Послов, жидо-масонских капиталов и «популярных вождей» ограбивших вверенную им казну Добровольческой Армии». Обращаясь к истории, Кирилловцы находят, что прав был Петр Великий, упразднивший патриаршество в России и твердой рукой обуздавший алчный аппетит высшего духовенства: «В самом деле, спрашивается «Русский Стягъ», за какими самозванцами — Пугачевым, Тушинскими ворами и Гришками Отрепьевыми современных нам смутных дней не ходили только охотно и отзывчиво наши аполитичные владыки, за кого не молились... и только теперь для них стало почему-то невозможным и нежелательным признавать и молиться за законного правопреемника венценосных и богоносных хозяев земли русской!... Неужели и впредь в наших храмах будут лицемерно возноситься перед Всевышнего кощунственные компромиссные молитвы за анонимного, безликого и загадочного вождя, в угоду бунтарям и предателям нашей родины!». Имена крайних правых митрополитов - николаевцев — Антония и Антонина — для кирилловцев являются синонимами потусторонней русской живоцерковщины, а устроители зарубежного Съезда — жидомасонами, врагами царя небесного и царя земного.

Приведенными выдержками, можно сказать, достаточно характеризуется весь пафос «Русского Стяга», выходящего под лозунгом «За веру, царя и отечество».

Наряду со Стягом в Белграде выходит один раз в две недели «*Бирюч*» (с июня 1926 года). Эта газета от Стяга отличается более спокойным тоном, но все таки и она весь свой огонь сосредоточивает на Николае Николаевиче и Зарубежном Съезде, указывая на безпринципность и пагубность их позиции. А между тем счастье так возможно: «при признании всей эмиграцией Императора Кирилла Владимировича законным царем и при сплочении ее вокруг него, государства, в которых депонировало русское золото (Америка, Англия и Франция) правительство покойного государя Николая II-го, имели бы формальную возможность передать эти капиталы Государю...». Все дело в деньгах...

Вторым николаевским журналом является еженедельник «Высший Монархический Совет» (Берлин). Это листок в 8 страниц, изданный в 1925 году в количестве 5 номеров (с № 138 по 142), а в 1926 году всего лишь в количестве 1-го номера. Главным вдохновителем журнала является Н. Е. Марков. Во всех статьях журнала за эти годы отстаивались следующие основные положения: созыв зарубежного съезда нужен исключительно с целью безоговорочного признания вождя, без принятия какой-либо политической или социальной платформы. Этот съезд должен состояться единственно ради укрепления и усиления власти вер-

ховного вождя, так как необходимо «готовиться к суровой диктатуре, т. е. к временному отрицанию силы Права и к сознательному подчинению праву Силы».

Но наряду с укреплением власти светского вождя, Марков также настойчиво ведет борьбу за безусловное признание за границей и власти духовной, церковной, в лице «старейшего владыки», Митрополита Антония. «Довольно лицемерия и пустосвятства!» восклицает автор статьи «в Соборе спасение» (№ 140). В этой статье доказывается, что Высшая Церковная власть не может существовать в боготорческом государстве С.С.С.Р. и должна временно пребывать за границей. Все распоряжения умершего Патриарха Тихона или заподозриваются как поддельные, или считаются не имеющими обязательной канонической силы. А потому единственное спасение православия в заграничном церковном соборе и выборе им «из среды своей достойнейшего и чистейшего архипастыря для временного замещения ныне впусе пребывающего места патриаршего». Такое энергичное стремление к созданию за рубежом высшей светской власти в лице вождя Николая Николаевича и высшей церковной — в лице местоблюстителя, Митрополита Антония, объясняется убеждением журнала, что в самом ближайшем времени (новогодняя статья указывала на 1926-й год) неизбежен военный поход Европы, и в частности Англии, против С. С. С. Р., а «мы русские люди не должны быть захвачены врасплох».

Как видим, два николаевских печатных органа поделили между собою роли: «Русская Правда» указывает на способы борьбы внутрироссийского характера, а «Высший Монархический Совет» — ведет заграничную политику, собирая силы зарубежом. Для полной характеристики литературного облика журнала нужно сказать, что и в своей словесности он не отстает от монархических собратьев. «Безмозглая русская интеллигенция», «еврейский гвалт», «масонские сигналы и ложи», «шабестои» и т. п. выражения пестрят в каждом номере еженедельника.

Журналом, пытающимся объединить кирилловцев и николаевцев, является орган герцога Лейхтенбергского «Общий Путь» (начал выходить во второй половине 1925 года в Париже). В подзаголовке этот журнал назван органом «Объединенной монархической мысли», но в действительности он является органом и целой организации, так называемого Сома (Союз объединения монархистов), декларации которого печатаются в «Общем Пути». Цель Союза — воссоздание единого монархического фронта. Но так как «у русского монархизма в эмиграции нет единого общепризнанного главы и не установлена для него неоспоримо и личностно будущего императора всей России», то надо, чтобы каждый монархист забыл на время о своем кандидате, как бы искренно он не был уверен в правильности своего убеждения» (№ 1 «Об-

щего Пути»). Конечно, такая позиция журнала не могла понравиться кирилловцам и николаевцам. Высший Монархический Совет назвал «затею» грецога Лейхтенбергского «особенно вредной». Но это объединителей нисколько не обезкуражило, тем более, что журнал допускает мысль о спасении Николая II-го и всей его семьи. Граф Голицын-Муравьев «твердо уповает», что Николай Александрович жив: он даже оправдывается за свои слова: «уверенно предполагая, что царь жив, я не создаю тем для его Величества какой-либо опасности, ибо большевики знают это гораздо лучше меня. Они не знают, где он находится. Я этого тоже не знаю. Никто этого не знает и не должен знать, пока время тому не наступит». Здесь же автор резко выступает против какого-либо конституционного ограничения самодержца: «русский народ не потерпит дробления царской власти, ни раздачи ее, ни расхищения... Нам нужен государь, а не подобие государя... Самодержец не подчинит своих вдохновений губительным советам заскоружливо-мыслящих». Не встретив себе сочувствия «Общий Путь» в настоящее время уже прекратился.

Вот и все выходящие за последнее время монархические издания. Для интересующихся этой литературой необходимо указать еще на следующие журналы, выходившие в прежние годы. «*Державная Русь*» издавалась под редакцией Кудрявцева в Константинополе в 1921 и 1922 годах. Вышло 4 номера размером 16-20 страниц. В номере 1-ом журнала напечатан интересный «Очерк русско-монархического движения после революции 1917 года». «*Вестник Русского Монархического Обединения в Баварии*», потом переименованный в «*Вестник Легитимизма*», издавался в Мюнхене в 1923 и 1924 годах и занимался, главным образом, пропагандой и подготовкой провозглашения императора Кирилла I-го. Всего вышло 18 номеров этого журнала, в виде тетрадей в 20-30 страниц. «*Луч света*» начал выходить с 1919 года в Берлине под редакцией Сергея Таборицкого (убийцы Набокова): с номера 4-го журнал подписывается Вейнбергом. Место издания — сначала Берлин, потом Мюнхен и в 1925 году Новый Сад (Югославия). Всего вышло 6 номеров, причем первые два номера размером по 100 страниц, следующие — около 400 страниц и последний — 130 страниц.

В первых номерах журнал показал себя просто монархическим и только в номере 4-ом была напечатана статья, обосновывающая права Кирилла на престол. Но зато с большей определенностью уже в первом же номере редакция высказалась по поводу методов действия для спасения России. Некто Ф. В. совершенно откровенно заявляет следующее: «с сомнением неуча вообразившего себя ученым и всезнающим после прочтения своих двух книжек, с наглостью и нахальством хама, получившего силу, влияние и значение, русский рабочий необыкновенно легко и быстро пре-

вратился в то беспощадное, злобное и жестокое, бесконечно вредное для человечества социалистическое животное, с которым бесплодны были какие-либо уговоры или увещания, который по-лежит истреблению, как бешеная собака» (стр. 61, № 1).

Наибольшее свое внимание «Луч Света» уделяет борьбе с масонством и еврейством. Две трети № 3-го в 347 страниц посвящены евреям, причем целиком перепечатана книга Нилуса «Великое в малом». № 4-й содержит большую статью Ильина «Великий заговор», посвященный масонам и евреям. Статьи по этим вопросам носят чисто погромный характер, с бредом людей, одержимых определенной идеей-фикс. Редактор журнала, Вейнберг, заключает весь этот бред своим маниакальным сожалением о том, что в прошлом устранивались недостигавшие цели «местные укороченные погромы», а не был организован «один общий, радикальный, все-испепеляющий, очистительный погром». Всему этому погромному бреду предпослана передовая статья того же Вейнберга, с увещанием к монархистам не распыляться по различным партиям и группам из-за вопроса о претендентах на престол, а признать законного наследника династии, причем увещания обильно снабжены текстами из Евангелия и угрозами по адресу сатанистов. Наконец, в этом же номере крпшловец Сергей Бехтеев посвящает свое стихотворение «Дорогим узникам» Шабельскому-Борк и Таборицкому (убийцам Набокова). С пафосом поэт восклицает:

Вершите ж бодро подвиг свой терновый
Ваш крестный путь благословляем.

Наиболее содержательным монархическим журналом является «*Двуглавый Орел*», издававшийся в Берлине с сентября 1920 года по июль 1922 года; всего вышло за это время 31 номер, по 48 страниц каждый. Журнал выходил в то время, когда монархисты еще не раскололись так резко на два лагеря. Это было время влияния Рейхенгалльского Съезда, время разрешения общих вопросов монархического движения. Правда, и в «Двуглавом Орле» очень много уделяется внимания евреям, масонам и «недовешенным социалистам» (у большевников недорезанные буржуи), но наряду с этим разрабатывались и вопросы монархической идеологии. Но распря из-за претендентов (в последнем номере уже называется имя Николая Николаевича) положила конец этому журналу.

От ультра черных красок монархической литературы переход к другим цветам лежит через так называемую «националистическую» литературу. Будучи по существу правыми, националисты не считают целесообразным в настоящее время отстаивать какую-либо форму правления для России; они ставят перед собою лишь две главные задачи: 1) непримиримую борьбу с большевиками и

2) пропаганду надпартийности и коалиции всех антибольшевицких партий для борьбы.носителем этого направления является Русский Национальный Комитет, а литературным органом «Вестник Русского Национального Комитета» (Париж). Наиболее активными членами этого Комитета являются политические деятели, связанные с белым движением и в эмиграции поддерживавшие Врангеля и его армию. По признанию одного из членом президиума Комитета, В. Л. Бурцева, Национальный Комитет составлен, главным образом, из элементов или умеренных, или правых, а потому вопрос «о коалиции и надпартийности обстоит далеко неблагоприятно» (№ 11). Национальный Комитет признает вождем Николая Николаевича и «всецело разделяет основные положения, которые были изложены в политическом заявлении Николая Николаевича» (см. статью «Сводка программных положений № 11»). Отношение к Зарубежному Съезду у Вестника тоже положительное: «Съезд сделал свое дело — он показал, что русская эмиграция жива, что она полна сил и что ее горячий патриотический смысл не примирится с господством коммунизма в России». Но вместе с тем националисты, будучи тесно связаны с монархическими кругами, боятся их звериной природы, их натиска и безудержности в борьбе за власть. Поэтому устремления националистов направлены к тому, чтобы придать правому движению культурный вид.

Главным идеологом Национального Комитета является А. Н. Карташев. Его передовая статья в № 11 Вестника «Кризис белого движения» вся состоит из увещаний забыть о реставрации и признать, что революция есть явление политическое, а не просто бунт, укрощаемый штыками и нагайками. Вместо вислиц и погромов Карташев проповедует «кулак политического просвещения и культуры». Правда, наряду с кулаком просвещения он признает и просто кулак Кутепова, Врангеля и Николая Николаевича, но оба эти кулака должны сочетаться в европейских культурных формах. Карташев старается возродить белое движение и вместе с тем признает, что «старик» на это неспособны. Поэтому автор горячо призывает к молодежи, которая «спасет и своих водителей и вождей от грозящих им безысходных тупиков и опасного родства и товарищества со старорежимными залежами зарубежья». Молодежи пора самоопределиться и развернуть свои знамена и на них определенно написать: «мы не за реставрацию, мы не за старых господ и не за возврат их имуществ». И положительно: «мы за освобождение воли народа и за свободное устройство России по воле народной». Но осуществление всех этих хороших лозунгов Карташев считает возможным совершить все таки руками Николая Николаевича, Врангеля и Кутепова.

Если националистам не удалось осуществить коалицию в Национальном Комитете, то в этом отношении сделан большой

шаг при организации редакции нового журнала «*Борьба за Россию*» (Париж). Здесь объединились лица из Национального Комитета с одной стороны — Бурцев, Карташев и Федоров, с другой стороны — народные социалисты Мельгунов и Полнер, а также бывший недавно мялюковец П. Рысс. В только что вышедшем № этого журнала Редакция так определяет свои задачи: «мы зовем к непримиримости. Мы зовем к борьбе. Но пути и средства борьбы различны: Все ли они приемлемы для нас? Мы не можем отвечать на этот сложный вопрос издали, вне конкретной обстановки. В борьбе с большевиками для нас первейшее — пробуждение в России чувства активности, создание той напряженной атмосферы, которая в природе знаменует собою всегда приближение грозы. Мы ничего не хотим навязывать отсюда. Мы хотим протянуть нить, которая связывала бы нас с Россией, и питаться жизненными соками родной земли, воспринять мысли, чувства, переживания тех, от которых мы отделены полицейскими рогатками коммунистической власти. Помочь ясно понять преступность наготу, мишуру этой власти и поднять чувство активности для борьбы с нею — вот наши главные задачи». Тон крайней непримиримости, отрицания, какого-либо мирного перехода России в новую жизнь и призыв к активности, вплоть до средств борьбы народовольческого периода звучат во всех статьях журнала. Но несмотря на все желание нового органа стать особняком от прочей эмигрантской политической журналистики, «*Борьба за Россию*», поскольку можно судить по 1-му номеру, нового слова не сказала и особой яркостью не отличается. Политическая же позиция редакции пока крайне туманна и противоречива. По правильной оценке «*Последних Новостей*», правые идеи в журнале высказаны в главных предложениях, а левые — в придаточных.

Литературным соседом чисто националистических органов является «*Призыв*», издаваемый в Белграде Союзом Русских Писателей и Журналистов и вместе с тем близкий к «Объединению национально-прогрессивной и демократической русской эмиграции в Югославии». Журнал начал выходить в 1926 году, книжками 60-70 страниц. Пока вышло 5 книжек. «*Призыв*» интересен тем, что в нем сошлись, с одной стороны, бывшие правые и даже «нововременцы» (Ксюнин, Пиленко), а с другой стороны, бывшие социалисты (бывшие эсеры Маслов, Аргунов, Б. Соколов, с. д. Чернышев). Правые, разорвавшие с Зарубежным Съездом, азартно нападают на своих бывших единомышленников, а левые (Б. Соколов) с апломбом говорят об «углублении и оздоровлении национального самосознания». Политическая программа «*Призыва*» довольно неопределенная: он стоит «за объединение эмиграции, которая способна бороться с большевизмом и в то же время не стоит за безоговорочную реставрацию и за безоговорочное подчинение, ибо подчиниться можно только вер-

ховной воле народа». «Призыв» свободен и «от преклонения перед окоченевшими формулами, но без предупреждения использует все те формы, которые будут диктоваться самим ходом событий». В журнале печатаются статьи, посвященные вопросам как советской жизни, так и эмигрантской. Появление «Призыва» в Югославии характерно и симптоматично как признак постепенного освобождения живущих там беженцев от опеки русско-монархических кругов.

Трудно найти место среди политических группировок для «Родной Земли» Гр. Алексинского, изд. в Париже, уже потому, что он и сам ищет это место. В 1925 году «Родная Земля» издавалась в виде еженедельной газеты и была объявлена органом близким... к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, а сам Гр. Алексинский — главноуполномоченным этого Союза. Но эта затея очень скоро провалилась, лица, называющие себя представителями Союза, перессорились между собою, и газета закрылась. В 1926 году «Родная Земля» возродилась в виде небольшого журнала и вышла в количестве 4-х номеров. Основной своей задачей «Родная Земля» ставит — «насильственное низвержение большевицкой власти для установления в России власти национальной и народной» (№ 1), причем редакция умалчивает о том, в какой форме — монархической или республиканской — она мыслит будущую власть. В области социальной журнал стоит за восстановление буржуазного строя в России, свободу рабочих организаций в рамках государственного порядка и закрепления земли за крестьянами на началах частной собственности. Наиболее характерным для этого журнала, в отличие от других эмигрантских печатных органов, является стремление оправдать захват Бессарабии Румынией и призыв к сближению с этой «православной» страной. Но «Родная Земля» успеха не имела и на 4-ом номере прекратилась.

Определенно республиканским журналом является «Свободная Россия», орган республиканско-демократического объединения, выходящий в Берлине с 1924 года, книжками в 60-80 страниц; всего вышло 9 книжек. Журнал не верит в мирное развитие и преобразование советской власти настолько, чтобы она стала вровень с интересами и потребностями России, а потому считает необходимым готовиться к насильственному перевороту (см. № 1 статью С. Маслова). Но вместе с тем журнал и против военной интервенции, а также какого-либо вмешательства иностранцев в русские дела, хотя в свое время журнал вел борьбу против признания советской власти европейскими правительствами (см. № 1 статью Милюкова). Вопросы программы и тактики в «Свободной России» разрабатываются Милюковым, Ивановичем, Аргуновым и Масловым. Много уделено внимания в журнале современному состоянию России: среди авторов статей по этим вопро-

сам — Прокопович, Кускова, Розенберг, Марков, Загорский, Тимашев, Боголепов и др. Корреспонденции из России не особенно яркого характера, большинство из них является выдержками из писем.

Другим органом республиканско-демократического объединения является его *Бюллетень*, издающийся с 1925 года в Париже; в нем главным образом содержится хроника жизни р.д.о и родственных ему организаций.

Из прекративших свое существование республиканских органов следует отметить *«Новь»*, выходившую в 1922 и 1923 году в Париже и связанную с известным Киевским процессом. Лозунг Нови — «Родина, народоправство, федерация, собственность». Журнал, как непосредственно связанный с Россией, выгодно отличался обилием корреспонденций и информации из России. Но организация, издававшая *«Новь»*, провалившись в России, прекратила свою работу и за рубежом.

Прежде чем перейти к русской социалистической печати за границей, необходимо сказать о так называемых крестьянских журналах. По существу, с точки зрения политических позиций, которые заняли эти журналы, их неправильно ставить после республиканских органов; но, чтобы не разбивать общее впечатление от этой литературы, с указанной оговоркой, целесообразнее рассматривать их все вместе.

В революции 1917 года, а также и в период гражданской войны в России не существовало такой организации, каким в 1905 - 1906 годах являлся Всероссийский Крестьянский Союз, так как его заменили Советы крестьянских депутатов. И хотя попытки были со стороны различных политических работников возродить этот Союз и противопоставить его Советам, но они кончались полной неудачей. Однако популярное историческое имя Союза этими попытками не было скомпрометировано. Поэтому неудивительно, что в эмиграции очень многие стараются использовать это имя. Еще в 1921 году в Берлине возник Организационный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза под председательством И. А. Лохвицкого (Искры). Задачей Комитета было поставлено: созыв Всероссийского Крестьянского Съезда и объединение зарубежной интеллигенции, сочувствующей крестьянству. Печатаемым органом Комитета явилось *«Крестьянское Дело»*. Содержание статей двух вышедших номеров сводилось главным образом к полемике с другими партиями и пропаганде мысли о сближении и дружбе с Германией и о злодействе Англии и Франции: «только в Германии можно работать, как в дружественной стране, всякий шаг сближения с ней — несомненно полезное и патриотическое

дело. Только здесь для русского совпадают «правда - истина» с «правдой справедливостью в международном масштабе. «На выпуске двух номеров «Крестьянского Дела» Берлинский Комитет и закончил свое существование. Но в то же время крестьянские союзы образовались в Чехии, Югославии и Франции. В 1925 г. все эти союзы объединились в одну организацию «*Крестьянский Путь*» и выпустили под тем же наименованием Бюллетень № 1, заявивший о совершившемся объединении. Основные положения политической группы «Крестьянский Путь» сводятся к следующему: Великая Россия — сильная государственная власть, опирающаяся на народное представительство. Свободное развитие национальностей в рамках единого российского государства. Утверждение принципа частной собственности. Форма будущего государственного устройства не предreshается. Для характеристики «крестьянской» политики этих групп не безынтересно отметить письмо, опубликованное в № 1-ом Бюллетеня и сообщающее Русскому Торгово - Промышленному и Финансовому Союзу в Париже о «полной тождественности программ крестьянского союза и Вашего Союза» и о желательности согласования работы двух союзов.

Совершенно особняком по абсурдности своих политических позиций и лозунгов стоит «Орган Центрального Комитета Украинской Крестьянской Партии» «*Крестьянская Украина*», издающаяся в Вене Сайгадычным - Чернушенко. В 1925 году «Крестьянская Украина» — переименовалась в «Крестьянскую Федерацию» — подпольный орган Всероссийского Крестьянского Федеративного Союза, печатающийся на русском и немецком языках. Это газета выбросила совершенно неожиданные лозунги: «Да здравствует всероссийская крестьянская федерация с новой династией! Крестьянская советская власть и крестьянский царь!» Крестьянская Федерация считает, что для самых жизненных интересов будущей крестьянской империи и европейского мира необходимо «восстановление в прежних размерах Германии, Австро-Венгрии и Болгарии», которые должны заключить постоянные военнополитические и экономические союзы. Нельзя определенно сказать, кто стоит за этими органами печати, какая рука направляет их. Сами по себе имена редакторов и сотрудников ничего не могут разяснить, так как они никому неизвестны. Одно несомненно, что к русской или украинской эмиграции журнал этот не имеет отношения. Скорее нужно искать связь с заграничным Г. П. У. (для скомпрометирования эмигр. прессы) или с какой-нибудь тайной правдой австрийской организацией.

Наконец в 1925 году в Париже появился *Вестник Всероссийского Крестьянского Союза*. Много споров было в эмигрантской печати в связи с появлением этого журнала. Большинство признало за фикцию и самый Союз и всю его работу. Один только

П. Н. Милюков принял всерьез все заявления Акацатова, «Председателя Главного Совета Союза», и даже привлекал его к себе в союзники. Проще на это смотрит один из сотрудников Вестника и на поставленный в заголовке статьи вопрос «существует ли Всероссийский Крестьянский Союз», он отвечает так: «заграницей существует так называемый Всероссийский Земский Союз, несомненно не имеющий ничего общего в данный момент с земской Россией. Также действует заграницей и Русск. Городск. Союз без русск. городов. Просто ушли за границу некоторые деятели из Союза и несмотря на то, что земцы в большинстве остались в России, возродили свои Союзы. Так произошло и со Всероссийским Крестьянским Союзом». Но на самом деле, конечно, есть большая разница между земским и городским Союзом и союзом Акацатова. Первые не говорят от имени земств и городов России, а только от своего имени, бывших земских и городских деятелей. Акацатов же свой эмигрантский орган выдает за подлинный Всероссийский Крестьянский Союз. Для этого ему приходится прибегать к целому ряду фикций. Первый номер наполнен всевозможными приказами Главного Совета, притом первый из них показан за № 3795. На первой странице № 2-3 напечатано: «Наши читатели знают, что *все* (подчеркнуто в Вестнике статьи, помещаемые в Вестнике, доставляются из России.» Насколько это верно можно судить по характеру статей. Вот перечень их: «Чужой опыт» Акацатова (о политике Стамбулийского), «об интервенции» по поводу статьи Адмирала Дегу во французском журнале, дальше ответ Милюкову, ответ Амфитеатрову, ответ Венской Крестьянской Украине и т. д. Трудно себе представить, чтобы все эти статьи были доставлены из России или чтобы Россия интересовалась только этими вопросами. В Вестнике совершенно нет статей о самом крестьянстве, его современном положении, о его радостях и горестях настоящего дня. Больше всего трактуются о горестях самого Акацатова, непризнанного в эмиграции. Политические же позиции последнего, совсем туманные: в журнале воздаются похвалы его прошлой борьбе за монархические идеи, а будущее очень неопределенно сводится к «воле народа», на которую тоже ссылается и Николай Николаевич и кирилловцы.

Наиболее серьезным из всех эмигрантских журналов, называющих себя крестьянскими, является «Вестник Крестьянской России» — «Орган Центрального Бюро Заграничных Групп Крестьянской России». (Прага). Плюсом является уже самое название — орган заграничных групп. По крайней мере, никто не вводится в заблуждение о согнах организаций в России, как это делают Вестник Союза и Крестьянская Федерация. Самое же название «Крестьянская Россия» ни к чему необязывает ни редакцию, ни читателей: если «Крестьянский Путь» с пафосом заявляет о «полной тождественности» своей программы с програм-

мой Торгово - Промышленного и Финансового Союза, то с таким же правом «Крестьянская Россия» может заявить о тождественности своей платформы с платформой милокувского объединения. Поэтому не приходится много говорить об особенно какой - либо программе «Крестьянской России». По крайней мере в настоящий период своего развития она целиком в русле либерально - буржуазного направления, с особой рельефностью и силой выявляемой П. Н. Милокувым. Но есть разница между идеологами «Крестьянской России», Масловым и Аргуновым, с одной стороны, и Милокувым — с другой. За время эмиграции Милоков тверд в своих радикально - республиканских позициях. Наоборот, политическое устремление его скорее на коалицию с левыми. Не так обстоит дело с Аргуновым и Масловым. Бывшие эсеры в 1917 году, в настоящее время они не только ушли сами, по своим убеждениям, от социализма, но ведут яростную борьбу с эсерами, определяя их политическое место, за одно с Кириллом, вне демократии (см. № 1), Маслов и Аргунов, называющие себя идеологами крестьянства, стараются всячески отгородиться от социалистов и, наоборот, имеют тенденцию идти вправо, в то время как подлинное крестьянство всюду в Европе все больше и больше отдает свои голоса социалистическим партиям,

Все шатания и поиски этих идеологов сказываются и на самом содержании вышедших 9 номерах Крестьянской России. Резко отрицательное отношение к радикальному социальному реформаторству и преклонение перед буржуазным строем ограничивают пределы этих поисков влево, а потому приходится только ждать, как далеко вправо произойдет остановка их. В последних двух номерах Вестника ведется грубая полемика по поводу резолюции социалистического Марсельского Конгресса, причем социалисты, конечно, обвиняются в отсутствии патриотизма и насмешливо называются «устроителями России». Бывший когда то в тех же рядах «устроителей» автор статьи, С. Маслов, теперь находится в рядах других устроителей, а потому и государственную политику понимает иначе чем в 1917 - 18 годах. Но совершенно напрасно сегодняшнюю свою политику он называет крестьянской: одно из двух — или Масловская политика была крестьянской в 1917 г. или она стала некрестьянской теперь. И несколько не больше делают журнал крестьянским его сотрудники Иванцов, делающий от имени крестьянства ставку на частного предпринимателя, и Циммерман, не имеющие никакого отношения к крестьянству.

Единственным, правильно выходящим, эмигрантским соц. - дем. печатным органом является «Социалистический Вестник» (Берлин), основанный еще в 1921 году Ю. О. Мартовым и в настоящее время носящий подзаголовок «Центральный Орган Р. С. Д. Р. П.». Всего вышло, с момента основания журнала, 122

номера, по 16 страниц каждый, причем, в последние годы журнал выходит регулярно два раза в месяц. Политическая позиция журнала определяется платформой, принятой Центральным Комитетом Р. С. Д. Р. П. в 1924 году (см. № 82 - 83). Политические задачи Р. С. Д. Р. П. указанная платформа формулирует следующим образом: «Преодолевая все препятствия, нагромождаемые на ее пути преследованиями и террором, собирать под своим знаменем передовые элементы рабочего класса и содействовать всеми силами политическому оформлению стихийного рабочего движения и усвоению им тех очередных требований, осуществление которых будет означать решительный разрыв с режимом диктатуры и фактическое вступление на путь демократизации государственного строя; эти очередные требования, на основе которых возможно дальнейшее развитие демократии, Р. С. Д. Р. П. выставляет, как платформу для соглашения всех групп партий и их частей, способных в ходе развития твердо встать на почву революции и защиты интересов трудящихся и признать необходимость признания власти, готовой работать над демократическим преобразованием государства и предотвращением Бонопартистского вырождения революции.» Минимальными возможностями этой работы С. Д. считают приведение в действие ныне фактически упраздненной, советской конституции. Задачи пролетариата в области хозяйственной, согласно этой платформе, сводятся к тому, «чтобы поставить неизбежное капиталистическое развитие в условия, наиболее способствующие развитию производительных сил и наиболее благоприятствующих росту сознания и организованной мощи пролетариата, и хотя бы некоторые позиции промышленности обезпечить за демократическим государством» (см. № 80 - 82 ст. «К новой платформе»).

По существу своих теоретических взглядов «Социалистический Вестник» придерживается строго марксистских, ортодоксальных норм. Можно сказать, что наши русские меньшевики являются наиртодоксальнейшими марксистами из всех европейских социалистов. В одном из последних номеров Социалистического Вестника Ф. И. Дан был недоволен даже проектом австрийской социал - демократической программы, ввиду ее марксистской невыдержанности. Теории «Социалистический Вестник» уделяет очень мало внимания, но ведет главным образом боевую политическую кампанию по всем текущим вопросам советской политики, критикуя ее с точки зрения интересов рабочего класса. Журнал указывает, что «перед русским рабочим классом со все возрастающей остротой встает задача организованной защиты своих интересов в условиях подымающего голову государственно-го капитализма» (см. № 21 1926 г. ст. «Смена декорации»). На основе своей платформы Соц. Вестник рассматривает и то положение советской власти, в каком оно казалось в связи с работой оппозиции; журнал предвидит (15-16) «неотвратимость и неиз-

бежность все большего перемещения центра опоры Сталинско - бухаринского большинства в другие непролетарские социальные слои. Диктатура бонопартизируется, предотвращение бонопартистской реакции может быть только в том случае, если в процессе распада правящей партии «сумеет образоваться в ней сильная и влиятельная группа, которая сплотит вокруг себя, безразлично под каким соусом, но фактически на меньшевистской платформе, те еще не разложившиеся и честные социалистические элементы, которые имеются еще на обоих флангах В. К. П.»

В социалистическом Вестнике» регулярно появляются корреспонденции из России, но главным образом информационного характера о верхушках В. К. П. Как и в других эмигрантских органах, в Социалистическом Вестнике чувствуется недостаток обстоятельных российских статей, характеризующих различные области современной советской жизни.

В целях информирования иностранцев, Заграничная Делегация Р. С. Д. Р. П. издает не периодически на немецком языке особые Бюллетени.

С 1922 года по 1924 год в Берлине издавался другой, оппозиционный (справа) «Социалистическому Вестнику» с. д. журнал «Заря», редактируемый Ивановичем. Всего вышло за указанное время 32 номера, по 32 страницы каждый. Заря ставила себе задачей «бороться против выдвинутой Ц. К. партий С. Д., идеей соглашения с кремлевскими сатрапами.» В согласии с этим и отношение к с. д. платформе у Зари резко отрицательное, как «к платформе мирно-обновленческой и ведущей к компромиссу с депотизмом». (№ 7 — 1924 г.). Основная политическая ошибка платформы, по мнению Ст. Ивановича, заключается в том, что в ней советская конституция фигурирует как бы в качестве завоевания народа, которую власти постепенно, в порядке произвола, отняли. На самом же деле советская конституция явилась «оформлением страшного политического поражения русской демократии, оформлением кровавой победы узурпации» (№ 7 1924 г.). В виду этого «Заря» уделяла очень много внимания полемике с «Социалистическим Вестником» и выявлению идеологии правого крыла русских с. д. Положительная же политическая и тактическая платформа «Зари» очень приближалась к платформе Республиканско - демократического Объединения так что с прекращением «Зари», главный ее редактор Ст. Иванович, сделался постоянным сотрудником печатного органа этого Объединения.

Третий орган эсдековской мысли «Независимость» начал издаваться в Праге только с июля 1926 года. Пока вышло 2 номера. Редакторами «Независимости» являются грузинский социал - демократ Аиолло и украинский с. д. Галаган. Задачи журнала, сформулированные в передовой статье № 1, сводятся к тому, чтобы «распространять правильное представление о марксизме, призывать к борьбе за социализм, разъяснять, что достижение этого воз-

можно только путем демократии, указывать, что одной из существеннейших сторон демократии есть осуществление права нации на самоопределение, обращать внимание на то, что на востоке Европы политическая диктатура создает постоянно действующий очаг национальной вражды и что прекращение этой вражды является первым долгом социалистов и демократов». В этой же статье редакция указывает, что журнал издается на русском языке потому, что последний «в силу целого ряда объективных причин стал языком сношений между народностями, входившими в состав бывшей Российской Империи». В вышедших номерах статьи посвящены главным образом теоретическим вопросам: «ленинизм и марксизм» Гр. Аиолло, «Об одном социологическом исследовании национального вопроса» Гринина, «Марксизм и Государство» Аиолло и прочее. Наиболее характерной в политическом отношении является заметка «Русский вопрос на Украине». Автор этой заметки заявляет, что в 1918 году «в своем отрицательном отношении к культурно - национальному и государственному возрождению украинцев, русские на Украине были удивительно единодушны без различия политических убеждений, от явных черносотенцев до лево - демократических элементов включительно». Трудно согласиться, чтобы «понимание демократизма всех русских было проявлением действительно марксистской, с. д. мысли.

В виду крайней сложности национальной проблемы на Востоке Европы, можно надеяться, что настоящий журнал с течением времени превратится в интересный орган, если только он сумеет привлечь к сотрудничеству не только социал - демократов, но и других социалистов различных национальностей, заинтересованных в разрешении указанной проблемы.

Переходя к печатным органам другой социалистической партии, к эсеровской печати, нужно сказать, что эсеры в своей литературной деятельности не ставили целей исключительно партийных. Все эсеровские печатные органы, по их заданиям, можно разделить на три рода: информационные для иностранцев, общекультурные и чисто партийные. К первому разряду относятся: Бюллетень „*Pour la Russie*“, издававший в Париже в 1926 - 21 годах на французском языке; журнал на итальянском языке *Russia del Lavoro*“, издававшийся в Риме в 1920 - 21 году; «Бюллетени с. р.», издававшиеся Заграничной делегацией П. С. Р. в 1922 году в Берлине на шести языках (английский, французский, немецкий, чешский, итальянский, еврейский) во время известного московского эсеровского процесса; — бюллетень «С. Р.» на французском языке, издававшийся в Праге в 1925 - 26 годах, и „*La Russie opprimée*“ еженедельник, издающийся в 1926 году в Париже, под редакцией Зензинова Минора и Керенского.

К обще - культурным журналам в первую очередь нужно отнести «Современные Записки» (Париж). Эсеры в лице инициаторов этого журнала, первые в эмиграции, возобновили ту культурную работу, которую вели у нас в России толстые журналы. Правда, редакция этого журнала, в своем желании привлечь к работе наиболее широкие культурные круги в эмиграции, не захотела придать ему эсеровский социологически - философский облик, какой имели все прежние народнические эсеровские органы, но все таки, этим не умаляется культурная роль «Современных Записок». Руководящие политические статьи в «Современных Записках» пишутся так называемыми «правыми эсерами» (Вишняк, Руднев, Авксентьев). Общую социалистическую позицию их можно охарактеризовать тем, что до войны было принято называть правым «реформизмом» или государственным социализмом. По отношению к большевицкому режиму редакция «Современных Записок» не допускает эволюции и считает ликвидацию большевизма возможной только путем переворота. В смысле предвидения будущих путей России в журнале нет единой точки зрения не только среди сотрудников, но и у самой редакции: И. И. Бунаков в целом ряде своих статей под общим заглавием «Пути России» развивал неонароднические взгляды, в то время, как Вишняк и Руднев в различных своих статьях скорее придерживаются точки зрения меньшевиков, предвидящих неизбежное развитие в России классического капитализма. Но так как в «Современных Записках» более культуры, чем политики, то характеристика только политических позиций журнала совершенно не дает цельного облика его.

Другим культурно - политическим эсеровским журналом является «Воля России». (Прага). Но здесь как раз преобладает политика над культурой, причем журнал занимает основные эсеровско - народнические позиции. Не являясь формально партийным органом, «Воля России», однако, в лице своих редакторов и сотрудников в политическом отделе проводит чисто партийные взгляды, поскольку они выражены в соответствующих политических платформах съездов, конференций и постановлений Ц. К. п. с. р. Более подробно говорить о «Воле России» в самом этом журнале — излишне.

Строго - официальным партийным эсеровским органом является «Революционная Россия», центральный орган П. С. Р., основанный в конце 1920 года. (Ревель, Берлин, Прага) За весь период издания вышло 52 номера, некоторые размером до 50 двухстолбцовых страниц петитом. «Революционная Россия», в отличие от Социалистического Вестника, уделяет большое внимание чисто теоретическим программным вопросам. Книга В. М. Чернова «Конструктивный социализм» в значительной части состояла из статей напечатанных в «Революционной России».

В последних номерах журнала несколько статей посвящено таким вопросам как, национальный. Лига Наций, Пан' Европа и Европейские Соединенные Штаты. Н. С. Русанов в своем «Дневнике Социалиста» дает обзоры иностранной жизни. Е. А. Сталинский и В. В. Сухомлин, (представители П. С. Р. во II-ом интернационале), дают статьи и отчеты о политике 2-го Интернационала. Большой материал, правда и не в каждом номере, представляют корреспонденции из России, из коих выделяются «Письма Ненаркома», «Дневники рабочего», «Корреспонденция деревне», Корреспонденции из Соловецкой тюрьмы», «Материалы об эсэровских протестах» и др.

Политическая позиция журнала наиболее рельефно выявлена в Меморандуме, поданном Заграничной Делегацией П. С. Р. Секретариату 2-го Интернационала (см. № 44). Политические задачи П. С. Р. в этом Меморандуме излагаются следующим образом: «П. С. Р. не разделяет того мнения, что экономический режим большевизма должен быть заменен строем классического капитализма, хотя бы подкрашенным либерализмом. Она добивается раньше всего сохранения огосударствления земли наряду с мерами, могущими внести больше справедливости в существующие формы землепользования. В области промышленности она считает необходимым — оставить за государством ключевые, наиболее сконцентрированные области ее, как нефть, уголь и железо. Высказываясь за раскрепощение частной хозяйственной инициативы, П. С. Р. полагает, однако, что поскольку должны быть восстановлены капиталистические отношения, нужно обеспечить демократические формы такого восстановления и выдвигает требование демократической конституции промышленности, включающей меры для охраны достоинства и прав рабочих соответственно их значению в производстве. Партия придает также большое значение кооперации и муниципализации, для которых в России существует благоприятная почва. В общем, согласно ее концепции в деле экономического восстановления России, государство, кооперативы и муниципалитеты должны играть чрезвычайно важную роль». Что касается политических взглядов партии, то в этом отношении Меморандум указывает, что Партия «слишком хорошо знает, какой риск и опасности связаны с насильственной революцией для страны, перешедшей через столько испытаний, ослабленной длительной гражданской войной и страшными бедствиями, чтобы не предпочесть ей эволюцию, хотя бы медленную, большевицкого режима в сторону демократии. Чтобы избавить Россию от новых потрясений и судорог, наша партия пожертвовала бы соображениями самолюбия и нашла бы в себе достаточно силы воли, чтобы преодолеть воспоминания недавней кровавой борьбы. Если бы большевицкие правители проявили способность ориентировать свою политику в сторону преобразования режима и сумели

бы пойти на своевременные уступки, открывающие для России мирный выход из нынешнего тупика, партия с своей стороны сделала бы все возможное для облегчения подобной эволюции и придала бы соответствующие легальные и лояльные формы своей идейной борьбе против большевизма. К сожалению, большевистская политика не дает никаких оснований рассчитывать на такой исход, и русская действительность не заключает в себе никаких признаков в этом смысле.» Поэтому партия с.-р. не видит решительно никаких оснований, ни идеологического, ни практического характера, для отказа от права на революцию пред лицом насильственного террористического правительства, уничтожившего всякие легальные формы политической и социальной борьбы: «Если, говорит меморандум, мы не исключаем *a priori* возможного мирного выхода из тупика, куда большевизм загнал Россию, но тем менее имеем мы право исключить другую противоположную и гораздо более вероятную возможность. Мы считаем поэтому основным своим долгом готовиться и к этой второй возможности, чтобы быть в состоянии активно вмешаться в события, если положение примет революционный характер».

В эмиграции оказались и левые эсеры, союзники большевиков во время октябрьского переворота. С 1924 года Заграничная Делегация Л. С.-Р. и Союза Максималистов издает в Берлине свой орган «*Знамя Борьбы*» (всего вышло 19 номеров по 16-20 страниц каждый). До этого времени левые С. Р. выпускали «*Знамя труда*». Левые эсеры обвиняют большевиков в измене октябрю. В последнем № 18-19 журнала передовик резко полемизирует с меньшевиками и отрицает какую либо возможность эволюции большевистского режима. Ликвидация этого режима произойдет только путем взрыва, причем революционная стихия пойдет вернее всего влево, т. е. в направлении идеи октябрьской революции. В будущем вся политическая власть должна принадлежать свободно избранным Сов. Раб. и Крест. Депутатов, именно Советам, а не политическим партиям (№ 1). Вся основная сеть экономических и социально-культурных функций общества должна быть сосредоточена в руках рабочих и крестьянских производительных союзов и кооперативов. «Советы — это органы диктатуры, острием своим направленные против буржуазии. Союзы и кооперативы — строители жизни». Свой лозунг в борьбе за советы левые эсеры резко отличают от требований меньшевиков «честных советов», так как свой лозунг они считают принципиальным, а меньшевистский поллитиканским и только дипломатическим и отнюдь не требованием реальной политики *).

*) Анархисты же, в свою очередь, считают антидемократизмом левых эсеров тоже не принципиальным, а исключительно тактическим, см. «Дело труда» № 12.

с небольшой информацией из России и статьями, критикующими большевиков слева, «Знамя Борьбы» больше место уделяет международному движению революционно-социалистических партий, не вошедших ни во II-й, ни в III-й Интернационалы. В журнале сотрудничают украинские и белорусские с. р-ы, освещающие свои национальные вопросы. Но и у самого редактора «Знамя Борьбы» возникают вопросы по поводу напечатанной в журнале статьи украинского с. р.-а Шаповала «О национальном в украинском социалистическом народничестве». «Не перегибают ли сейчас украинские революционеры национальную тему в обратную сторону? Не становятся ли они пленниками национальной идеи, до такой степени, чтобы ослабить роль и значение идеи социально-революционной?». Ряд признаков в статье Шаповала наводит Штейнберга на такие сомнения.

Настоящий обзор мы начали с крайних правых монархистов, кончаем его крайне левыми анархистами. Но какая разница в характере и содержании органов печати того и другого крыла русской эмиграции. Мы уже видели отсутствие в монархической литературе разработки вопросов идеологии, учета опыта прошлого и вместе с тем наличность брани, самых недвусмысленных угроз по адресу инакомыслящих и взаимную безудержную распря. Совсем другой характер имеет анархическая литература.

У анархистов идет пересмотр взглядов, «переоценка ценностей», проверка анархического опыта в русской революции. Можно не соглашаться с утопическими воззрениями анархистов и признавать всю тактику их исключительно разрушительной, без каких-нибудь созидательных результатов, но нельзя не констатировать серьезного направления их литературы, стремящейся обосновать свои взгляды и тактику. За период новой эмиграции нужно отметить выход следующих трех анархических журналов: «Волна», издававшийся в Америке в 1920 и 21 годах, орган анархистов - коммунистов (в журнале не указан ни город издания, ни типография, ни редакция), «Анархический Вестник» — орган объединенных анархических организаций, издавался в Берлине в 1923 - 24 годах (вышло 7 номеров по 70-80 страниц в каждом). «Дело Труда» — орган рабочих безвластников, издающийся в Париже в 1925 и 1926 годах.

«Анархический Вестник» наиболее серьезный теоретический журнал. О характере статей могут дать некоторое представление их заглавия: «Программа созидательная и программа разрушительная», — «Проблема производства и потребления социальной революции», — «Об индивидуализме» и друг. В каждом номере «Анархического Вестника» имеются исторический отдел и рус-

ское обозрение. В этом органе, как и в других анархических журналах, серьезное внимание уделяется Махновскому движению, причем один из авторов считает махновщину «проведением на деле бакунизма». В №№ 1-6 напечатаны записки самого Махно.

Журнал «Волна» интересен, как орган русских американских рабочих, из среды которых в 1917 году в Россию приехало много анархистов. Помимо вопросов политики и тактики в журнале уделялось внимание анархическому движению в годы революции.

«Дело Труда» — боевой орган, следящий за текущей политикой большевиков. В № 15 в статье «Разложение диктатуры В.К.П.» Аршинов считает появление оппозиции началом распада органов партийной диктатуры. Он предполагает, что «отдельные ключья этой диктатуры, в виде ли группы Сталина или группы Зиновьева и Каменева, смогут еще в течение ряда лет властвовать и угнетать труд России, но своего былого царства они уже не восстановят». По мнению Аршинова неизбежным концом практики, диктатуры и Нэпа будет восстановление капитализма. В последних двух номерах «Дела Труда» напечатана организационная платформа Союза Анархистов. Платформа эта не касается вопросов специально русских и носит характер чисто теоретический, без определенного ответа на вопросы дня.

В своем обзоре я коснулся 40 различных журналов, но этим далеко не развернул весь эмигрантский журнальный веер. Советское казенное единомыслие вытесняет из России не только политические журналы, но и целый ряд других изданий, не имеющих никакого отношения к политике. Но всякая вытесняемая из России мысль непременно как-либо выявляется среди эмиграции. Если в 1925 году большевиками закрылся на 3-ем номере чисто литературно-критический журнал «Русский Современник», то за рубежом в 1926-ом году возникает 3 журнала подобного характера: «Благонамеренный» (Брюссель), «Версты» (Париж), «Новый Дом» (Париж). В Советской России теософы арестуются и высылаются в Сибирь, а в эмиграции в это время издаются два теософических журнала «Вестник Теософии» и «Звезда Востока». Большевики высылают за границу наиболее ярких философов немарксистов и закрывают Вольную Философскую Академию, и тотчас же эмиграция на это откликнется изданием в Берлине «Софии», в Париже — «Пути» и в Праге — «Логоса». Но я не имею здесь места подробно рассмотреть во всей полноте различные культурные и бытовые эмигрантские органы, быть может, удастся в близком будущем обозреть и эти издания, они не менее любопытны, чем политические журналы.

С. Постников

Московская мозаика.

(В ТЮРЬМЕ. ГОРШАЯ ИЗ МУК — МУКА БЛИЗКИХ.
СЛЕДОВАТЕЛИ.)

«За веселый шум, за кирпичики
«Полюбила я этот завод...»

Звучат в моих ушах эти строфы... Растягивается, поет, выговаривает гармонь в руках изумительного гармониста и неотступно звенит в ушах:

«За веселый шум...

Это из «Леса» Островского в постановке Мейерхольда, введшего в «Лес» и гармониста, и гармонь, и песню о кирпичиках и кирпичном заводе. В тишине нашей тюрьмы как-то по особенному вспоминаются эти кирпичики и веселый шум.

Почему именно эти строфы неотступно звучат в ушах? Быть может, по невеселому контрасту тюремного молчания с веселым шумом? И сколько ни шагаешь взад - вперед — все слышишь: — «за веселый шум, за кирпичики».

Как много снова пережито в этой тюрьме, в этом коридоре, так знакомым и по «девятьсот седьмому» году и по «двадцать второму»...

О чем писать? О нашем сидении, таком бессмысленном? О «коммунистических тюремщиках, «коммунистических» следователях и о «коммунистических» жандармах, арестовывающих и сажающих «без объяснения причин»

социалистов (— что уж говорить об остальных «гражданах»)?

О позабытых, о невидимых, о дважды живущих?

А имя им легион.

Тюрьму двойную, близость к смерти двойную выносящих, и, если выживающих, то, значит, **заново** живущих.

От **коммунистов**, да, от коммунистов, можно услышать (и я слышал сколько раз):

— Таких безобразий мы не знали, когда при царях сживали...

Приходят. Обыщут. Уводят. Сперва на Лубянку.

И начинается двойная мука. Мука за себя — **своя** собственная мука —, и мука за **близких**, в тоске мечущихся по московским тюрьмам и по советским чиновникам, а иногда и сановникам, в надежде узнать — куда увели.

А для **близких** — еще горшая мука.

Арестованный в каждый данный момент знает — что с ним делают и где он. Близкие же часто долго не знают — где он, и почти никогда не знают — что с ним **теперь** делают..

Об их муке, муке близких хочу я рассказать. Многим из нас приходится эти муки переживать — и в качестве близкого, и в качестве арестованного.

**
*

Приходят. Обыщут. Уводят. Сперва на Лубянку. Через два-три дня оттуда — неизвестно куда. Первая задача — найти. Мне в свое время пришлось разыскивать моего арестованного, когда все были истощены до крайних пределов. И главное сознание, у близких — необходимость спешной «передачи».

И вот, двадцать одни сутки продолжались мои «поиски», несмотря на то, что «разыскивать» помогали важные сановники, вплоть до... некоторых теперешних... чекистов. Ведь многие из нынешних «сидельцев» проводили когда-то вместе годы и годы в тюрьмах, ссылках и каторгах с нынешними хозяевами положения — чекистами, следователями, сановниками и наркомками. Сколько соци-

алистов - революционеров и меньшевиков «сидело» в свое время в бакинской тюрьме и в ссылке хотя бы с тем же Сталиным.... А некоторые из них даже **бегать** — он ведь бежал несколько раз — ему помогали.

И почти у **каждого видного** большевика **обязательно** есть в одной из советских тюрем человек, которому он чем - нибудь да обязан, с кем ему приходилось переносить и горе и радости, и которого он невольно способен выделить из общей массы «контр - революционеров». Иногда эти воспоминания прошлого бывают настолько сильны, что сановник, совершенно безжалостный ко всем и ко всему, именно этому человеку был бы рад оказать услугу.

Так было и в моем случае.

Как у меня, так и у моего близкого, о котором мне тогда хлопотать приходилось, нашлись среди сановников люди, когда - то бывшие революционерами, с которыми мы оба по столичным и провинциальным тюрьмам сжились, с которыми в старинку и сибирские этапные тракты своими шагами меряли.

Некоторые из них даже участие в моих «поисках» принять решились — лично и рекомендательными письмами. Вот и понесся я по тюрьмам и управлениям.

Началось с того, что мне дали **ложную** справку, указали на одну тюрьму. Сам «товарищ N...» это сделал:

— Он на Лубянке....

Мчусь туда. Барышня «справочная» отрывисто сказала:

— «Да, и фотограф сегодня снимать арестованного Z... хотел, и следовательно вызывал его к допросу, но такого не оказалось...»

У меня в мозгу: «снимают, значит убить собираются». «Корабль смерти» — ведь тогда на всех ужас наводил. По совершенно невероятному, «счастливому» случаю на другой день наталкиваюсь на одного из самых «видных» — бывшего товарища по ссылке, ныне сановника. А сановник по такому же счастливому случаю несколько дней тому назад в одном приятном московском учреждении со следователем P.... познакомился. А P... и был следователем по «делу Z...». Я уже знал на пятнадцатый день, что суще-

ствует «дело Z...»; какое дело, конечно, неизвестно. Знал, само собой разумеется, тоже от одного из бывших товарищей по тюрьмам. Можете себе представить, каково положение тех, у кого такой «протекции» нет, и сколько времени нужно близким, чтобы узнать об их местопребывании....!

Сановник искренно посочувствовал (— мой «близкий» к тому же от какой бы то ни было политической жизни отошел, усердно работал в одном из культурных учреждений и общение с ним ничего предосудительного не представляло —) и с удовлетворением узнал имя следователя.

— Это интеллигентный, приятный человек.

И в тот же день позвонил ему, попросив его принять меня. О, как мало я тогда понимал, что значит звонок сановника к такому человеку! Я был принят, пробыл в кабинете следователя Р... несколько минут и получил уверение в том, что **пока** он может обещать мне только свидание после первого допроса, который он не замедлит произвести. Но о «деле», пока что, он **ничего** не знает. Я гордо вышел из кабинета, воображая, что также легко в случае нужды войти в него снова.

Случайно я увидел этого человека, только через три месяца, — возле Лубянки и набросился на него:

— Что же вы мне, товарищ Р..., обещанного три месяца тому назад свидания не даете?

Я подал к тому времени **несколько десятков** заявлений.

— А вы подайте сегодня заявление...

На поданном мною в тот же день заявлении он собственноручно написал:

«Отказать».

Когда выяснилось в начале ареста, что только у следователя можно узнать где арестованный, я с племянником начали просиживать поочередно у телефона часами. Это было *regretium mobile* буквально такого порядка:

— «Вечека?»

— Что надо?

— «Товарища Р...»

— А в чем дело?

Говоришь заранее затверженное, лаконично, елико возможно, чтобы не раздражать незнаемого и невидимого «собеседника», — почему нужен товарищ Р...

— Он будет только ночью...

Звонишь ночью.

«Вечека?»

— Что надо?

«Вы сказали, что товарищ Р... будет ночью..»

— Да, это Р..., я слушаю.

«Я не могу сделать никак первую передачу моему родственнику, потому что даже товарищ N... не может мне сказать — где он...»

— Это не Р..., повесьте трубку!

На утро:

«Вечека?»

—Что надо?

Торопливо докладываешь все то же.

— Нету здесь никакого Р...

Звоним через пять минут.

«Вечека?»

— Да, а вам что?

«Товарища Р.. мне необходимо.

— По какому делу?

Скороговорка одного из нас.

— Позвоните часов в семь.

В семь часов звоним:

— Нет, сегодня его не будет.

Вечером:

«Вечека?»

— А вам что?

«Вы сказали, что утром будет товарищ Р... мне его необходимо надо».

— Звоните в два часа ночи.

Ночью повторяется то же самое!

Так продолжалось три недели.... Это происходило после разгрома всех фронтов гражданской войны, в год торжественного пятилетнего юбилея большевицкой власти,

рассматривавшегося как год окончательной стабилизации режима... Так происходит со многими и многими и теперь. Так происходило и теперь с моими «близкими» обо мне заботящимися...

В безнадежности шатался я по всем доступным, ближайшим к Лубянскому царству местам («товарищ N...» — видный чекист ведь в самом начале сказал мне: «он на Лубянке»). В очередях с «передачами» слышал я по своему адресу:

— Бедняга, увезли верно сегодня.

— Куда увезли?

— Да ночью сегодня их голубчиков, человек тридцать на грузовике увезли, а куда никто не знает. Да куда могут увезти...

Я уже знал от сидевших в московских тюрьмах друзей, что следователь Р... «страшный следователь» и что ему поручаются «очень серьезные дела».

На двадцать второй день во время телефонного бдения (счастлив тот, у кого телефон есть!) услышал я знакомый, резкий, властный голос, который сразу признал — «вот это он».

— Да что вам надо?

«Не могу найти родственника Z...»

— Я его сегодня видел. Он в Бутырках.

Плохо поверилось, а все же выговорил:

«Сделайте распоряжение, чтобы от меня вне очереди передачу приняли. Первая ведь».

— Хорошо.

Он исполнил обещание, — это было какое-то чудо.

Передачу взяли и я... увидел почерк, подпись о получении, то - есть жив.

Несколько дней туда ходил с передачами и опять неизвестно где! На этот раз не так долго. Переводили в другую тюрьму, но пока не зарегистрировали — несколько дней — искали мы по всем тюрьмам, и опять никто «не знал» — где, даже следователь.

Мне казалось, что, если знать определенно, где сидит

и иметь возможность принести передачу — большего и желать нельзя, так это уже много...

И я позавидовал матери одного из заключенных, стоявшей со мной в очереди за справкой.

— Чего, — говорю, — унываете? Ведь это такое счастье — определенно знаете, куда идти и даже записку получили, просьбу о теплой одежде...

Она сочувственно вздохнула. Ровно через три дня в газете был напечатан список расстрелянных, в котором я увидел фамилию сына этой бедной матери. При встрече со мной (ее спокойствие было убийственно) она сказала мне:

— «Что теперь не завидуете?»

Наконец, на Лубянке — увезли таки туда — мне дали справку:

«Внутренняя тюрьма!»

Да еще особое отделение.

Стал расспрашивать у стоящих с передачами, — оказалось, что это самое строгое отделение, что там только одиночные камеры. Но что, в виду переполнения, это правило не всегда выполняется. Все это узнавалось по еловым, случайным признакам, так как сидевшие в этом отделении внутренней тюрьмы не имели ни свиданий, ни прогулок.

На меня никакого впечатления сначала не произвело сообщение о том, что это самое строгое отделение: **определенное** место, куда можно принести передачу, — ведь это **было** так много после пережитого вторичного представления о том, что **уже убит...** Нет, мало сказать убит... Не было положения, которого я себе не представлял бы, так как опять таки в очередях доносились до меня реплики:

«ну, если не находит, значит, дело плохо».

«может быть, с ума сошел, а, может быть, нечаянно по ошибке, расстреляли, если скрывают....»

Наконец, снова росписка в получении передачи, — это опять было высшее о чем можно было мечтать

И вновь я начал получать отказы на заявления о свидании, а также убедился в том, что попасть к следовате-

лю Р..., не имея в руках никакого **письма** (по действительном переводе арестованного на Лубянку никто из добросердечных сановников вторично позвонить «товарищу Р...» не согласился бы), невозможно... Ведь дальше столика, за которым дают «пропуска» ко всем сильным мира сего, не пройдешь и «пропуска» не получишь, если нет никакого письма

Когда было письмо к **самому** «товарищу N...», то письмо лишь приняли, но никуда меня не пустили.

Начался период, продолжавшийся пять.. месяцев: изменений никаких, передачи принимали все по тому - же адресу:

За это время перевидал я много людей в очередях с «передачами». Тут были матери старушки, умоляющими глазами смотревшие на всех без исключения, — им казалось, что **каждый** может им помочь даже такой же несчастный, как они сами. Тут были невесты, непременно в передаче цветы приносившие. А цветы в том году не то что в тюрьме, а и в природе производили впечатление странных ненужных существ. Помню записки заключенных к невестам:

«Пожалуйста, не приносите цветов: они вянут, жалко на них смотреть».

Эти невесты девушки ни на кого не смотрели: большими вопрошающими глазами вперялись только в того, кто приходил за «передачами» из какойнибудь камеры. Им казалось, что именно он, а не ктонибудь другой, знает все. Были жены. И были даже мужья, которые не знали что с их женами...

Помню одну из жен. Она простаивала **часами** у ворот, поджидая автомобиль одного из следователей, и если удавалось ей только увидеть следователя и сделать попытку поговорить, она считала это уже достижением. Поговорить же никогда не удавалось, ибо следователи пробегают от автомобиля к дверям стремглав. Так и простаивала, пока и ее не арестовали. Узнала она о расстреле мужа **случайно**, на одном из тюремных спектаклей .

Два бича специально для близких изобретены: **неизвестность** полная и **неопределенность** тоже полная...

Помню — бегу, тороплюсь на передачу, — вдруг на встречу от ворот тюремных все заплаканные лица.

«В чем дело?»

— Только что отправили большую партию на север, **без всякого предупреждения**, — все ушли без теплых вещей.

Пока добежал до столика с передачами пережил: и припадки ревматизма, и воспаление легких, и даже замерзание «моего» заключенного.

А представляете ли вы себе каких трудов стоила (да и теперь еще стоит) передача! Какие безпримерные жертвы надо приносить, чтобы достать средства на покупку необходимых продуктов, а затем найти эти продукты.. И бежать с передачей, заиндивевши от мороза, — иль ужаса —, по занесенным снегом улицам. И, став в очередь, в смертельной тоске ждать примут или не примут.. Жив или убит..

*
**

В очередях «передаточных» свои темы для разговоров; самая обычная **о следователях**. Каждому ведь известно, что от следователя зависит **все**: может прекратить «дело», может раздуть, может «осветить» по своему усмотрению.

Каждый следователь имеет свою определенную репутацию:

к этому не подступись,

тот любит монету,

а тот любит, чтобы женщины с ним поближе познакомились и не дурак насчет «хорошеньких».

Если говорилось о «монетах», то размеры их не были ни для кого ясны. Во всяком случае они далеко превышали размеры той пени, — пятирублевки —, за которую выкуплена была мною жизнь человека на севере, а также и ту сумму, которую не внесла обезумевшая потом от этого

сознания мать восемнадцатилетнего сына, и которую внести ей так советовали.

Внезапные перемены тюремного режима (при переводе из одного отделения в другое), внезапное разрешение свиданий после бесчисленных отказов — производят на близких впечатление такой же нарочитости, как на заключенных церемониал простого перевода в другую камеру, преподносимого в такой тайне и с такой инсценировкой, — что нередко заключенный думает, что его ведут на что-то ужасное.

Такова была мука близких, горшая муки заключенных, еще четыре года тому назад. Такова она **по существу** и теперь. Только передачи стали «дешевле» (для того, у кого деньги есть), нет слепых, «стихийных» расстрелов, стало больше жестокого «порядка». Изюм дня в день «товарищи» «совершенствуют огромную, бездушную, жестокую тюремную машину, мучают не только заключенных, но в **тысячи** раз больше заставляют страдать ни в чем не повинных, даже с их собственной точки зрения, близких. Обличье и ухватки чуть - чуть «европеизировались». Но как изгладить из памяти образ **народного комиссара** — члена совнаркома, — к которому в слезах прибежала — с письмом, конечно, — женщина, жена человека, которому угрожал расстрел. Он выгнал ее. Она вновь сумела пробраться к нему. Упала на колени. Женщина была очень хороша собой, но в старых, затасканных тряпках. Все лучшее пошло на «передачи». На этот раз народный комиссар обратил некоторое внимание на посетительницу:

— Такая хорошенькая и так даром пропадаете.

И только? Только. Но не достаточно ли одной этой фразы, одного из нынешних лидеров «оппозиции», чтобы понять всю глубину **перерождения** бывших революционеров, чтобы понять ужас положения заключенных и их близких при судебном - тюремных порядках большевистской диктатуры.

Теперь, быть может, не скажут так, как мне сказали о моем близком четыре года тому назад (вскоре потом и

меня познакомили — в первый раз — с большевистской тюрьмой):

«На днях освободим. Арестован по недоразумению».

А когда я пришел с очередной передачей:

«Отправлен на Север»...

На север, ставший ему могилой...

Теперь, вероятней, — сразу скажут:

«Отправлен на Север»,

или еще куда нибудь. И так же в «особо важных» случаях мечутся близкие, узнавая места заключения и наталкиваясь на каждом шагу своих хождений по мукам на **«товарищей»**, на граждан «товарищей», на господ «товарищей», доведших следственно - судебно - тюремную технику надругательства над близкими арестованных до высшей никем еще непревзойденной степени совершенства.

**

Тот же знакомый, знакомый корридор. Та же неопределенность. Что ждет? Отсидка долгая, ссылка, высылка или освобождение — арестованы, мол, были, гражданин, по недоразумению..

И звенит в ушах назойливый мотив и звучат неумолкаемые строфы:

«За веселый шум, за кирпичики

«Полюбила я этот завод».

Б. Невидимцев.

Москва. Декабрь 1926 г.

Обществоведение в современной России.

Гоббс первый употребил термин «социальная философия» в 1640 г. в трактате *De corpore politico*, Конт в 1838 г. в своем *Cours de philophie positive* попытался основать и науку об обществе — социологию. Но значительнейшие мысли об обществе были высказаны еще Платоном и Аристотелем. Обществоведение же и теперь — почти через 100 лет после появления контовского «Курса» (1830-1842) — не имеет четких границ, точных приемов, ясных целей.

Совсем недавно блестящий систематизатор, виртуоз формулировок *Зомбарт* так подошел к определению социологии: «*Берлинский Университет* относится к истории, писал он в 1922 г., *Берлинский Университетъ* в социологии». Но ведь и историк может на примере *Берлинского* университета излагать только историю прусских, германских, европейских университетов определенной эпохи. Можно изучать историю только Берлинского университета с точки зрения работы научных школ, студенческих корпораций. В биографиях отдельных профессоров и студентов этого университета возможно сосредоточить внимание на социальных моментах.

Мы взяли одно определение «социологической установки», а их имеется великое множество и ни одно не стало догматом.

Должна ли быть социология абстрактной наукой, изучающей вне времени социальные категории или этих категорий не существует и общественные формы не заданы, а создаются, творятся людьми? Имеет ли в жизни общества решающую силу ландшафт, раса, герои, производительные силы, идеи, или слагающие их и прочих факторов? Развивается ли общество по развертывающейся спирали или его история предельно замкнута

круги, всегда возвращаясь к исходной точке? Эти вопросы и множество других каждая социологическая школа — а их имеется по крайней мере 10-15 — разрешает по своему.

Но ведь не формальной завершенностью, не догматичностью принципов определяется значение науки. Научная мысль и не стремится стать «верую и исповедую» сектанта. Чем меньше человек чувствует себя обособленным от себе подобных, чем больше растворяется он в обществе, чем больше общество расширяется до границ всемирности, тем сильнее его потребность познать природу общества, «законы» его бытия. И современная социология, несмотря на борьбу в ней течений и, пожалуй, именно благодаря этой борьбе, такую потребность насыщает.

Даже практичнееший народ американцы придают теперь социологии громадное значение. Завоевала известное место социология и в Германии в университетах и даже в торговых школах. В каждой культурной стране имеются социологические учебные общества, выпускаются специальные социологические журналы, происходят ежегодные социальные съезды, устраиваются социальные музеи. Литература по социологии необъятна. Очень симптоматично издание международных ежегодников по социологии — отказ от научного шовинизма, к сожалению, наблюдавшегося и до великой войны. Социология — модная наука. Но не только модная, но и нужная. Чем больше развивается теория общества, тем сильнее осязается настоятельность теории применить к жизни, создать и прикладную социологию. Позитивная политика Конта уже носила следы начинавшегося у него безумия, современная социальная политика трезва и реалистична.

Социология начинает захватывать под свое влияние все науки о духе. Теперь работать над любой областью экономики или права, по истории религии или искусства, по индивидуальной психологии или антропогеографии без разрешения ряда чисто социологических проблем уже невозможно. Устанавливается и обратный ток во всех этих науках к выходящим за круг их социологического порядка обобщений. К ним пришли юристы Петражицкий и Штамлер, психопатологи Фрейд и Бехтерев, экономисты Зомбарт и Туган, историки Лампрехт и Милюков, химики Оствальд и Менделеев, физик Больцман и биолог Павлов. Один из основоположников «точной» математической школы в политической экономии В. Парето на склоне лет опубликовал два гигантских тома *Traité de Sociologie générale* (Paris 1. 1917. II—1919.) Визер, последний из великих учителей психологической школы в экономике, за несколько месяцев до смерти издал толстый том, посвященный закону власти и оговорился, что именно десятилетия работы о народном хозяйстве привели его к социологической теме...

Русская мысль давно осознала значение социологии. Пусть вплоть до революции 1917 г. социология не была представлена в числе университетских кафедр и русские социологи должны были накануне революции 1905 г. основывать свою высшую школу на берегах не Невы, а Сены, пусть в России не было социологических обществ — все же в мировой социологической литературе русские исследователи во главе с М. М. Ковалевским занимали одно из почетных мест, а работы по социологии иностранных ученых, Конта и Маркса, Спенсера, Шефле, Уорда и Масарика, Гумпловича и Сореля находили в России широкую читательскую аудиторию — не редко даже раньше, чем приобретали признание у себя дома. У нас не было социологических институтов и не происходило социологических конгрессов, но даже в глухих городах и местечках, на воле, в тюрьме и уже, конечно, в ссылке, велись кружки, систематически изучавшие науку об обществе.

Революция 1917 г., поставившая себе гордую цель творчества высших форм общежития на началах правды — справедливости, сулила широкие возможности для развития социологии. Социология должна была перестать быть в России полу-подпольной наукой, занятие которой уже само по себе свидетельствовало о «неблагонадежности». Но произошло обратное. После кратковременного оживления, выразившегося в учреждении нескольких весьма недолговечных центров социологической работы, социология впадала в мертвую спячку. Связи с иностранной наукой были порваны.

Смелые вожди революции испугались суда над собой независимой науки. Только одно направление в социологии, которой придерживается, как казенной религии, господствующая в условиях диктатуры партия, объявлено непогрешимым и имеет возможность продолжать научную работу — школа последователей Маркса в толковании В. И. Ленина. Однако, и она дала очень мало теоретических работ и почти совсем пренебрегла анализом произведенного ею над Россией грандиозного социального эксперимента. Все, что выходило по социологии за последние годы в России иных воззрений, выходило случайно — по попустительству властей....

Попробуем дать краткую библиографическую справку о литературе по обществоведению в современной России за 9 лет.

Из классиков обществоведения переведено не много. Начато в 1922 г. издательством „Academia“ в Петрограде полное собрание творений *Платона* под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова в 15 томах. Вышли I, IV, X-XI и XIII-XIV (в том числе «Государство» и «Законы»). «Институтом Маркса и Энгельса» выпускается Библиотека Материализма под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова. В нее включены сочинения Гоббса,

Толланда, Гольбаха, Ламеттри, Дидро, Гегеля, Фейербаха. Под ред. С. П. Волгина выходит серия «Предшественники современного социализма», уже изданы сочинения *Сен-Симона* и знаменитое «Изложение учения Сен-Симона», составленное его учениками. Собрание сочинений Сен-Симона вышло еще под ред. В. В. Святловского (Пгр., 1923 г.). Изданы избранные сочинения *Ш. Фурье* (Москва, 1918 г.). «Институтом Маркса и Энгельса» выпускается библиотека научного социализма под ред. Д. Рязанова. Приступлено к изданию исключительно полного собрания сочинений *Маркса и Энгельса*. Сочинения последних издавались и переиздавались и другими издательствами. Выходит Архив Маркса и Энгельса, под ред. Д. Рязанова, включающий материалы до того неизвестные. Переизданы сочинения *Лассаля*. Под ред. Д. Рязанова и И. Степанова начато было издание сочинений К. Каутского. Издательством «Голос Труда» выпущены сочинения некоторых иностранных теоретиков анархизма: Реклю, Ж. Грива и др.

Те, кто захотел бы изучать обществоведение по источникам, не найдет переводов Аристотеля, Августина, Аквината, Лока Мандевилля, Вико, Фергюсона, Монтескье, Руссо, Канта, Берка, Ад. Мюллера, Конта, Спенсера, Дильтея, Ратценгофера, Зиммеля, Уорда. Многие из них вообще никогда не переводились, а и то, что было издано до революции и раньше выходило не в народных изданиях типа «Реклама», а в дорогих, небольших по тиражу изданиях. Доставать же их теперь на книжном рынке можно только по счастливой оказии. Выпущено несколько социологических хрестоматий с «текстами», но они охватывают только представителей исторического материализма, как, например, составленная С. Семковским. Издана, правда, и антология по социологии Зомбарта, увы, имеющая не мало органических недостатков и пробелов, — на русском-же языке она подверглась сокращениям (выброшен М. Шеллер, не приложена библиография).

Из русских мыслителей изданы сочинения *Герцена* (под ред. М. К. Лемке, в 22 т., Петр., Гиз.), *Плеханова* (под ред. Д. Рязанова в 22 т. т.), *Ленина* (в 20 т. т.).

Предпринятое «Колосом», ныне приостановившим деятельность, издание сочинений *П. Л. Лаврова* подвигалось крайне медленно. Появились VII вып. VI серии — «Историко-философские статьи» (Лгр., 1919 г.) и VII вып. VI серии «Государственный элемент в будущем обществе» (Лгр., 1920 г.). Кроме того, отдельно из сочинений Лаврова изданы «Колосом» «Парижская Коммуна» (1-ое и 2-ое издание 1919 г.), «Очерки по истории интернационала» (1919 г.); «Из истории социальных учений» (1919 г.); «Социальная революция и задачи нравственности», «Старые вопросы» (1921 г.) и «Этюды о западной литературе» (1923 г.);

Из сочинений *Н. К. Михайловского* переведена лишь отдельной книжкой (под ред. Иванова - Разумника) статья его «Что такое прогресс?» (в изд. «Колос», 1922). Издательством «Голос Труда» напечатаны «Избранные сочинения» *М. А. Бакунина* в 4 т. т. и отдельные сочинения *П. Крапоткина*. Из посмертных изданий Крапоткина отметим «Этику» и «Дневник».

По истории обществоведения вышла всего одна большая работа покойного юриста *В. М. Хвостова*: Социология т. I, изд. Моск. Научн. Издательства (Москва, 1917 г.). Достоинство книги в относительной полноте, что делает ее недурным путеводителем по социологической литературе, но изложение неравномерно, поверхностно и схематично. Книга *Э. В. Чернякова*, ученика *В. Г. Богораза* — «Социология в наши дни» Лгр., 1926, изд.—ство «Книга»), снабженная снисходительным предисловием *Н. А. Рожкова*, дает гораздо меньше, чем обещает заглавие: она крайне односторонне выдвигает этно-географическое направление в социологии. Извиняет автора, что это направление наименее было у нас представлено. Для полноты заносим книгу *Л. Аксельрод* «Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм» (Ив. Возн., 1925). Все произведения почтенной писательницы относятся к тому разряду научной литературы, который наиболее удовлетворяет не читателей, а самих авторов. Переведена обстоятельная книга *Р. Виттера* «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX в.» (Ив. Возн., 1925). Вышло несколько книг по истории социализма *Б. Горева* («от Мора до Ленина» и др.), очерки *С. Волгина* (*Ж. Мелье*, *Моррели*, уравнивательные теории XVIII в., бабувизм, сен-симонизм) и др.

Монографий, посвященных отдельным мыслителям, очень мало: блестящая 2-х томная диссертация *И. А. Ильина* о Гегеле (М., 1919 г.) не затрагивает вовсе значения Гегеля для социологии. Вышли работы о Гоббсе — *Л. Ческиса*, о Сен-Симоне — *С. Волгина*, о Т. Карлейле — *Н. И. Кареева* (1923 — «Брокгауз и Ефрон») и т. п. Из русских мыслителей удостоились специальных работ *М. А. Бакунин* (*В. Полонского*, *Стеклова* и др.), *Н. Г. Чернышевский* — *В. Чепихина* - *Ветринского*, *Н. К. Михайловский* — *Б. Горева*, *Г. В. Плеханов* — *В. Ваганяна* (М., 1924 — 698 стр.), *Н. И. Зибер* — *Л. М. Клейнборта*, *М. И. Туган - Барановский* — *Н. Д. Кондратьева* и коллективного труда — *П. Л. Лавров*. К 100-летию его рождения» (Петр., 530 стр., 1922 г. — изд. «Колос»). *П. Л. Лаврову* посвящен и сборник «Вперед», под ред. *П. Витязева* (Петр., 1920).

Исчерпывающих по полноте историй обществоведения, подобных известному учебнику по истории философии *Юбервег-Гейнце*, кстати сказать, очень ценному в особенности в новом издании (IV часть под ред. *К. Эстеррейха*) и для социолога, --

нет ни на одном из языков. Но монографий, посвященных отдельным крупным социологам, не мало, и весьма желательно появление в русских переводах, например, работ о Берке — Мейзеля, о Ратценгофер — Грамцова, о Дильтеэ — Литта и т. п. Неотложна потребность в составлении хотя бы коллективными силами истории русского обществоведения. Для других наук у нас имеются такие обстоятельные работы, как для истории этнографии Пыпина, для историографии Иконникова, для истории философии Г. Шнетта, для истории статистики А. Кауфмана.

По вопросам методологии общественных наук за обозреваемый период почти ничего не выходило, тогда как до того появились выдающиеся исследования Л. Петражицкого, Б. А. Кистяковского («Социальные науки и право», М., 1916 г.); Книга С. Франка «Очерк методологии общественных наук» (М. изд. «Берег», 1922) в действительности является эскизом задуманной им большой работы «Основы социальной философии». Лишь применение к общественным наукам статистики разрабатывалось весьма основательно. За подробностями отсылаем к нашему разбору советской статистики в «Славянской книге» (1926 г. ном. 2). Сверх указанных там работ рекомендуем читателям блестящий этюд Н. Д. Кондратьева «О проблеме предвидения» («Вопросы конъюнктуры», 1926 г. кн II) и перевод книги Бореля «Случай», пер. Ю. Костициной (М., Гиз. 1925).

Из опытов построения оригинальных систем социологии должно прежде всего отметить труд П. А. Сорокина, рассчитанный им на 6 т., из которых напечатано два: «Система социологии». I и II, (социальная аналитика), (Петр., 1920 изд. «Колос»). Автор близок американской школе behavior'истов, но во многом самостоятелен. Несмотря на отождествление им социологии с естественными науками, стремление изгнать психологизм, субъективизм и «моралин» из социологии, он не редко впадает в публицистику и парадоксальность, манера письма «размашиста». Нельзя, однако, отрицать выдающихся дарований ученого, не малой эрудиции и живого интереса к своему предмету. К сожалению, позднейшие работы П. А. Сорокина, высланного вместе с рядом других ученых и литераторов за границу и устроившегося на университетскую кафедру социологии в Миннезота (Соед. Штаты), свидетельствует, что его политический темперамент оказывается препятствием для углубления его научных взглядов. (См. статью Ф. Репейникова «Лицо Революции», Воля России, № 4).

Положительной попыткой дать марксистскую систему социологии оказалась работа Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма» (первое изд. в 1922 г.), получившее широкое распространение. Наиболее ценным в книге следует считать не

столько собственные «ортодоксальные» положения автора, сколько часто не лишенная остроты критика мнений «буржуазных социологов», основательным знакомством с которыми он обладает.

Н. И. Кареевым изданы были «Общие основы социологии» (Петр., «Наука и Школа», 1921 г.), в которых он в популярной, но абстрактной и до нельзя сухой манере подводит итоги своих многолетних работ по социологии. Мало нового дает об'емистый курс покойного *К. М. Тахтарева* «Наука об общественной жизни». И вовсе излишня работа *Н. А. Гредескула* «Происхождение и развитие общественной жизни, т. I. Биологические основы социологии. Коммунизм в биологии. Его роль как фактора эволюции». (Лгр., 1925 — Сеятель»). Не извинительно полное игнорирование и государственными и частными издательствами «социологий» иностранных ученых: Зимеля, Шпана, Росса, Смалля, Парето, не говоря уже о Бринкмане, Фиркандте, Визе, Кракауэре, Бугле.

Из более популярных книг удачны «Элементарный очерк социологии» *В. М. Хвостова* и «Популярный учебник социологии» *П. А. Сорочкина* (Ярославль, 1920 г.). Применительно к казенным требованиям составлены «Очерки обществоведения» *М. Б. Волфсона*, «Социология» *Е. А. Энгеля* и т. п. — на научный вес они не претендуют, как и многочисленные учебники политграмоты, начиная с заброшенной уже «Азбуки коммунизма». Интересующихся опытом введения обществоведения в программу даже народных школ позволим себе отослать к специальной литературе, например: «Обществоведение в сельской школе первой ступени» (Лгр., 1926, «Сеятель»), «Кабинет обществоведения» Шалгина (М., 1926, «Мир»), учебнику Фингерта (Лгр., 1925, ГИЗ.) и т. д. Это уже область обучения, а не научной работы, обзор которой мы стремимся здесь дать.

Отдельные области социологии освещались неравномерно. Не мало интересных работ вышло по вопросам поведения человека: «Коллективная рефлексология» *В. М. Бехтерева* (Петр., 1921 — «Колос»), к сожалению, идущего далеко за пределы темы и притом во многом злостно дилетантского; «Основы поведения человека» *В. В. Савича* (Лгр., 1924, «Прибой»); «Учение о реакциях человека» (Реактология) *К. Н. Корнилова*, т. I, 2-ое изд. (М., 1925 г.); «Психология и Марксизм», сборник статей под ред. *К. Н. Корнилова*; «Очерки коллективной психологии» *Л. Войтовского* в 2 частях (М., 1924 г.); «Рефлексология труда», сборник статей *В. Бехтерева*, *Васильева* и др. (М., 1926 г.); Крайне ценны и для социолога многие исследования *И. П. Павлова*, собранные им в сборнике «20 лет» (Лгр., Гиз. 1924 г.). Работа *П. Сорочкина* «Голод как фактор», судя по главам, опубликованным в «Экономисте» (1922, №№ 2 и 4-5) весьма содержательная, хотя и прошла предварительную цензуру и была напечатана (бо-

лее 30 печ. листов), в свет выйти не могла. Усиленно переводилась литература Фрейдовской школы, выходящая, как в особой «психологической и психоаналитической библиотеке» под ред. *И. Д. Ермакова*, так и в других изданиях. В этой же серии вышла, к сожалению, с громадными сокращениями книга *К. Юнга* «Психологические типы». Опыты А. Адлера пока не переведены. Остаются непереверенными и такие основные сочинения, как «Психология человеческого общества» Эльвуда, как «Коллективный мозг» Мак-Дугеля, как «Психология и общество» Ал. Фимера и др. Издана книга *Ф. Мюлер-Лиера* «Социология страдания» (Лгр, 1925)

Мало разрабатываются вопросы о влиянии внешней среды на человека, когда-то бывшие одним из предметов изучения А. И. Воейкова. Работы *А. А. Крубера* богаты материалом и по этому вопросу, но компилятивны. Между тем, за последние годы за границей появились ценные и оригинальные исследования *E. Semple*, *E. Hurlingham'a*, *Hellbach'a* Жана Брюна и К. Валло, переведена лишь книга *В. Р. Экардта* «Климат и жизнь» (М., 1925).

Своеобразно построена социология растений в «Учении о лесе» покойного *П. Морозова* (М., 1925, 2-ое изд., Гос.). Хорошо в ней выяснена и роль среды. Для человеческого общества такой работы вообще еще не проделано. Вышла 3-им изданием книга *В. Сукачева* «Растительные сообщества» (Лгр., 1926 «Книга»). Для сообществ животных все еще основным пособием остается старая книжка *Эспинаса*.

Вопросами о борьбе рас, как основной силе в истории, вслед за Гумпловичем усиленно занимается ныне проф. Ленинградского Университета *В. Г. Богораз - Тан*. Своего курса лекций он не напечатал, ограничившись пока журнальной работой. Вообще скудная литература на русском языке по этой теме, ничем пока не обогатилась. Отчего бы не перевести, например, книги Питтара «Расы и история» из прекрасной французской коллекции «Эволюция человечества» Бера?

Литература по национальному вопросу носит почти исключительно политический, партийный и даже агитационный характер. Для социолога — она только материал для изучения и выводов. Имеется сборник «Марксизм и национальный вопрос».

Большой интерес проявляется в России к вопросам евгеники, по которым образована даже особая комиссия при Академии Наук, руководимая *Ю. А. Филипченко*. Его работы, в т. ч. «Наследственность» (Гизд., 1926 г.) и книги *Т. Юсина* (М. изд. Сабашникова) весьма добротны.

Переведена книга *Т. Моргана* «Теория эволюции в современном освещении» (М., 1926, Гиз.).

Недавно вышла книга *Л. Патерного* «Проблема народонаселе-

ния с точки зрения марксистской социологии» с приложенном статье М. Гремяцкого (М., ГИЗ, 1926).

Наиболее обширна ветвь социологии, посвященная хозяйству. Так как мы посвятили экономической литературе особый обзор («Воля Россия», 1925 г., № 1), то на этот раз позволим себе на ней не останавливаться. Работ по социологии техники почти не появляется.

«Очерк материальной социологии» составил *Е. Энгель* (М., 1923, изд. Френкель). Смена форм общежития и собственности освещена в работе *К. М. Тахтарева* «Сравнительная история развития человеческого общежития и общественных форм» (Лгр., 1925 г. — 2 части). Университет Свердлова в Москве выпустил книгу *П. Кушнера* (Кнышева) «Первобытное и родовое общество» (М., 1925 г.). Переведена И. Степановым книга *Ф. Мюллер-Лиера* «Формы брака, семьи и родства» (Лгр. «Прибой», 2-ое изд., 1923).

Относительно много вышло работ о социальной роли права. Сюда относятся «Государство и революция» *В. И. Ленина* (М., 1918 г.); «Государство, буржуазия и конституция РСФСР» *М. Рейснера* (М., Гиз, 1923); «Проблемы марксистской теории права» *И. Разумовского*; сборники «Революция и Право» изд. Коммунистической Академией; «Революционная роль права и государства», П. Стучки, Е. Пашуканис «Общая теория права и марксизм» 1924 г. и т. д.

— Вопросы уголовной социологии не разрабатываются. Издан в Харькове сборник «Проблемы преступности» (1924), под тем же названием вышел в Москве I выпуск сборников под ред. Е. Ширвинта, Ф. Трасковича и М. Гернета (1926), но социология преступности лишь отчасти в них затронута, как и в сборнике «Уголовный мир Москвы» (М., 1924).

Не марксистских работ по социологии права за эти годы вообще не выходило. А марксистские работы о праве в большинстве так слабы, что перестаешь верить в то, что еще недавно могли у нас о социальной роли права писать Петражицкий, Гамбаров, Покровский. Что за провал произошел в научной работе!

Основной темой русская жизнь ставит проблему власти. Этот вопрос, однако, социология русская почти игнорирует. Кроме названной книги Ленина, да переводов книжек *В. Ратенау* и гильдейца *Коля* ничего сколько-нибудь значительного о государстве за 9 лет в России не появилось. Поэтому особенно своевременным оказалось бы появление переводов книг Визера «Закон власти», Москва «Политика как наука», Фэге «Культ некомпетентности», Шумпетера «К социологии империализмов», Кидда «Наука о власти», Шмана «Истинное государство». Также можно рекомендовать для перевода внешне хлесткую книжечку Жувене-

ля «Республика приятелей», во многом пополняющую классические книги Беджгата и Сиднея Лоу. Политическая социология еще в зародыше — поэтому особенно полезно прибегать к социологии. Литература по последней за эти годы в России и была очень обильна, издано не мало и дельных книг (увы, чаще переводных). Останавливаться, однако, на этой литературе — значит расширять наш и без того широкий подход к теме.

О социальных классах вышла книга *К. М. Тахтарева* (Общество, государство и законы борьбы классов), переведена работа *Зомбарта* «Буржуа», ждут перевода ценные книги шведского социолога *Фальбека*, особенно «Классы и общество». О социальном значении политических партий и их организации работ общего характера не выходило. Коммунистическая Академия выпускает теперь перевод классического труда *М. Острогорского*. Работы *Михельса* почему-то не переводятся.

Очень актуальный в современной социологии вопрос о роли общественного мнения, которому недавно обширный труд посвятил *Тениес*, в русской литературе затрагивался лишь в некоторых журнальных статьях. Вне поля зрения социологов был вопрос вообще об организационной роли идеологии. Труды *А. Богданова* «Наука об общественном сознании» (1923 г.), отчасти «Всеобщая организационная наука — текталогия» (3 изд., Лгр., 1925, «Книга») и пр. могли бы быть занесены в этот отдел, но они, так сказать, мета - социологичны. Космические масштабы, подавляющий универсализм эрудиции влекут к *Богданову* молодежь, принимающую самостоятельно грызть крепкие орешки социальной философии... Но подучившись молодежь к *Богданову* уже не вернется. Работ по социологии религии нет, не переводятся ни *М. Вебер*, ни *Трельч*, «отечественное же производство» ограничивается «безбожнической» литературой...

В эпоху, когда слово, пусть порабощенное, играет все-же большую роль, чем когда-либо, никто из русских социологов не занят социологией языка. «Очерк лингвистической технологии» *Г. Винокура* и филологичен, и злободневен. Очень много ценного почерпнет читатель о социальной роли слова и знаков в «Эстетических фрагментах» *Г. Шпетта* (вып. I! 1923 г. изд. «Колос»).

Вниманием пользовался вопрос о социологии искусства. Укажем книгу *Ф. Шмидта* «Искусство», «Социологический метод в литературоведении» *П. П. Сакулина*, сборник «Искусство и народ» (изд. «Колос» под ред. *К. Эрберга*), переводы книг *Гаузенштейна*. Социология искусства оказывается сравнительно нейтральным местом, где можно еще разговаривать людям разных общественных позиций. Одно время, в связи с появлением книги *Шпенглера* «Закат Европы», 1-ый том которой вышел в двух изданиях *Л. Френкеля* и *Academia*, вниманием пользовалась пробле-

ма культуры. Издательством *Academia* выпущен был и перевод книги *Шпенглера* «Прусачество и социализм». О книге Шпенглера издан сборник статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна. Вышел перевод книги Бумке о культуре и вырождении (М., изд-во Сабашникова, 1926 г.). Если бы у нас была к тому возможность, мы издали бы в переводе «Философию будущего — обоснование культуры» В. Зауэра. В отличие от Шпенглера, Зауэр заражает своим живительным радостным пафосом, которого так алчет современная ирелигиозная мысль.

Однако, мы уже на рубеже обществоведения и философии истории. Последней посвящено посмертное издание 1-ой части курса по методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского и специальная книжка *Л. П. Карсавина* (Петроград, 1921 г.) Отметим книгу коммунистического ревизиониста *К. Корша* «Марксизм и философия», (изд. «Книга», 1924). Интересная работа *К. Брейзина* о становлении истории не нашла в России даже отклик. Впрочем — чего удивляться, когда даже и основоположник контингентизма Ш. Ренувье все еще не дошел до русских читателей...

Рядом с философией истории должно еще быть построено знание социальной этики. Недаром Горланд написал «этику, как суд над всемирной историей». Весьма значительна книга покойного *П. И. Новгородцева* «Об общественном идеале» (М., 1918 г.). Книги П. Лаврова и П. Кропоткина отмечены выше.

Энциклопедии по социальным наукам не имеется, выпущена лишь «Энциклопедия государства и права» (пока вышли 4 выпуска). В программѣ Большой Советской Энциклопедии, рассчитанной на 30 томов (вышло 4) социологии вообще не отведено особого места: имеются отделы экономических наук (ред. Л. Крицмана), исторических и юридических наук (ред. М. И. Покровского), философии, логики и диалектического материализма (ред. А. М. Деборина) и т. д., но социологии нет.

Статьи по социологии появляются преимущественно в «Вестнике Коммунистической (ранее Социалистической) Академии», в журнале «Проблемы Марксизма», в «Записках Общества Марксистов» и др. Число таких статей не велико, а качество чаще не высоко. Следует, однако, отметить работу талантливого ученого Т. И. Райнова «Отчуждение действия», — она печатается в «Вестнике Коммунистической Академии». В настоящее время начинает выходить «Журнальная Летопись» (4 раза в год), которая будет давать систематический указатель статей и облегчит нахождение материалов и для социологов. Для наблюдения за книжной литературой необходимо пользоваться «Книжной Летописью».

Из библиографических указателей следует отметить: *В. Дур-*

деневский и С. Берцинский «Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918-1920)», (М. Гиз., 1925 г.); Б. С. Шлеерсон, «Опыт библиографии произведений Маркса и Энгельса в русских переводах» (М. Гиз., 1924 г.); В. В. Светловский, «Каталог утопий» (М., Гиз., 1923). Основные работы по социологии заносятся и в Библиографический Ежегодник И. В. Владиславлева (вышло 3 тома за 1921/2 г., 1922/23 и 1923/24 годы). Специально по социологии права некоторые указания можно почерпнуть из «Систем. указателя юридической литературы (январь 1923 г. — март 1926 г.)», В. В. Соколова (М., 1926).

Наш обзор отнюдь не претендует на полноту, но он дает возможность безошибочно охватить общую картину того, что делается и делается там — дома в области социологии, а, пожалуй, и предугадывать, что можно здесь ожидать в самом ближайшем будущем. Интересы к социологии и попечения о ней не являют даже и такие учреждения, как Коммунистическая Академия, на то призванная. Старая Академия Наук кафедры социологии не имела и раньше, но учредила ее теперь. Никакого плана работ по социологии никем не намечается. Вопрос о социологическом изучении русской революции интересует лишь немногих исследователей, сосредоточивших свое внимание, главным образом, на русской деревне (работы Большакова, Феноменова, Яковлева, Тана, Шафира и некоторых других). Даже русская фабрика оказалась забытой в отношении ее внутреннего уклада, быта ее рабочих. Не лучше обстоит с социологическим изучением других важных явлений социальной жизни: нэп, армия, народное здоровье, семья, школа, язык. По всем таким вопросам даже сырые материалы отрывочны, случайны... Их еще необходимо начать систематически собирать, предварительно тщательно обсудив программу работы. Удачным образом такой программы может служить исчерпывающе детальная программа «по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям», опубликованная С. Ереминым в «Краеведении» (том III, 1926 № 2). Вообще в сохранении и сортировке материалов роль краеведческих обществ громадна.

Но даже, когда материалы будут накоплены, и конкретная социология сможет развиваться нормально лишь параллельно с теоретической социологией. Отношение же к последней скорее пренебрежительное, как к заведомо «буржуазной» науке. Молодых исследователей — социологов нет, а весьма авторитетные представители Наркомпроса заверяют, что их вообще очень немного и что с «производством» их обстоит до нельзя неблагоприятно. Но и особых мер для устранения «ученого кризиса» не

принимается. Основная-же мера, может быть, здесь одна. Никакая область духовной жизни так не нуждается в свободе для себя, как область гуманитарных наук. Без свободы эти науки развиваться не будут.

Многие, вероятно, и не только среди коммунистов, думают, что России оные науки и не так надобны. Нужны-де техники, агрономы, врачи, — а без социологов обойтись можно. Экономисты и статистики родились в рубашке. Хозяйственные нужды безотменно повелевают верить обслуживание их людям сие разумеющим. Без цифр нельзя вести государственное хозяйство. Прочие области жизни не так вопиют о себе, а дитя не плачет — мать не разумеет. Приглашать же к тихому ребенку врача, как будто без большой надобности, подчиняться устанавливаемому врачом суровому режиму собственным родителям часто не по душе.

В половине прошлого столетия прусское правительство поручило медику Вирхову обследовать причину эпидемических заболеваний среди рабочих Верхней Силезии. Исполняя поручение, Вирхов представил программу мероприятий, необходимых для радикального устранения зла. В этой программе на первом месте стояли всеобщее избирательное право и всеобщее обучение.

Где те Вирховы, которым современное русское правительство поручит обследовать болезни русской жизни? Если бы эти Вирховы были призваны дать ответ, они должны были бы прежде всего написать требование:

науке — свобода!

Д. Лутохин.

Иностранная жизнь.

Экономика и политика итальянского фашизма *).

Я часто спрашивал себя, не легче ли писать историю даже самого отдаленного прошлого, чем современной нам эпохи. Прошлое лежит перед нами, точно труп на мраморном столе анатомического театра. Настоящее — живое существо; ему надо поставить диагноз, его будущее надо определить не убивая его, хотя, быть может, мы желаем, чтоб это настоящее поскорее умерло.

Фашизм... Сколько глупостей пришлось и приходится читать об этом явлении. А ведь зачастую их пишут люди, которые не сделали бы столько ошибок, если бы им пришлось говорить о временах Суллы или Наполеона. И какое непонимание причин и развития фашизма, хотя, казалось бы, они так ясны.

В последнее время, в Италии снова произошли ужасные события: возобновились те жестокости, которые были так типичны для начала фашистской атаки против свободы. Кровавая «черная хроника» еще не окончена — и в лето от Р. X. 1926 - начинается невероятная летопись военных судов, которые приближают мою бедную родину к временам царской России.

Совершенно естественно, что внимание широкой публики и ее ежедневных осведомителей было привлечено к этим захватывающим событиям. Поэтому для большинства остались в тени явления менее яркие, но отмечающие поворотный пункт в жизни итальянского фашизма.

«Вождь» и его преторианцы, в своем бешеном стремлении к власти, не удовлетворились возобновлением старых преследований и учреждением самодержавных законов, продиктованных

*) Настоящая статья написана для «Воли России» — Дж. Модилияни, одним из руководителей итальянского социалистического движения и депутатом Ливорно.

страхом перед покушениями. Они в то же время принялись проводить новую экономическую политику, которая, как и все глубокие явления, может разрушить те выгоды, которых фашизм ждет от убийств, от утраченного, от смертной казни и административных высылки.

Поэтому имеет большой смысл, хотя бы на короткий срок, перестать заниматься ужасами итальянского террора и постараться выяснить экономическое положение Италии за последние 3 - 4 месяца.

Прежде всего не надо забывать происхождение фашизма.

Италия знала два фашизма: один — бессильный и хаотический, родившийся во время войны, непосредственно связанный с бланкистской и пылкой психологией латинских стран; другой — фашизм правительственный, убивший своего отца.

Муссолини один из основателей первого; но он лишь оружие второго.

Так называемый левый фашизм был смутной и неудачной попыткой восстановить бывших фронтовиков и часть интеллигентов против рабочего движения. Его первое наиболее резкое выступление — разгром «Аванти» в апреле 1919 г. Провал Муссолини на выборах в Милане в ноябре 1919 г. (около 2 т. голосов на 500 тысяч избирателей — и что после того, как он привнес и потратил на избирательную кампанию миллион лир, собранных для Фиуме) обнаружил бессилие и разоблачил методы фашизма.

Муссолини его продал, неожиданно отказавшись от него, как он это сделал с социализмом в 1914 году: в 1920 он перешел к аграриям. Пятью или шестью неделями ранее он предлагал свое перо и газету рабочим металлистам, занявшим фабрики.

От... брака Муссолини с аграрной реакцией родился истинный фашизм. Психология и методы военного времени, поддерживаемые и направляемые итальянскими юнкерами — вот его метрическое свидетельство. Правительство было крестным отцом. Это последнее и очень важное обстоятельство, почти совершенно неизвестное за границей: фашизм второго издания с самого начала был правительственным орудием. Иными словами: помимо собственных сил, в его распоряжении всегда была вся сила государства.

Джиолитти первый решил использовать фашизм против социалистов. Правда, он не дошел до конца, как Муссолини, но в 1920 в 21 г. г. он, хотя и тайно, стремился подчинить Италию аграриям в фашистской одежде.

Затем ложный стыд был сброшен, и в 1922 г., при министерстве Факта, правительство по существу передало власть в руки фашистов еще за несколько месяцев до «похода на Рим».

Демократы и католики, бывшие союзниками фашизма, на-

деялись, что им удастся создать режим «демократии с плотинами», при котором все права и свободы были бы предоставлены их сторонникам и отняты у «врагов порядка».

Они не поняли, что бессмысленно и нелепо, признавая основные принципы общественной жизни — демократию, право критики и исследования и т. д., — пытаться в то же время применять их «по капле» или дробя их на части. Правда и итальянский пролетариат, со своей стороны, должен был бы понять, что он губит себя, отбрасывая к фашизму те демократические силы, которые ему следовало бы собрать вокруг себя. Для этого ему следовало бы выработать не программу политики будущего, а политики возможного. Все это отнюдь не исключает того, что вина демократов и католиков была гораздо тяжелее: они не только разорвали с пролетариатом, но и соединились с фашистами. И после похода на Рим, Муссолини мог включить в свое первое министерство и демократов и католиков.

Не прошло и года, как и те, и другие сумели убедиться, чего стоит их «демократическая политика плотин». Вырвав у них подписи под декретом о свободе печати и поставив их перед новым избирательным законом, благодаря которому фашизм «легально» завладевал парламентом, Муссолини грубо прогнал их. Затем он составил исключительно фашистское министерство и в апреле 1924 года провел выборы столь же против католиков и демократов, сколь и против социалистов.

Свобода умерла для всех. И все оказались под почти одинаковой угрозой преследований, убийств и жестокостей.

Убийство Джакомо Маттеотти вызвало на Авентинуме (так называли анти-фашистскую оппозицию) общность протеста, нравственного отпора и иллюзий победы. Но здесь соединились остатки армий, которые позволили разбить себя каждая в отдельности. Им оставалось только спасти свою душу, пригвоздив фашизм к позорному столбу истории и не сдаваться, чтобы сохранить свои права на будущее.

История отметит, что после нелегкой победы над социализмом, фашисты опрокинули демократию. Фашисты — но кто они? Какие интересы и чувства руководят ими?

Имея в виду и национальные отличия, и послевоенную психологию, и особенно шовинистическое и «классическое» воодушевление мелко-буржуазной молодежи, — надо все же в другом месте искать глубокие корни и силы, пустившие и взрастившие реакционный фашизм. Именно потому, что эти силы не оказали поддержки «левому фашизму», последний погиб таким жалким образом.

За деятелями фашизма «второго издания» стояли руководители экономической жизни страны, вырабатывавшие планы сражений и пожавшие наиболее крупную добычу. Если не считать ошибки и безрассудств внешней политики, всего значения которой они до сих пор еще не усвоили, — именно эти люди все подготовили и организовали во имя личных и классовых интересов. Едва вышедшие из скорее до-капиталистического, чем истинно капиталистического периода, лишенные «большой» традиции, связанные общими условиями послевоенной Европы не менее, чем бедностью своей страны, они всегда мечтали о политике искусственного обогащения себя самих и страны при помощи государственного вмешательства.

Конца эта мечта столкнулась с бурными требованиями вернувшегося из окопов пролетариата, то самая искусственность ее социальных потроений подсказала руководящим кругам итальянской буржуазии их линию поведения: сломить пролетарское движение (независимо от того, большевистское ли оно или социалистическое) и подчинить все и вся воле тех, кто считал себя единственно способными возродить Италию после испытанной войны.

Страсть к наживе, бессовестное стяжательство соединились у них с своего рода социальным мистицизмом: если бы у меня было больше места, я сравнил бы его с мистицизмом тех, кто, три или четыре века тому назад, руководил преследованиями еретиков, или с мистицизмом генералов, посылающих солдат на верную гибель, подгоняя их страхом казни, и не обращающих внимания на жертвы ради достижения цели, которая знаменует собою и победу и личную славу.

Аграрии начали, промышленники продолжали. И те, и другие истратили миллионы на гражданскую войну, полностью оправданную в их глазах вмешательством государства и их собственным интересам. Они давали деньги, чтобы прекратить большевистскую пропаганду, чтобы поджигать кооперативы и социалистические народные дома и громить партийные секретариаты и редакции. И они продолжали давать, когда спущенные с цепи звери бросились на католиков и демократов, на учителей и священников.

Adveniat regnum nostrum! Да придет *наше* царство! Они ни на минуту не сомневались, что оно будет военным, особенно с тех пор, как *их* религия благословила на труды, а Римская церковь открыто заявила, что прежнему „*Gesta dei per francas*“ соответствует новейшее „*Gesta dei per fasciçtes*“ деяния божия ради фашистов).

И, конечно, новые и истинные владыки моей несчастной родины не остановились перед трупом социалистического депутата. Царство... земное стоит трупа. И все те, кто финансировал

убийства, открыто стали на сторону убийц Маттеотти как раз в тот момент, когда Авентинская оппозиция опубликовала свое обвинение против Муссолини.

Но так как никогда не следует забывать о делах, они заставили заплатить за свою поддержку, которая, в сущности, являлась «вводом во владение». Именно в это время — июль 1925 г. — один из их людей, граф Вольпи (он - то далеко не мистик!) сделался министром финансов.

Вот это - то и было истинным походом на Рим.

В результате него не будет ли осуществлена безграничная свобода для классовой олигархии? Не появится ли в 20-м веке режим, удивительно напоминающий греческую деспотию или римскую империю, в котсрых, над огромным адом рабов, возвышался маленький рай свободных.

Нет, руководители итальянской экономической жизни, до сих пор больше всех остальных наживавшиеся на фашизме, особенно промышленники и банкиры, уже начинают спрашивать сами себя (хотя они и делают вид, будто ничего не происходит), не пришел ли и их черед. Безнравственная и антисоциальная утопия свободы и демократии с плотинами грозит рухнуть и предать своих же собственных творцов, тех, кто первые бросили ее лозунги. Они уже ранены тем оружием, которым сами убивали и ранили.

Когда граф Вольпи был назначен министром финансов, финансовое возрождение государства было несомненным фактом. Конечно, это отнюдь не было результатом начинаний и методов фашизма. Уже во время войны в Италии прекрасно знали, что население должно оплачивать — и чем скорее, тем лучше — все расходы государства. После войны Нитти и Джолитти безжалостно провели демобилизацию и налоговое обложение. До прихода Вольпи — с его репутацией дельца, облеченного доверием банков и промышленности, — фашисты ограничились тем, что продолжали финансовую политику своих предшественников. И так как она в конце концов достигла поставленных себе целей, в июле 1925 года Вольпи было поручено не только поддерживать равновесие и финансовое оздоровление, но и придать итальянской экономической политике действенный характер: до этого времени она воздерживалась от смелых шагов, стремясь, прежде всего, к бюджетному равновесию. Нужно было как можно быстрее перенести весьма тяжелое налоговое бремя с производителей на потребителей, при помощи всех видов протекционизма вознаградить истинных господ положения за те налоги, которые им все же пришлось бы платить, дать им возможность воспользоваться ликвидацией остатков после военной эпохи и передачей государством общественных служб и работ частным предпринимателям.

Наконец, предполагалось установить денежную политику, которая лучше всего обезпечила бы интересы достаточных друзей и высоких покровителей господина министра финансов.

И вот был уничтожен налог на наследства близких родственников и уменьшен налог на недвижимость. — При этом увеличались внутренние пошлины: были восстановлены таможенные права областей и коммун на хлеб и муку (это составило 4 миллиарда лир за урожай 1925 г. и за запасы муки). Таможенные пошлины были приспособлены к требованиям протекционизма, — денежное обращение поддерживалось на определенном уровне во избежание промышленного и торгового кризиса.

В течение нескольких месяцев все шло как по маслу. Лозунг «обогащайтесь» имел огромный успех. Дипломатические удачи Вольпи в Лондоне и в Вашингтоне в деле урегулирования военных долгов не принесли в сущности особенно крупных результатов, но их было достаточно, чтобы прибавить к богатству и немного славы (весьма преходящей, ибо она окончится вместе с платежом первых, очень низких взносов). Начался золотой век: вождь и его присные во всех речах и интервью приводили цифры общественных работ, поставленных очень широко для облегчения безработицы. Говорили даже об исчезновении безработицы и классовой борьбы.

Но подобная политика, естественно, имела и свою обратную сторону. Увеличивалось обогащение за счет государства, но было трудно облегчить налоги. И под их тяжестью падали слабые: статистика показала увеличение банкротств. А те, кто шатался или падал, кричали очень громко, хотя некоторые и полагали, что банкротства — лишь запоздалая чистка паразитных предприятий послевоенного времени.

А цены продолжали расти.

При режиме удущения печати нельзя было указать, что здесь играют роль и причины общего характера, как, например, полный разгром кооперативного движения, произведенный фашистами в интересах мелких торговцев. Нельзя было говорить и о все более укреплявшемся союзе между посредниками, перехватывающими жирные куски в деле передачи продуктов от производителя потребителю. Чтоб заглушить протесты предложили промышленникам и общественным учреждениям открыть магазины для продажи продуктов первой необходимости по низким ценам. Но эти предложения не могли осуществиться при режиме, при котором те, кто более всего в них заинтересованы, подвергаются преследованиям и должны жить с кляпом во рту. И цены продолжали повышаться.

Налоги же уменьшаются; цены растут: *по необходимости* увеличивается и заработная плата, — этого было совершенно достаточно, чтобы вызвать волнение среди промышленников, для

которых к тому же оказались закрытыми иностранные рынки во время падения франка. Они потребовали увеличения денежного обращения, чтобы получить новые кредиты.

Вождь ответил им речью в Пезаро, в которой, ничуть не смущаясь, повторил урок, заученный им от новых своих советчиков: надо решительно противиться экономической политике банкиров и промышленников ради удовлетворения средних классов, жаждущих низких цен во что бы то ни стало. Поэтому — никакого увеличения эмиссии; наоборот, резкое сокращение для поднятия курса лиры и понижения цен. Муссолини ведь обещал два года тому назад повышение ценности лиры. Делом его чести (а это решительный довод для такого государственного мужа, как он) было по крайней мере прекратить ее понижение . . .

По всей вероятности это привело бы к кризису и безработице: но Италия обладает правительством, которое без страха и колебания сумело бы сломить всякое сопротивление.

Режим преторианцев с вождем во главе, готовым служить, если это выгодно, но более всего заботящемся о своем личном престиже; этот режим пошел против своих собственных господ, его создавших и поддерживавших. Последние плотины грозили падением под напором ландскнехтов, руководимых вождем и наускиваемыми криками толпы. Убитая свобода точно делала страшную гримасу тем, кто недавно гордился, что топтал ее ногами.

Нужно сейчас же прибавить: капиталисты с'умели быстро оправиться от этой неприятности. Граф Вольпи, подавший в отставку, тотчас же после Пезарского выступления, должен был взять ее обратно. Но энергичные дефляционные декреты, опубликованные после Пезаро, были тотчас же дополнены и исправлены так, что это обеспечивало покой крупных промышленников. И если сентябрь знаменуется резкими скачками курсов на бирже, октябрь уже не несет никаких новых неприятностей финансистам режима. Им дали все, чего они хотели.

Но все же удар был сильный. Хотя и не произошло общего разгрома, однако, потери были чувствительны. Достаточно сказать, что в среднем акции анонимных обществ упали со 143 (октябрь 1926) до 123 в сентябре и 111 в октябре. И нечего утешать пострадавших от этого падения ценных бумаг тем, что они частично вознаграждены повышением курса лиры. Они справедливо ответят, что так как цены не понизились, падение акций приводит фактически к потере капитала.

Для того, чтобы приписать себе честь повышения лиры и снискать симпатии всех, кто ждет понижения цен, фашистские преторианцы зашустыли руки в денежные мешки капиталистов.

Но вот что всего хуже: цены не понижаются. Приведем несколько цифр из официальных статистических данных об оптовых ценах на продукты первой необходимости:

Июнь — 708, июль — 724, август — 740, сентябрь — 731, октябрь — 712. А в то же время, как заявил в Высшем Экономическом Совете министр торговли Беллуццо, 7 декабря текущего года, индекс дороговизны жизни продолжает повышаться и дошел с 645,2 до 661,7.

Нужно отметить и повышение (правда, очень незначительное — с 556 до 602) индекса заработной платы: рост цен заставил работодателей сделать в малой мере то, чего рабочие организации добились бы в гораздо более широком объеме... если бы они существовали.

Легко понять, что после удара с дефляцией банкиры и промышленники потребовали от государства оплаты государственных облигаций, так что в конце октября в Казначействе оставался лишь денежный запас в 61.850.80 лир — сумма, которой едва хватило бы, чтобы купить немного табаку милиции.

Тогда снова был объявлен переворот: двадцать один миллиард внутреннего займа не будет заплачен в срок. Эти облигации будут заменены казначейскими бонами той же номинальной стоимости: но совершенно ясно, что эта консолидация нанесет многомиллионный ущерб старым держателям государственных облигаций в момент обмена их на деньги.

Уже сделаны некоторые попытки, чтобы сделать менее чувствительными удары, которые эти меры могли бы нанести финансированию торговли и промышленности. Но никакими выдумками нельзя изменить того факта, что фашисты снова ограбили ради собственных политических расчетов финансировавшие их круги.

Возможно, что эти расчеты окажутся неправильными, особенно если не удастся помешать новому падению курса лиры. Но, если даже — что весьма сомнительно — и удастся понизить цены — ведь все равно эта фашистская политика будет хорошим уроком для итальянского капитализма. Он увидит, что было утопией надеяться, будто антидемократический режим, широко применявший самые худшие виды насилия против известной категории людей и идей, способен удержать развязанные им грубые силы перед дверьми (а особенно перед кассами) господ финансов.

Функция усиливает орган. Режим тирании естественно разрушает все плотины, которыми реакционный индивидуализм надеется остановить его разлив. Не случайным является соответствие между экономической политикой, о которой я только что говорил, и бурей легального и нелегального насилия, вслед за последними покушениями. И в том, и в другом случае, режим одинаковым способом отвечает на все, что не желает подчиниться

его воле — будь то воля, поддержанная длительной подготовкой, или же внезапное желание «кондотьера», с восторгом принимающего все, что, как ему кажется, способно хоть на день увеличить его авторитет.

Провинциальные политики и сомнительные дельцы, не видящие ничего, кроме своих мелких интересов, всегда находят в окружении вождя необходимые им «каналы». И все те, кто наживается на фашизме, всегда достигают разных «соглашений» с вождем и его друзьями. Не так обстоит дело для руководителей и представителей коллективных интересов. В то время, как при режиме свободы и демократии, коллективные интересы даже меньшинства имеют все возможности отстаивать самих себя, при фашизме или приходится сталкиваться с невежеством тайных советников режима и с бессовестностью своих конкурентов.

Свобода и демократия гораздо лучше обеспечивают развитие всех видов социальной энергии. И это обеспечение стоит отказа от мечты, будто насильем можно избежать изменений, являющихся законом и целью общественного развития.

Постепенный провал политики «свобода для привилегированных» — вот урок, вытекающий из поражения итальянского пролетариата и демократии.

Не прибавится ли к этому уроку еще одна глава, та самая, которую фашисты как будто хотят продиктовать даже самим руководителям итальянской экономической жизни? На это можно надеяться.

Страдание умудряет людей. А страдания бумажника причиняют ужасную муку. После таких испытаний итальянцы по всей вероятности сами себя спросят, не виновен ли в них режим, который они терпят.

Этот режим находится в противоречии со всем остальным миром. Он требует много денег, которых не надо было бы тратить, если бы не было его политики угроз. Он обещает всемирное владычество, но покамест теряет иностранные рынки. Он обязался охранять капиталистов от требований снизу, но обрушил на них огромную тяжесть сверху. Этот режим грозит все передать в руки своих солдат — казармы, печать, бюрократию, железные дороги, таможи, почту. И, наконец, он склоняется перед церковью, которая наводняет все — дойдя до монополии школы и общественного мнения.

Не надо думать, что руководящие капиталистические круги Италии так скоро и в столь широкой мере поймут всю правду о режиме, который они же сами создали: это потребовало бы отказа от слишком многих завоеванных позиций, это грозило бы черезчур серьезными моральными и материальными жертвами.

Поэтому следует ожидать и компромиссов, и колебаний. Я пытаюсь выяснить положение, подающее нам надежды — но я отнюдь не хочу питать иллюзий. На горизонте рисуется кризис — это несомненно. И признаки его не только в насилиях или «защитительных» мерах режима: имеются более глубокие доказательства того, что режим неспособен осуществить утопию «привилегии свободы» для одного класса, во имя рабства другого. Подобные привилегии невозможны в обществе, которое нуждается в работе всех для повышения производительности.

В таком обществе всякое сокращение свободы или уничтожение демократии (а это одно и то же) приводит к сокращению производительности.

Другие страны поняли это с меньшими страданиями, нежели Италия. Быть может у Италии поистине та судьба, о которой говорил Дант:

*„le genti a vincer nata
e nella fausta sorte e nella ria“*

(«рожденная превосходит остальные народы и своими удачами и своими несчастьями»).

Хотелось бы верить, что в настоящее время в Италии, многие из тех, кто посеял страдание, начинают сами и страдать, и понимать.

Джузеппе Модилляни.

Политические партии в Грузии.

I. СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ.

а) Первые шаги.

Свой обзор я начну с СДРП, во-первых, потому, что исторически это первая организованная в Грузии партия, во-вторых, и главным образом, потому, что она была и остается наиболее сильной и влиятельной грузинской партией в продолжении почти 30 лет.

Правда, формально, как грузинская СДРП, она не насчитывает даже одного десятилетия, так как свое теперешнее название и организационную самостоятельность она получила только в 1918 году, после объявления независимости Грузии. Но по существу, фактически, она насчитывает уже не менее 3 десятков лет своего существования.

Зарождение политического течения, из которого впоследствии возникла Социалдемократическая Партия, относится к 90-ым годам прошлого столетия. Это политическое течение носило легально своеобразное имя: «месаме даси» («третья группировка») в отличие от двух основных течений грузинской общественности того времени: феодально - консервативного и либерально - демократического, находившегося под сильным влиянием русской народнической интеллигенции.

Называлось оно также марксистским или «Квалистским» по имени еженедельника («Квали» — «Гряда»), вокруг которого группировались его сторонники.

Основателем первой группы считается безвременно погибший талантливый беллетрист Игн. Ниношвили, на могиле которого в 1893 году группа получила свое официальное, так сказать, крещение.

В эту группу входили ряд будущих вождей и руководителей с. д. движения, как С. Джигладзе, Н. Жордания, Н. Чхеидзе и др.

С самого начала группа стала развивать свою деятельность в двух направлениях: легальная защита марксистской теории материалистического понимания истории, классовой борьбы и проч., съ одной стороны и выдвигание принципа самостоятельности народных масс, требование демократизации общественных учреждений, были ли это народные театры, общества грамотности, воскресные школы, народные дома и т. п. с другой.

Параллельно с этим шла нелегальная работа среди рабочих, устраивались кружки и готовились рабочие с.-демократы.

К концу девяностых годов нелегальные организации уже праздновали первое мая, а в 1901 году имело место первое открытое выступление рабочих на улицах Тифлиса с красными знаменами. К этому времени появляется уже ряд нелегальных брошюр и нелегальный журнал «Борьба» («Брдзола»).

С. д. организации уже имелись в это время почти во всех промышленных центрах, как в Грузии, так и всего Закавказья. Я имею в виду особенно Баку, с его нефтяными промыслами и десятками тысяч рабочих.

Организации носят интернациональный характер, включая в себя с самого начала рабочих разных национальностей, объединенных работой у станка. Листки, воззвания и т. п. выходили одновременно на четырех языках: русском, грузинском, армянском и тюркском, хотя для последнего, особенно в начале трудно было найти сколько нибудь грамотного переводчика и наборщиков.

Условия для развития революционного движения среди разных народов Закавказья были неодинаково благоприятными. Сильнее всего было движение в Грузии, где оно охватывало как рабочие, так и крестьянские массы, слабее всего среди мусульман. Грузинское рабочее движение при таких условиях естественно доминировало в Закавказье и вожди его тем самым стали вождями всего закавказского рабочего движения.

Первое областное объединение закавказских соц. - демократических организаций — Закавказский Союз РСДРП, основанный в 1902 г. на две трети состоял из грузинских с. д.

Разноплеменный состав организаций до известной степени являлся тормазом в работе, требуя ведения собраний на 2-3-х языках с бесконечными переводами и переводчиками; но зато самый факт совместной борьбы рабочих разных национальностей, общность задач и целей, окрылял чувством взаимной солидарности, внушал бодрость и веру в победу своего дела.

2. В. Р. С. Д. Р. ПАРТИИ.

В течении всего периода борьбы с царизмом грузинская социал-демократия оставалась в рядах Р. С. Д. Р. П. Вместе с нею пережила она годы упадка и подъема, революции и реакции, внутренних раздоров и фракционной борьбы, вместе с нею преодолевала все болезни роста и ненормального бытия. Она ни разу не выставляла требования особых прав себе, или автономии. Общие рамки партийной демократии давали ей достаточно простора для своей деятельности на национальной почве.

Будучи органически связана с всероссийским движением, она отнюдь от этого не теряла своего глубокого национального характера и значения. Наоборот, благодаря этому обстоятельству рабочий класс Грузии не только теоретически, но и практически получал уроки интернациональной общности классовых интересов и приобретал понимание общечеловеческих задач, которые история возложила на пролетариат.

И весь грузинский народ проникался тем же чувством братства и солидарности, которые сделались чуть ли не его национальной чертой.

Я говорю — весь народ, так как еще в начале XX столетия, при первых же раскатах революционного движения почти все демократические слои были захвачены им и почти все они стали под знамена социал-демократии.

Характерно, что социал демократия господствовала не только в рабочем, но и в аграрном движении, которое уже в 1902-5 годах приняло огромные размеры и привлекло к себе всеобщее внимание.

По существу крестьянское движение было направлено к уничтожению экономически и морально тяжелых форм кабальной зависимости от феодалов, форм, унаследованных от эпохи крепостничества: аренда исполу, унижительное обязательство угостить по феодальному обычаю землевладельца, поднести определенные подарки его управляющему; во время жатвы покорно ждать прибытия владельца и охранять скирды в поле целыми неделями, пока феодалу заблагорасудится вернуться с «интересной» охоты над перепелами — все это было и разорительно и невыносимо, в виду вопиющего противоречия с новыми условиями денежного хозяйства, далеко проникшего в жизнь деревни.

Неудивительно, что аграрное движение прежде всего и сильнее вспыхнуло именно в Озургетском (Гурія) и Кутаисском (Ижняя Имеретия) уездах.

То обстоятельство, что это движение стало под знамена рабочей партии объясняется двумя причинами: с одной стороны тем, что значительное количество малоземельных крестьян шло в го-

рода на заработки, где знакомилось с городским рабочим движением и возвращалось, проникнутое его идеями. А, с другой стороны, тем, что сами городские рабочие Грузии еще не утратили своей связи с деревней, где у них имеются — отец, брат, клочек земли, и потому близко принимали к сердцу ее интересы. Так, гурийское крестьянское движение, удивлявшее своим массовым и организованным характером в значительной, если не в большей степени обязано этими чертами влиянию батумских рабочих (нефтяные заводы Ротшильда, Нобеля и др.), большинство которых были из этой области.

Социал-демократия руководила в Грузии не только революционным движением. Группируя вокруг себя, главным образом, вокруг своей легальной прессы (которая, кстати сказать, почти никогда не прекращалась) широкие слои демократической интеллигенции, партия развивала энергичную деятельность во всех областях культурно - просветительного и экономического строительства. На ряду с устройством забастовок, демонстраций, митингов и такие отрасли, как распространение грамотности, открытие народных школ, устройство народных библиотек и читален, пропаганда и учреждение кооперативов, мелкого кредита и проч. находили инициаторов и энергичных работников в лице членов партии или сочувствующих.

И эту легальную работу партия считала ценной само по себе, самодовлеющей, но вместе с тем такой, которая вполне соответствовала и революционным задачам — организации масс для ниспровержения царизма и замена его действительно демократическим государственным строем.

И социал-демократия, ведущая эту разнообразную, разностороннюю деятельность, охватившую огромное большинство населения, все его трудовые элементы, тем самым превращались в действительно национальную по существу партию.

Широкое влияние социал-демократии проявилось уже в 1905 году. Уже тогда в так называемую кампанию по введению земства большинство выборных от населения, призванного высказаться по данному вопросу, оказались социалдемократами.

В конце того же года во время армяно - татарских столкновений, перекинувшихся из Баку и Елизаветполя в Тифлис, задача умиротворения кровавой распри была самым заместником Кавказа поручена социалдемократической партии. Организация получила оружие, под ее руководство были отданы воинские отряды и патрули, охранявшие город. Социалдемократии действительно удалось внести успокоение и кровавое столкновение было вскоре прекращено...

Если с нею считались в эпоху подъема народных движений, то тем беспощаднее расправлялись в тяжелые годы реакции.

Движение в Грузии всегда шло в ногу с общероссийским.

Знаменитая забастовочная волна 1913 года, прокатившаяся по всей южной России, перекинулась и в Закавказье, втянув в свой поток даже небольшие города и местечки, не говоря уже о таких центрах, как Тифлис, Батум, Чиатуры и др. Весь 1905 год брожение было всеобщим. Власти в городах еще держались, но в деревнях были фактически упразднены. Администрация и суд — бездействовали. Народ сам управлял собой, сам вершил свои дела. И социалдемократические организации учили их на практике демократическим формам самоуправления. После поражения московского декабрьского восстания, Грузия еще несколько недель держалась с оружием в руках.

Но за это страна подверглась страшному опустошению. Карательные экспедиции генералов Алиханова - Аварского, Крылова и др. сожгли до тла ряд городов и деревень, расположенных вдоль железнодорожной линии.

Революционный дух народа остался все же непоколебим. И это выяснилось при выборах в первую Государственную Думу.

Грузинские районы послали почти исключительно социалдемократов. Господство социалдемократии среди населения оказалось бесспорным. Та же картина повторилась и при последующих выборах в Государственную Думу следующих созывов.

Тифлис, столица Грузии, тогда политический центр всего Кавказа, неизменно оказывал свое доверие представителям социал-демократии.

В общем на территории Грузии (Тифлисская и Кутаисская губ., Батумская область, Сухумский округ) было выбрано:

В 1-ю Государственную Думу (1906 г.) (из 7 деп.) соц.-демократов — 5, соц.-федералистов — 1, консерватор — 1.

Во вторую Гос. Думу (1907 г.) все 7 социал. демократа.

В третью Гос. Думу (1907 г.) из 3 депутатов *) 2 соц.-демократа и 1 консерватор.

В четвертую Гос. Думу 1912 г. — 2 соц. демократа и 1 соц. федералист.

Таким образом, годы реакции не могли поколебать влияния социалдемократии в Грузии.

Известно, что председателем социалдемократической фракции всех дум были грузинские социалдемократы: Н. Жордания в первой, Ир. Церетели во второй, Н. Чхеидзе в 3 и 4-ой.

Я не буду касаться здесь деятельности социалдемократической фракции и вообще всей той огромной работы, которую вели грузинские социалдемократы во всероссийском масштабе. Отмечу лишь, что в годы революции 1917 года в ее первый, добольшевистский период, Грузия дала такие имена, как Ир. Г. Церетели,

*) По закону 3 июня 1907 г. на грузинскую территорию приходилось всего 3 депутата.

Н. С. Чхеидзе, Председатель Всероссийского и Петербургского Своегов Р. и С. Депутатов.

Я хотел бы еще подчеркнуть, что эти вожди были взращены на почве грузинского рабочего движения, разрыхленного и вспоенного грузинской социалдемократией, что глубокая, тесная связь с движением дала им силу сыграть ту роль, которая выпала на их долю.

Понятно, что в самой Грузии, как до, так и после большевистского переворота руководство всей национальной жизнью грузинского народа сосредотачивалось в руках социалдемократии.

Отмечу здесь же еще одну особенность грузинского социал-демократического движения. Широкое руководство народной жизнью было немислимо без повседневной печати. Созная это, социалдемократия прилагала все усилия, чтобы иметь такую и она, действительно, имела ее даже в мрачные годы реакции и за время войны. Мартиролог этой прессы мог бы составить интересную главу в борьбе за свободное слово. Неимоверная энергия и бесчисленные жертвы приносились на алтарь ее существования. Газеты закрывались почти каждый месяц, редко через 2-3 месяца, часто через 2-3 номера. Официальные редакторы неожиданно попадали в тюрьму, где их накоплялось десятки. Вес состав сотрудников и служащих нередко разделял судьбу своего редактора. Типография и помещение редакции опечатывались, рукописи и другие материалы забирались полицией. Все приходилось налаживать за-ново. При таких условиях легальное издание, понятно, часто ютилось в небольшой, полутемной комнатке, иногда в подвале, а сотрудники собирались на частной квартире полуконспиративно. Но все же находились новые кадры самоотверженных редакторов и сотрудников. Рабочие организации, свыкшиеся с ежедневной печатью, неизменно приходили на помощь своими трудовыми грошами и через какую нибудь неделю, а иногда и на другой-третий день, если разгром был неполный, новая газета заменяла только что закрытую.

3. В НЕЗАВИСИМОЙ ГРУЗИИ.

26 мая 1918 года была объявлена независимость Грузинской Демократической Республики.

Развал России под ударами большевиков, анархия и гражданская война с одной стороны, наступление турок — с другой, создали ту историческую обстановку, при которой это радикальное решение диктовалось самой жизнью, инстинктом самосохранения, особенно после того, как опыт с федерацией закавказских народов оказался преждевременным, а перед лицом внешней опасности несостоятельным.

Грузинская социалдемократия до этого момента никогда не выступала с сепаратистскими требованиями. Правда, за последние годы до революции национальный вопрос стал выдвигаться со все большей настойчивостью. Формы национального сожительства разных народов Закавказья и всей России живо обсуждались в прессе и на местных конференциях и съездах, но окончательного решения не получили.

История сама продиктовала решение и при том такое, которое менее всего пользовалось популярностью.

Запрошенные за несколько дней до 26 мая социал-демократические организации в подавляющем большинстве высказались за объявление независимости. И их решение было торжественно подтверждено через несколько месяцев единогласным вотумом свободноизбранного Учредительного Собрания, утвердившего акт 26 мая.

С этого времени начинается независимое существование и социал-демократической партии Грузии, которое было оформлено на первом учредительном конгрессе Грузинской С. Д. Р. Партии осенью 1918 года. В скором времени она была признана и принята, как самостоятельная секция, в Рабочий Интернационал при братском содействии русских социалистических партий.

С первых же дней ей пришлось взять на себя совершенно необычную для социалистической партии задачу — строить национальное государство и при том в стране, окруженной со всех сторон анархией, волны которой время от времени захлестывали и ее. Интернациональный характер партии и вся ее прежняя деятельность естественно накладывал особую черту и на новую работу.

Судьба грузинского народа с самого начала была целиком в руках социал-демократии. Еще в Национальном Совете, который являлся временным парламентом Грузии, социалдемократы, по соглашению с партиями, получили 3/4 всех голосов, 75 из 100. Но выборы в Учредительное Собрание Грузии, состоявшееся в феврале 1919 года, показали, что эта норма отнюдь не была преувеличена. Из 120 депутатов при пропорциональных выборах на долю социал-демократии пришлось 103 места, т. е. более 85%.

Несмотря на подавляющее большинство, партия все же нашла более целесообразным использовать для укрепления первых шагов нарождающейся государственности все живые силы страны. Первое национальное правительство было составлено на коалиционных началах. В него входили — 5 соц.-демократов, 2 соц.-федералиста, 1 соц.-революц. и 1 национал-демократ. Только после созыва Учредительного Собрания организовалось чисто социал-демократическое министерство.

Три года просуществовала независимая республика Грузии. И за это короткое время было осуществлено не мало: во внешней политике, несмотря на неизбежные в такое смутное время конфликты и столкновения, удалось наладить мирные отношения со всеми народами Закавказья и заключить с ними договоры об арбитражном мирном разрешении всех спорных вопросов. Внутренняя законодательная работа выразилась в введении демократического самоуправления, являвшегося единственным представителем власти на местах. Были выработаны основы автономного устройства окраин и признаны права национальных меньшинств на пользование родным языком, устройство национальных школ и развития своей национальной культуры. Все это закрепила конституция страны.

В области социальных реформ осуществлены: конфискация помещичьих земель и передача их частью в собственность крестьян с возмещением расходов по передаче, частью местным самоуправлениям и земствам; леса же, воды, недра и ценные ископаемые общегосударственного значения отошли к государству. Введен 8-ми часовой рабочий день, страхование рабочих от несчастных случаев, болезни, старости и безработицы, гарантированное конституцией, требующей откладывания на эти цели определенной части бюджета.

В области народного просвещения главное внимание было обращено на развитие сети народных школ, увеличение числа средних учебных заведений; был выработан и утвержден «Устав Университета», предоставляющий ему автономное устройство.

Наряду с этим было увеличено число мировых судей, которые должны были заменить так называемых сельских судей (сословное учреждение, непопулярное), введен суд присяжных.

Были предприняты также ряд шагов по улучшению финансово-экономического положения страны, привлекались иностранные капиталы, восстанавливалась промышленность и т. п.

Государственный аппарат был уже налажен и жизнь входила в нормальную колею, когда большевистское вторжение в 1921 г., оккупация страны красной армией положили конец этой деятельности.

4. ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ.

Большевики принесли и свои методы управления. Вся общественная жизнь была задушена. Социалдемократическая партия, насчитывающая до 80.000 членов и собравшая на выборах свыше полмиллиона голосов вдруг очутилась в нелегальном положении.

Дальнейшая история партии — это сплошной мартиролог ее.

Большевицкая власть видит в ее лице опаснейшего противника и, разумеется, не щадит средств для ее уничтожения. Население же по прежнему вновь объединяется вокруг социал-демократии, идет за ее лозунгами, прислушивается к ее директивам.

Борьба с партией становится идентичной борьбе со всем народом, тем более, что и другие политические партии тоже группируются вокруг социалдемократии.

Известна кровавая борьба и жесточайшая расправа Чеки над населением, особенно над социалдемократией.

Конечно, не наша партия хотела этого, огни гражданской войны никогда не были для нее притягательными. Наоборот, социалдемократия, охраняя живые силы народа и зная натуру беспощадных завоевателей, всеми мерами старалась удержать массы от таких шагов, которые могли бы дать повод к кровавой расправе. В первые же месяцы после водворения оккупационных властей социалдемократическая партия, отдавая себе отчет в создавшемся положении, старалась найти сколько нибудь сносный *modus vivendi* с большевицкой властью. На собрании 7 апреля 1921 г. была вынесена резолюция о том, что, считаясь с совершившимся фактом, партия находит возможным предложить своим членам лояльное сотрудничество с властью во всех сферах культурной и экономической жизни страны, если только со стороны власти будет выполнено данное торжественное обещание о сохранении независимости Грузии. Спорные вопросы об оккупации, о формах управления предполагалось передать на разрешение смешанной комиссии, составленной из представителей 2 и 3-го Интернационалов, которые должны произвести свободный референдум среди населения.

В ответ на это посыпались страшнейшие репрессии. В конце апреля были арестованы почти все видные члены партии и в порядке изоляции помещены в тюрьмы.

Партия с своей стороны развила агитацию среди рабочих масс, крестьян и учащейся молодежи, которые и выступили с требованием прекращения репрессий и эвакуации страны большевицкими войсками. Устраивались собрания, митинги, мирные демонстрации, посылались рабочие делегации в Совнарком. Но большевицкая власть осталась глухой к голосу народа. Репрессии еще более усилились. Мирные демонстрации расстреливались, митинги разгонялись вооруженной силой, делегации арестовывались. В промышленности и на железных дорогах был введен военный коммунизм с прикреплением рабочих к своему месту. Слово протеста было задушено.

Тогда движение ушло с улиц во внутрь, замкнулось в себе и не находя выхода, судорожно схватилось за оружие.

Но большевики продолжали свой метод усмирения. Начались, с одной стороны массовые расстрелы арестованных. Списки убитых стали еженедельно появляться в газетах, где социалдемократы были помещаемы в общий список с уголовными — всем одинаково вменялись в вину бандитизм и контр-революционная деятельность.

Наряду с этим делались отчаянные попытки для разложения социалдемократии. Начали с того, что от рабочих социалдемократов стали требовать подписки о выходе из партии, иначе грозили увольнением, арестом, даже расстрелом... Были случаи расстрела за отказ от такой подписки для устрашения остальных. Арестованных истязали, чтобы вырвать подписку. Подписавшихся же освобождали от всяких репрессий, осыпали милостями и требовали еще более решительных шагов против социалдемократии.

Из них организовывали конференции меньшевистской партии, на которых под бдительным оком чека выносились соответствующие резолюции. Рабочие протестовали, несчастные делегаты отнекивались, но провалить резолюцию им не удавалось.

Таким способом собрали, по подсчету коммунистической прессы, около 25.000 подписей. Цифра внушительная, если бы.. многие из подписавшихся не оказались снова подлежащими аресту и даже расстрелу, как участники трагического восстания 1924 года.

Конечно, нашлись малодушные карьеристы, которые переменялись на сторону власть имущих, но их число не превышает какой нибудь сотни лиц. Масса осталась твердой в своей вражде к насильно водворившейся власти и верной принципам свободы и независимости своего народа.

Несмотря на тяжелые условия коммунистической диктатуры, партийная жизнь за эти годы не прекращалась. Разрушенные организации восстанавливались, места арестованных и расстрелянных занимали новые борцы: молодежь поддерживала сторону партийцев. Старики руководили и организовывали молодежь. Партия выпускает листки и газету в Грузии, несмотря на провал ряда типографий.

Ежегодно созывается партийная конференция, выносятся резолюции по текущим вопросам. Число членов организации, понятно, сократилось, главным образом, в виду конспиративных условий работы. Но на последней конференции насчитывалось около 16.000 человек. Даже восстание 1924 года, которое явилось результатом жестоких репрессий коммунистов и в котором социал-демократическая партия, как главная руководительница революционного движения, понесла больше всех потерь, не могло ее уничтожить.

Массовый расстрел членов партии по выбору Чеки и варварская расправа с заложниками и арестованными, содержавшимися в тюрьме год и более до восстания, расстрел без суда и следствия таких деятелей, как Н. Хомерики, В. Чхикчившили, В. Джугели и других, взволновало общественную совесть всего мира; резолюции сочувствия многострадальному грузинскому народу и решительное осуждение варварства большевиков со стороны демократических и социалистических организаций Европы, особенно резолюции Интернационала, дали огромное моральное удовлетворение и поддержку грузинскому народу. В нем социалдемократия почерпнула силы для преодоления своих тяжелых потерь.

Восстание, как упомянуто выше, было результатом репрессий Чеки, провоцировавших население на вооруженную борьбу. Но это не помешало социалдемократии после понесенных потерь все же пересмотреть пройденный путь и приступить к выработке более верных методов и форм борьбы с диктатурой. Среди социалдемократии в этом отношении наметились определенные разногласия, но партия, думаем, сумеет изжить их внутри себя, тем более, что все течения одинаково отрицательно относятся к большевизму и его диктатуре, и солидарны в основном вопросе о независимости Грузии.

Социалдемократия и в настоящее время продолжает борьбу за организацию рабочего класса и демократических слоев вокруг лозунгов социализма, видя в единении с рабочей демократией всего мира лучший залог восстановления погрязших прав маленькой независимой республики и ее трудящихся классов.

Партия имеет за границей свое представительство в лице Заграничного Бюро, которое совместно с национальным правительством Грузии, тоже состоящим из социалдемократов, ведет борьбу за границей.

Бюро издает ежемесячный журнал, который находит большое распространение в Грузии, куда ввозится, разумеется, нелегально.

Р. Арсенидзе.

Среди книг и журналов.

„Хождение в народ“ на английский лад.

(«My Apprenticeship» by Beautrice Webb). (Мое ученичество),

Во всей недавно появившейся книге Б. Вебб «Мое ученичество» — а книга очень большая: 459 страниц in quarto .— о России ничего нет. Тем не менее книга эта должна иметь для русского читателя и свой особый интерес, помимо общего. Заманчивость книги для русского, по моему, в том, что в ней ему не трудно будет разглядеть весьма знакомые течения, но с совершенно отличными от русских результатами.

Возьмем, например, столь хорошо известные явления, на первый взгляд кажущиеся даже чисто русскими, как «кающиеся дворяне», хождение в народ или земская статистика. Битрис Вебб приняла участие во всех их. Она подробно останавливается на роли каждого из них в жизни Англии и, в частности, в собственной ее жизни, в выработке ее взглядов, ее характера и, наконец, ее личной судьбы. Но какая огромная разница в формах, какие эти явления приняли в Англии и в достижениях, к каким привели.

Конечно, разница должна была сказаться в самом, так сказать, объекте течений. Если чувства и мысли у русских и англичан были одинаковы, то предмет этих чувств и мыслей был другой. Тут и там дело шло о **народе**, но в России, как стране земледельческой, народ представлялся в виде крестьян - земледельцев, а полем работы сделалась главным образом деревня, а в Англии **народ** — это фабричный рабочий, и Меккой для английских паломников, отправлявшихся на поклонение ему, служили рабочие кварталы города. А затем уже тут присоединяются исторические, расовые и прочие наслоения, хранящиеся в глубинах человеческой души.

Таким образом, в то время, как в России в 70-х годах «чувство личной ответственности за свое общественное положение (определе-

ние Н. К. Михайловского, которому, как известно, и принадлежит крылатое выражение «кающегося дворянина») толкало человека в деревню и бредило его совесть лишь мыслью о крестьянине, которому нужно было «уплатить долг», в Англии такое же чувство гнало людей в рабочие кварталы, в самые глухие и переполненные нищетой, развратом и пьянством улицы. А так как из английских городов один лишь Лондон и, главным образом, его восточная часть, Ист - Энд, в 70-х и 80-х годах отличался действительно изобилием таких общественных гноищ, то и все «кающиеся» направлялись для очистки своей совести и расплаты с должниками сюда, в Ист - Энд. Причем можно отметить и то, что в России каялись «дворяне», то есть землевладельцы, жившие на счет крестьянина, а в Англии — люди среднего класса, считавшие, что живут на счет труда городских рабочих. Само собой разумеется, что эта схема на практике не была столь резко разграниченной, и «кающиеся разночинцы» и даже люди, которым ни в чем, собственно говоря, каяться не приходилось, попадали в ту или другую категорию. Но несомненно, что в России тон задал помещичий класс, а в Англии — промышленно - интеллигентный.

В Англии характернейшим представителем кающегося интеллигента, пошедшего в народ, был Арнольд Тойнби сын известного врача - специалиста. Он, будучи молодым человеком 23 лет, по окончании университета, отказался от блестящей карьеры, которая его ждала, и поселился в Уайтчепеле для просветительной и филантропической работы. Он умер в 1883 г. и в память его имени был основан знаменитый Тойнбил - Хол, — нечто среднее между народным университетом и клубом, много раз описанный и в русской литературе.

К сожалению, у меня нет места останавливаться здесь долго на этом чисто английском явлении «кающихся» из высше - средних классов. Во всяком случае Битрис Поттер, ставшая потом Битрис Вебб, была тоже захвачена этим покаянным настроением. Правда, в ней это выразилось не столько каким - то чувством жалости или угрызением совести а недовольством жизнью, ощущением пустоты, неопределенным беспокойством,

Книга «Мое ученичество» состоит почти сплошь из выдержек из дневника, который Вебб начала вести с юных лет и который, как она сообщает, продолжает вести и поныне. И вот в этом своем дневнике, вплоть до 1883 г., когда ей стало уже 25 лет, то есть до того момента, когда она окончательно осознала свои способности и поняла, что доступно, она то и дело отмечает свои душевные метания, свои неудовлетворенные запросы и сомнения. Перед ней, как перед дочерью очень богатых родителей, с обширными связями в финансовом и политическом мире, и притом, как перед девушкой блестящего ума и выдающейся красоты, развертывалась обычная жизнь женщины ее круга: приемы, танцы, поездки, спорт, флирт, угощения, бегания по магазинам, примеривания шляпок и платья, посещение театров, выставок, — и все это чуточку разбавлено филантропической деятельностью и

чтением романов. Но такая жизнь ее не только не удовлетворяла, но и отталкивала. И в дневнике своем она ищет ответов на вопросы религиозные, социальные, экономические. Наконец, она решает идти в народ.

Правда, ее хождение в народ имело не совсем русский характер. Она шла не народной учительницей, не фельдшерницей и не с тайной мыслью агитации, а шла сама учиться, собирать те факты и наблюдения, которые одни и могут служить ответом на вопрос: откуда являются бедность, деморализация, огрубелость, преступность. Но побуждение было одинаковое: и богатую и молодую Битрис Поттер толкало в трущобы Ист - Энда то же человеческое чувство и та же возмущенная совесть, что и дворянку Брешко - Брешковскую или Софию Перовскую. Разница получалась только из за чисто внешних обстоятельств.

«Перенесши свое чувство от служения Богу на служение человеку и потеряв веру в силу одной науки (в Англии под словом Science подразумевается обычно одни лишь физико - математические и естественные науки), я пришла к заключению (это было в 1883 г.), что наиболее многообразующая форма общественного исследования», — пишет она: — К нечто подобному пришли тогда, повидимому, и многие другие. По крайней мере, описания жизни и труда народа во всех их видах, сенсационные и научные, почерпнутые из личных наблюдений или статистических вычислений, сделались характерной чертой всех писаний того времени, газетных журнальных статей, пьес и рассказов, отчетов филантропических или научных организаций».

Русский читатель не может при этом не припомнить, что и в России, особенно в начале 80-х годов 19-го века, местные исследования хозяйственных, санитарных, семейных и прочих отношений и положений, предпринятые, главным образом земствами, начали привлекать к себе множество интеллигентных работников, мужчин и женщин, шедших на эту работу чаще из «чувства долга», чем из корыстных интересов.

Мы дальше увидим, какие важные услуги в состоянии была оказать г-жа Вебб, благодаря ее хождению в народ для собрания фактов. Пока же отметим одну особенность в ее характере. Это — чрезвычайная самостоятельность мысли, крайне редко встречающаяся среди женщин. Нужно сказать, что одним из ее ближайших учителей и друзей был никто иной, как Герберт Спенсер, старый друг ее матери, женщины, о которой с особой похвалой отзывался еще Тэн в его „Notes sur l'Angleterre“. Герберт Спенсер был даже так дружен с Битрис и такого высокого мнения о ее уме, что в 1885 г. назначил ее своим душеприказчиком, доверив ей издания своих сочинений после его смерти и отменил это распоряжение лишь в 1892 г., когда Битрис вышла замуж за социалиста. Этого старый философ индивидуалист не мог переварить и хотя он остался другом ее до конца своих дней, но издания своих трудов тому, кто оказался его оппонентом в теории,

он уже доверить не захотел. Через Спенсера она была также близко знакома с такими великими учеными, как Френсис Голтон, Гексли, Гукер и др. Но тем не менее свое миросозерцание она выработала совершенно независимо от их теорий и взглядов на жизнь и общество, и в своем дневнике в 1884 г. и др. эта английская барышня, никогда до того наверно и не слышавшая о Н. К. Михайловском или об «Исторических Письмах» Лаврова, высказывается также против об'ективизма Спенсера и за роль личности в истории, как и эти писатели. Она также, несмотря на окружавших ее великих ученых авторитетов и на общее тогда чуточку запоздавшее сравнительно с Россией, веяние, делавшее из естественных и физико - математических наук ключ к открытию всяких социологических ларчиков, настаивает на том, что социология — дело особое, что и науки то такой еще нет, что раньше еще нужны бесконечные наблюдения и факты и что «наука об обществе требует великого гения» (запись в ноябре 1884 г.).

В своей книге «Мое ученичество» Битрис Вебб как то отмечает, что она, как и сестры ее, унаследовала кое какие черты по наружности от своей бабушки, жены члена парламента Ричарда Поттера, которая была еврейка. Но, повидимому, внучка унаследовала от бабушки и нечто духовное, то именно мистическое, которое в ней уживается рядом с необычайной ясностью аналитического ума*).

Для знакомства с подлинной жизнью рабочих классов Битрис Вебб начала со службы в некоторых организациях, непосредственно соприкасающихся с домашней и трудовой жизнью обитателей Ист - Энда. Подготовив себя таким образом к искусству собирания фактов, — а искусство это вовсе не такое простое, — она начала работать со своим кузеном Чарлзом Бутсом, известным исследователем лондонской бедноты. Как известно, исследование Бутса по собиранию и изучению данных продолжалось много лет. Оно началось в 1886 году, и результаты в виде 17 томов, под общим заглавием «Жизнь и труд народа в Лондоне» (*Life and Labour of the people in London*) вышли окончательно в 1902 - 3 г. Битрис Вебб, в качестве швей, сама поселилась в Уайтчепеле для получения правильного представления о домашних условиях трудовых слоев населения и затем своим опытом и выводами она оказала решающее влияние на заключения заседавшего в 1888 г. комитета палаты лордов о «потогонной» ситеме. Г-жа Вебб своими фактами доказала всю неосновательность приписывания зла от этой «системы» посредникам, как тогда настаивали многие свидетели и экономисты, особенно из тех, которые все приписывали наплыву дешевых рук в виде массового переселения евреев из России.

*)Бабушка ее на старости помешалась на сионизме и вообразила себя призванной вывести евреев в Палестину. Она уже была даже на пути в Иерусалим, вообразив себя вождем, за которым следуют толпы евреев. Но, увы, вместо Иерусалима, попала в дом умалишенных.

Она успела убедить, что посредничество тут не при чем и что наплыв **дешевых** рук вовсе не так значителен в портняжно - швейном, столярном и др. отраслях труда, в которых тогда господствовала потогонная эксплуатация. Она указала на действительные причины, которые влияют на дешевизну рук в лондонском Ист - Энде и таким образом направила законодательство на более верный путь. В своих отчетах, подготовленных ею для издания Чарльза Брутса, она опять таки на основании личных и детальных наблюдений и исследований, успела рассеять существовавший долго предрассудок, отождествлявший деморализацию и нищету в некоторых частях Лондона, особенно вблизи доков, с рабочим вопросом. Она протестовала против этого, и из опыта среди ланкаширских ткачей и прядильниц и среди лондонских докеров и механиков она вынесла не только впечатление, но и фактическое знание, что ни по характеру, ни по образу жизни и ни по экономическим условиям «рабочие классы» никак не могут быть смешиваемы с так называемыми «лондонскими бедными». Проблема рабочего вопроса требует совершенно другого подхода, чем проблема лондонской бедноты.

Здесь было бы долго говорить о практических результатах исследования Брутса. Скажем лишь, что все социальное законодательство Ллойд - Джорджа, — а оно было огромное и во многих случаях решающее, — основывалось не мало на фактах и выводах „*Life and Labour of the people in London*“ Это признал сам Ллойд - Джордж.

Самое детальное личное изучение английской кооперативной торговли дало потом г-же Вебб возможность издать в 1891 г. свою книжку о кооперативном движении, переведенную на все языки.

Мы подошли к концу периода «ученичества» и к началу периода, который г-жа Вебб обозначает словом «партнерство», к работе, как она говорит в шутку, «фирмы Б. и С. Вебб». С 1892 г. начинается ее совместная писательская деятельность и жизнь с Сиднеем Веббом. Это партнерство дало целый ряд исторических и иных работ, которые, однако, уже лежат вне обзора книги «Мое ученичество».

С тех пор разные университеты наградили ее учеными степенями, правительство — будь то консервативное, либеральное или рабочее — то и дело назначает ее членом королевских комиссий и комитетов, а в супружестве она, по ее словам, обрела и величайшее личное счастье.

И подумать, что те же «муки покаяния», те же порывы хождения в народ, та же исследовательская работа привела в России людей к каторге и смерти, к духовному и экономическому разрушению и опустошению.

Лондон.

С. И. Рапопорт.

Театральные мемуары.

Ф. Шаляпин — Страницы из моей жизни 3 т. Рабоч. из. Прибой Ленинград 1921 г. К. Станиславский — Моя жизнь в искусстве. — Изд. «Петрополис», Берлин, 1926 г.).

Ни в одной области искусства личность не играет такой подавляющей роли, как в театре. В живописи, в музыке, в скульптуре имеется непрерывная традиция, поддерживаемая вечно существующими произведениями, из которых могут черпать все новые и новые поколения. Иначе дело обстоит с театром, где созданное сегодня завтра расплывается, становится неуловимым, а в дальнейшем как бы умирает. Работа большого артиста или режиссера начинается всегда с его личностью, он должен до всего дойти сам, полагаясь на свою интуицию, талант и работоспособность. Еще недавно считалось вполне нормальным, что со смертью театрального деятеля почти до основания уничтожались все его достижения, и следующие поколения должны были начинать всю работу сызнова. Правда, великие артисты, которые бывали в большинстве случаев и режиссерами, оставляли своих учеников, а иногда и какие-то намеки на принципы своего творчества, но ученики в большинстве случаев ограничивались фактическим подражанием учителю, который их ослеплял талантом, принципы превращались в ходячие афоризмы. Наше время внесло в театральную деятельность то новое, что все добытое, как предшествующим поколением, так и современностью начали систематизировать, приводить в такой порядок, из которого бы могла выйти система театрального творчества; иными словами усилия театрального творчества за последнюю четверть века были направлены на закрепление достижений, на создание такой базы, на которой талант мог бы более уверенно стоять и всю свою силу направлять на горение, а не на неорганизованное и случайное искание путей.

Книги Станиславского и Шаляпина дали нам картину этой деятельности в двух разных областях русского театра. К. Станиславский берет вопрос гораздо шире, показывает нам работу не только над собой, но и над тем большим человеческим и артистическим материалом, который был у него под рукой в М. Х. Т. и в его студиях. Шаляпин же в первом томике своих воспоминаний и автобиографии набрасывает как свои личные, так и художественные переживания и одновременно указывает

пути, по которым он к ним дошел. И то и другое будет весьма полезным для артистов и певцов и интересным для простого, не специализирующегося читателя.

Как свидетельствует уже само название книги Станиславского (Моя жизнь в искусстве), все его воспоминания направлены исключительно в сторону искусства, и даже первая часть — Детство — повествует или о детских театральных впечатлениях или о качествах и свойствах характера, имеющих и в дальнейшем значение для художественной работы. И вся дальнейшая жизнь и деятельность берутся именно с этой уже точки зрения; автор как бы подчеркивает свое намерение говорить о себе не как о человеке, а как об артисте и режиссере, и всем четырем отделам своего труда дает названия — артистическое детство, отрочество, юность и зрелость. Результатом такого личного самоограничения является такая полная и глубокая картина артистических работ и исканий Станиславского и возникновения Художественного Театра, какая не была дана еще ни в одной книге и даже таким специалистом как Н. Эфрос в его трудах об отдельных постановках М. Х. Т., его юбилейной истории и о К. Станиславском. Дело в том, что все, даже ближайшие друзья М. Х. Т. были в конце концов лишь зрителями, видящими результаты. Правда, тот же Эфрос, бывая на репетициях, вел часто беседы с Станиславским и В. Немировичем - Данченко и тем как бы проникал в самую художественную лабораторию, но в конечном счете ведь законченная мысль является уже чем-то совершенно иным, чем зарождающаяся, оформляющаяся. Сам Станиславский открывает как раз весь процесс и всю муку создания им своих театральных идеалов и их воплощения в спектаклях М. Х. Т. Тут происходит нечто подобное тому, как если бы начала вдруг поворачиваться вращающаяся сцена и открыла перед нами кулисы, всю их тайную и оборотную сторону. То, что мы в течение более чем четверть века принимали за совершенные достижения, что нам казалось полным выполнением замысла художников, в действительности оказывается слабым отражением тех картин, которые представлялись очам артиста и режиссера Станиславского. Правда, к которой всю жизнь стремится он сам, к которой шел весь театр, не была найдена, ибо недостаточно правды внешней, внутренняя же правда постоянно от него ускользала. Из этой постоянной и непримиримой самокритики возникает и знаменитая «сценическая теория Станиславского», о которой столько писалось, но которую по настоящему, кроме его учеников, никто не знает. Ее полному изложению, для фиксации театральной традиции и работы, Станиславский обещает посвятить свою следующую книгу.

Особый современный, а для театраловъ прямо животрепещущий интерес представляют некоторые последние главы книги, в которых Станиславский, с одной стороны, намечает тот дальнейший идеал, к которому по его мнению должен в будущем идти театр, а, с другой, дает критику новых театральных течений. Со многим во взглядах Станиславского можно не соглашаться, но нельзя не признать, что его

разбор является первой серьезной критикой специалиста, знающего все стороны театра. Мнение Станиславского, что новые передовые театры прибегли к старым, затрепанным приемам, преодоленным М. Х. Т. справедливо лишь относительно. Знаменитый режиссер забывает, что до него эти приемы применялись бессознательно, ими пользовались как рутинной, теперь же они являются одним из средств или элементов художественного творчества, т. е. из цели превратились в средство. Но главный тезис Станиславского, что на сцене не должно быть джи, вернее фальши, что во всякую ложь зритель должен верить, как в правду, правилен для всех эпох и всех школ.

В ином роде сделаны Ф. Шаляпиным «Страницы из моей жизни». Шаляпин настолько талантлив, что за что бы он ни взялся, все выходит блестяще, а потому его автобиография прежде всего является интересным и прямо художественным чтением. Никогда даже М. Горький не дал такого «Дна», таких босяков, каких мы встречаем при описании детства Шаляпина. И вот из таких трущоб, не имея пред собой ясных целей, руководствуясь лишь одним художественным чутьем и опираясь на помощь случайных друзей, Шаляпин вышел на широкий путь истинного искусства. Всю эту жизненную эпопею можно бы было назвать преодолением будней через искусство.

Весьма интересны и характерны для русской истории конца прошлого и начала нашего столетия те стремления, которые пробудились почти одновременно у Станиславского вышедшего из богатой, интеллигентной московской среды, и у Шаляпина, росшего среди самой захудалой бедноты приволжского города. Большие идеи носятся в воздухе, над их осуществлением могут работать различнейшие люди, в разнообразнейших кругах и даже землях. Ту правду, которую Станиславский искал для драмы, Шаляпин старался осуществить в опере, и оба они боролись с рутинной и косностью, которые мешают свободному развитию искусства и превращают его в ремесло.

Личной жизни в книге Шаляпина гораздо больше, чем у Станиславского. Да это и понятно, так как в то время, как московский режиссер уже с детства мог проявлять свои театральные симпатии, будущий знаменитый певец был принужден ошущью разбираться в своих чувствах и таланте, часто непонятных ему самому. Однако, во всей книге мы встречаем подобные отступления, часто выражающиеся в описании комических происшествий и прямо анекдотов; очевидно цель записок Шаляпина, обуславливаемая свойством и дарованием писателя, была иная, чем у Станиславского. Наконец, я бы сказала, что размеры рисуемой картины у Шаляпина гораздо больше, он захватывает много шире общественную жизнь и всю столь характерную эпоху. Его книга менее научна, менее специальна (быть может в следующих томах, где он будет более тесно и непосредственно связан с искусством и театром, характер описания изменится), но зато более интересна для историка эпохи и среднего читателя.

Н. Мельникова - Папоушек.

Отзывы о книгах.

О. ДАВЫДОВ. Маклочане. Библиотека для всех. № 257-258 Лгр. 1926 г. Изд. «Прибой» Стр. 64 в 16. 10 к. 15,000 экз.

В форме «производственного» со статистикой и бухгалтерией рассказа, не лишённого своеобразной выразительности, повествует О. Давыдов о новом строительстве в Гдовской деревне — Маклочно и даже о динамике ее социального расслоения. Вот описывается «кисня молочный день» 1923 года, когда «агроном — Ян Обелит, старый и скроенный революцией, жесткой рукой своей» — втиснул под брюхо иссохшего хозяйства необычайно простой и в простоте своей могучий рычаг и рычагом этим, как женщина вилами отверделый навоз... «перевернул мутную морозовско - петровско - васильевскую жизнь»... Рычагом оказывается молочное на паях товарищество. В него записывается всего 6 человек, на сходе 80 рук поднялось против артели. Но 6 человек отхлопотали в усельсоюзе маленький кредитный сепаратор — и на веранде Обелито-ва дома устроен был первый ма-

слобойный завод... «Говорят, когда заболевшего туберкулезом везут в курорт, нельзя его сразу отдавать безжалостному солнцу — нужно начинать с мизинцев ног»... А в 1926 г. в товариществе — состояло уже 541 семейство, расчитались с кредитом, имеют 19 пунктов с 21 сепаратором, несколько маслобоек, сельско - хозяйственную библиотеку... Деревня сменила убийственный отхожий промысел на творческую работу у себя дома! Вот за артелью крестьянки — бобылки наладили и секцию по улучшению скота, принялись и за усиленные корма... Далеко еще не все маклочане поняли истину: 4 фунта хлеба стоят 6 коп. и дают 3 фунта молока, а 2 фунта пшеничных отрубей в 2 коп. тоже 3 фунта. Да и до трактора еще не дошли: и лошадям пока работы найдется...

«Бывает так: течет глубокая в полноводье забирающая русло река. Не видно на поверхности — а внутри уже сотни ручейков, растекают в стороны берега — никто не заметит, как свернет сразу река и изменит русло, вправо или влево..»

Очень живо набросан портрет гдовского самородка Егория Малофеева, «революционнейшего крестьянина», по аттестации волисполкомов, кооперативов и некоторых коммунистов. Взял он лучший кусок в Черневе — вотчине князей Салтыковых, а к последним месяцам 1925 г. хозяйство Егория с помощью вика и добрых коммунистов достигло:

- 80 десятин покосной и пахотной земли,
- 20 молочных коров,
- 5 или 6 откормленных клевером битюгов,
- конной молотилки,
- конфетной фабрики,
- пекарни..

Товарищ, комсомолец, из волисполкома говорит автору:

— Со старым мужиком нашим трудно бороться против Малофеева, загоняет он его как то и кредитом и обходом и черт его знает как. А вот, если нашего брата взять молодого, тут дело другое... Молодой, он, знаешь, в революцию то и понимать то только стал, он кулака не видел, зато и нутро его почует, не наш, мол, и все...»

Повидимому, молод и автор. Деревню он знает, любит, а главное чувствует. Но у него, несмотря на некоторое уныние пред малофеевщиной, столько оптимизма, что его наблюдения больше походят на агитку. При исключительной одаренности и впечатлительности, он еще не поднялся над фракционным подходом к действительности — не хватает ему и всероссийских горизонтов: чуждые ветры не да-

леко унесут его ладью. Но среди множества показаний о современной русской деревне его слово звучит особенно: искренно, значительно и веско к этому слову нужно прислушаться. Будем теперь невольно искать подпись автора среди новых книжек.

Д. Лутохин.

ФРАНЦ ЮНГ. История одной фабрики. Перевод с нем. Я. Ф. Юделовича. Изд-во «Книга» 1925 стр. 98 в. 8^о 65 кон. 4.000 экз.

В обширной литературе, посвященной октябрьской, так называемой пролетарской революции меньше всего отводилось места описанию внутренней жизни фабрики и рабочему быту. Эти вопросы обходились и советскими и зарубежными исследователями и мемуаристами. Вот почему книга Юнга заслуживает внимания. Автор — лично принимал в 1922-23 г. ответственное участие в восстановленной спичечной фабрике «Солнце» в Чудове, Новгородской губернии, но написал свою книгу о состоянии этой фабрики за все время революции не только по личным наблюдениям.. Он коммунист и, вероятно, поэтому счел нужным попутно уделить время обличению в интригах с. р. - ов и меньшевиков, хотя и оговорился в одном месте, что причина недовольства властью у рабочих была ясна — и что трудно сказать были ли недовольные группы организованы определенной партией.

Более конкретны указания автора на упорное стремление

шведского спичечного синдиката, руководимого Крюгером, забрать национализированные русские спичечные фабрики в свои руки. «На каждой спичечной фабрике Новгородской губернии у Крюгера были свои доверенные лица, иногда бухгалтера, иногда инженеры; на Чудовской фабрике эту роль, очевидно, играл сам управляющий Курыкин. Он посылал шведскому синдикату подробные сведения обо всем, что там делалось. Даже среди членов старого Правления треста сидели шпионы Крюгера»..

Автор, повидимому, не очень опытен в литературной работе. Этим только можно объяснить и отсутствие некоторых деталей (например, история фабрики Лапшина в введении книги страдает полным отсутствием дат) — и дешевый, агитационный тон, местами вызывающий улыбку, например: «эксплоатация крестьянства и кустарей ни в одной из воюющих капиталистических стран не была доведена до такой крайности и утонченности, как в районе деятельности Лапшина. Всевозможные химические материалы от сапожной ваксы до вспомогательных материалов для взрывчатых веществ, все отрасли обработки дерева и плетения, поскольку они нужны были для военных надобностей — производились в мастерских или избах крестьян. Эта невероятная эксплуатация сильно повлияла на русских крестьян. Пролетарский характер их выступил сильнее и уже на втором году войны пр-во

вынуждено было послать в Грузию казаков». В чем выражалась эксплуатация — автор либо забыл, либо не сумел объяснить..

Положительной стороной книги является не только новизна темы, но и то, что Юнг хорошо знаком с производством, близко соприкоснулся с советской промышленностью, не считает нужным скрывать ошибок советской экономической политики, промахов в организации дела. Поэтому в книге много штрихов, озаоряющих картину любой национализированной фабрики.

Несмотря на то, что автор потерпел неудачу в своей работе по восстановлению Чудовской спичечной фабрики — и оно осуществлено было самими рабочими, он смотрит на судьбы промышленности оптимистически и соглашается со старым коммунистом, рабочим Носевым (возглавившим Пгр трест военной промышленности), который главную ошибку рабочих видит в том, что они хотели сделать все сразу, а все дело в выдержке, вера — же в успех непоколебима.

К сожалению, Юнг очень мало говорит о себе, ничего не сказали о нем ни переводчик, ни издатель. Между тем особенно такая книга, в которой многое может служить свидетельским показанием возбуждая желание установить «лицо» составителя. Внешне — она производит впечатление не написанной по заказу, да и издало перевод ее не коммунистическое издательство.

Д. Г.

**РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ**
J. ROVOLOZKY & CIE 13, RUE BONAPARTE PARIS VIe
ВСЪ РУССКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ
ОТКРЫТО БЕЗЪ ПЕРЕРЫВА СЪ 9 Ч. ДО 7 ВЕЧ. TEL: FLEURUS 42-01

Chèques postaux: Paris 195-33

R. C. Seine 212-183 B.

Фирма основана в 1910 г.

.....

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

журнала

„ВОЛЯ РОССИИ“

Для ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ
и ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

.....

Собственные издания на Русском и Французском языках. Все зарубежные издания. Все Книги Советской России. Детские книги. Учебники. Повари и самоучители иностранных языков. Ежемесячные бюллетени всех французских изданий. Каталоги высылаются бесплатно.

— АНТИКВАРИАТ —

ВСЕ КНИГИ ПО ИСКУССТВУ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

.....

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

J. ROVOLOZKY & CIE

EDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe)

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

№ 2 ЖУРНАЛА

ВЕРСТЫ

под редакцией:

КН. Д.П.СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО, П.П.СУВЧИНСКОГО и С.Я.ЭФРОНА

при ближайшем участии:

АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА, МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ и ЛЬВА ШЕСТОВА

СОДЕРЖАНИЕ № 2 :

М. Цветаева — Тезей (трагедия), Артемь Веселый — Восстание, Андрей Белый — гл. из ром. Москва под ударом, Ю. Тынянов — Конец Кюхли, Алексей Ремизов — Россия и Памяти Добронравова, кн. Н. С. Трубецкой — О метрике частушек, Л. П. Карсавин — Без догмата, В. Э. Сеземан — Проблемы современной эстетики, Е. Богданов — Трагедия русской интеллигенции, кн. Д. П. Святополк - Мирский — Веяние Смерти в Прдреволюционной Литературе, В. Groethuysen — Парадокс буржуазного Миросозерцания, R. Fernandez — заметки о современной Французской литературе, E. M. Forster — Современная Английская Литература Библиография:

кн. Д. П. Святополк - Мирский, В. Н. Ильин, Е. Извольская, А. Койре. Материалы: В. В. РОЗАНОВ - АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Книжный магазин „МОСКВА“, 9, rue Dupuytren, Paris

Единственный представитель для всей Америки:

S. A. Evreinov, 102 Frowbridge St Cambridge, Mass. U. S. A.

Открыта подписка на 1927 год

15-й год
издания

„НОВЫЙ МИР“

15-й год
издания

„NUEVO MUNDO“

Единственная русская газета в Южной Америке

Прогрессивная, общественная, литературная газета. Имеет собственных корреспондентов во всех главных центрах Европы, Америки и С. С. С. Р.

Газета дает богатую информацию по всем вопросам.

Условия подписки:

за границу в год 5 долларов

на 6 месяцев 3 доллара

Прием подписки и объявлений

BUENOS AIRES ARGENTINA Boyaca 619

Imp. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur, 34, r. Richer Paris (9°)